

Зарубежная

фантастика

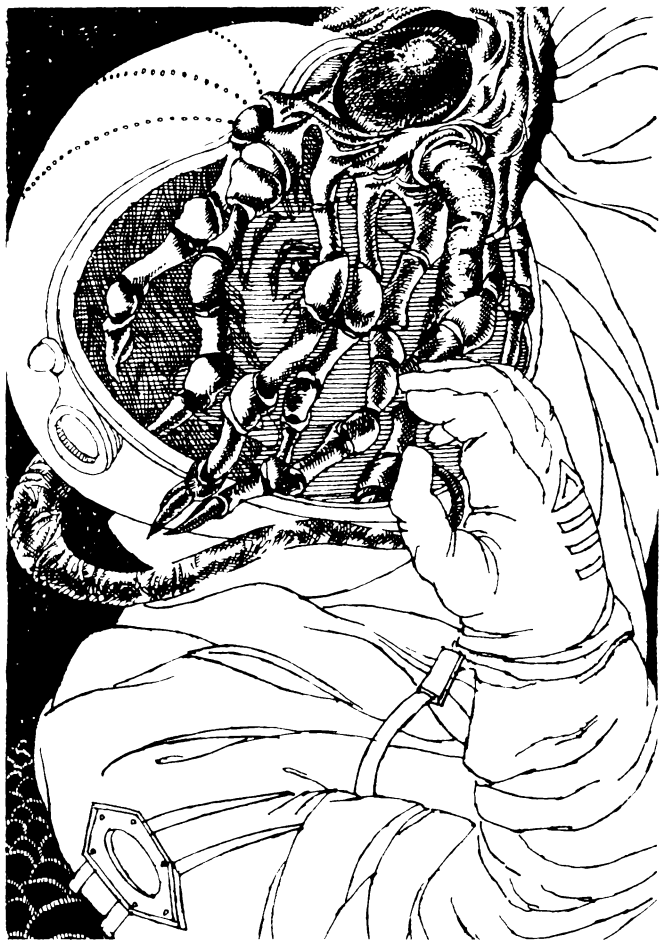
Алан Д. Фостер
ЧУЖОЙ

Алан Д. Фостер
ЧУЖОЙ
Научно-фантастический
роман

Издательство «Мир»

Зарубежная фантастика

Alan Dean Foster
ALIEN

New York Warner Book 1979

Зарубежная

фантастика

Алан Д. Фостер ЧУЖОЙ

Научно-фантастический
роман

Перевод с английского
А.К. АНДРЕЕВА

Москва «Мир» 1994

ББК 84.7 США
Ф81

Фостер А.Д.

Ф81 Чужой: Науч.-фантаст. роман / Пер. с
англ. А.К. Андреева. – М.: Мир, 1993. –
320 с. – (Зарубеж. фантаст.)

ISBN 5-03-003058-1 (РФ)

Первый роман научно-фантастической трилогии
одного из самых популярных сегодня американских
писателей-фантастов, написанный по сценарию широ-
ко известного фильма и посвященный теме внезем-
ных форм жизни.

Ф $\frac{4703040100 - 111}{041(01) - 93}$ без объявл.

ББК 84.7 США

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

ISBN 5-03-003058-1 (РФ)
ISBN 0-446-32878-2 (США)

© 1979 by Twentieth Century-
Fox Film Corporation
© перевод на русский язык,
Андреев А.К., 1993
© художественное оформле-
ние, Сошинская К.А.,
1993

Джиму Маккуэйд...
Доброму другу и человеку,
посвятившему себя
исследованию невероятного...

1 Семеро спящих.
Читателя сразу следует предупредить, что это вовсе не профессиональные сновидцы. Профессиональные сновидцы – высокооплачиваемые особо почитаемые специалисты. Стать профессиональным сновидцем может далеко не каждый, для этого нужно обладать редчайшим природным даром. Эти семеро видели сны точно так же, как и почти любой из нас – без усилий, без всякой системы. Профессиональное сновидение, когда сны записывают и потом воспроизводят для развлечения публики, – намного более сложное занятие. Чтобы стать профессиональным сновидцем, надо овладеть способностью регулировать свои подсознательные творческие импульсы и расслаивать воображение; делать и то и другое одновременно невероятно трудно. Профессиональный сновидец должен быть самым организованным из всех художников и в то же время самым непосредственным; для этого требуется тончайшее переплетение множества мыслей, а не такое ограниченное, прямолинейное и неповоротливое мышление, каким наделены вы или я. Или эти семеро спящих.

Из этих семерых ближе всех к сновидцам была Рипли. Природа явно наделила ее сновидческими задатками, да и яркостью воображения она заметно превосходила своих товарищей по экипажу. К сожалению, Рипли не хватало на-

стоящего вдохновения и зрелости мыслей, характерной для прирожденного сновидца.

По организации поставок топлива, материалов и груза, по оптимальному заполнению складских помещений, по подготовке и проверке деклараций на корабельные грузы Рипли не было равных. А вот на собственном чердаке ей никак не удавалось навести порядок. Тут из одного отсека в другой беспорядочно носились надежды и страхи, рассуждения и неосуществимые мечты.

Уорент-офицеру Рипли определенно не доставало умения владеть собой. Весьма причудливые, хотя и не совсем оформившиеся мысли лежали почти на поверхности, их нужно было только чуть подтолкнуть, и они превратились бы в грезы профессионального сновидца. Легкое усилие, чуть больше уверенности – и из Рипли вполне мог бы получиться достойный кандидат на эту роль. Во всяком случае сама Рипли иногда так думала.

Теперь капитан Даллас. На первый взгляд могло показаться даже, что он отличается некоторой ленцой, но на самом деле это был самый организованный член экипажа. И в недостатке фантазии его трудно было упрекнуть. Никто не ложился в холодильную камеру с бородой. Никто, кроме Далласа. Как сам капитан объяснял любопытным, борода подчеркивала его индивидуальность. Со своим атавистическим волосяным покровом на лице он расстался бы не охотнее, чем с любой другой частью тела. Даллас отвечал за два объекта: межзвездный буксир "Ностромо" и собственное тело. И буксир и тело капитана должны были оставаться в целости и сохранности и во время сна, и после пробуждения.

В Далласе жил несомненный талант руководителя, но он почти начисто был лишен всякого воображения. К сожалению, профессиональному сновидцу последнего требуется намного больше, и даже избыток первого никак не может компенсировать недостаток второго. Короче говоря, Даллас еще менее годился в профессиональные сновидцы, чем Рипли.

Помощник капитана Кейн управлял своими мыслями и действиями похуже Далласа, а о его фантазии и говорить не приходилось. Он был хорошим исполнителем, но никогда не смог бы стать капитаном. Для этого нужно особое призвание и способность руководить подчиненными; природа не осчастливила Кейна ни тем, ни другим. По сравнению со снами Далласа сны Кейна были полупрозрачными, бесформенными картинками. Да и сам Кейн казался ухудшенной копией капитана. Правда, от этого его любили несколько не меньше, но чтобы стать профессиональным сновидцем, нужно обладать колоссальной энергией, а у Кейна ее едва хватало на то, чтобы справиться с повседневными заботами.

Сны Паркера не отличались агрессивностью, но и идиллическими, как сны Кейна, их тоже нельзя было назвать. В них вообще отсутствовала фантазия. Для этого они были слишком конкретными; к тому же в них редко появлялись человеческие персонажи. Наверно, другого и нельзя было ожидать от инженера, вечно торчавшего в машинном отделении корабля.

Сны Паркера всегда были реальными, порой даже грубыми. В бодрствующем состоянии Паркер тщательно скрывал подобные мысли, и прорывались они у него крайне редко, только в минуты гнева или раздражения. Черные мысли

и презрение к окружающим были надежно спрятаны в самых дальних тайниках его души. Товарищи по экипажу видели лишь то, что было на поверхности, и никогда даже мельком не замечали, что обуревало душу инженера.

Что касается Ламберт, то ее скорее всего можно было отнести к вдохновительницам сновидцев. Ее беспокойный гиперсон был полон межсистемных схем, коэффициентов запаса прочности, графиков и формул, которые тут же перечеркивались расчетами, связанными с необходимым количеством топлива. Иногда в такие математизированные сны вторгались элементы фантазии, но эти вторжения были слишком слабыми, чтобы взволновать других.

Паркер и Брет схемам Ламберт часто мысленно противопоставляли собственные межсистемные схемы. Они могли обсуждать коэффициент запаса прочности и пространственного наложения так, что Ламберт, услышав их, наверняка пришла бы в бешенство. Чтобы не выводить ее из себя, Паркер и Брет предпочитали не обсуждать проблемы вслух. Раздражать Ламберт не стоило. Именно от нее как штурмана "Ностромо" зависело, доберутся ли все они до своего дома, а в этом заключалось самое сокровенное желание каждого из них.

На космическом корабле только у Брета было звание техника. Хотя, по мнению экипажа, он был не глупее Паркера, да и знаний у него было не меньше, и если в чем он и уступал инженеру, то только в звании. Со стороны Брет и Паркер могли показаться странной, совершенно несовместимой парой. И тем не менее они спокойно сосуществовали и работали очень слаженно. Их дружба и успешная работа зижди-

лись большей частью на том, что Брет никогда не возражал Паркеру. Насколько Паркер был многословен и капризен, настолько же Брет, по крайней мере внешне, был флегматичен и молчалив. Паркер мог часами разглагольствовать о вышедшей из строя микросхеме, проклиная все и вся вплоть до той руды, откуда были извлечены входящие в нее редкоземельные элементы. Брет терпеливо его выслушивал и односложно комментировал: "Верно".

Для Брета это слово значило нечто намного большее, чем выражение собственного мнения. Им он пользовался для самоутверждения - ведь для него молчание являлось идеальной формой общения, а болтливость была сродни безумию.

Еще на корабле находился Эш, офицер-исследователь. Его сны отличались наибольшей странностью, однако не потому, что он принадлежал к ученому миру. Да и странность его снов была особенной. С профессиональной точки зрения сны Эша были организованней снов любого другого члена экипажа, так как соответствовали мышлению Эша в бодрствующем состоянии. В снах этого ученого мужа не было места иллюзиям и фантазиям.

Знай вы хорошо Эша, вас это нисколько бы не удивило. Однако никто из членов экипажа этим похвастать не мог. Эш же знал себя отлично. Он вполне мог объяснить, почему не может стать профессиональным сновидцем, но никому и в голову не приходило спрашивать его об этом, хотя Эш не скрывал, что смотреть сны ему нравится больше, чем любому из его коллег.

Еще на корабле был кот. Его звали Джонсом. Самый обыкновенный домашний - точнее

корабельный – кот: большой, рыжий, с непостижимой родословной и независимым характером. Джонс давно привык к особенностям жизни на межзвездном космическом корабле и к разнообразию характеров тех двуногих существ, что пустились в путешествие с ним в космическое пространство. Кот тоже спал в холодильной камере, он видел простые сны о теплых, уютных местечках и о мышах, которых прижимает к полу сила тяжести.

Из всех, кто спал на борту корабля, довольным можно было назвать только Джонса. Довольным, но не наивным.

Досадно, что никто из членов экипажа “Ностромо” не приобрел квалификации профессионального сновидца – ведь любой из них за время своей службы видел снов больше, чем добрый десяток профессионалов – и это несмотря на то, что в состоянии гиперна их мозг работал в несколько раз медленней. Сон стал их главным занятием по необходимости. В холодильных камерах для гиперна только и оставалось, что видеть сны. Астронавты могли навсегда остаться любителями, но они уже давно стали любителями весьма компетентными.

На корабле их было семеро. Семеро сновидцев во власти ночных кошмаров.

Но сам корабль “Ностромо”, тоже обладавший чем-то вроде сознания, снов не видел. В них, как и в консервирующем эффекте холодильных камер, он не нуждался. Если бы корабль и видел сны, они были бы весьма мимолетными, потому что он никогда не спал. Он работал, поддерживая системы жизнеобеспечения и делая все, чтобы впавшие в сон человеческие существа неизменно хотя бы на шаг опережали

вездесущую смерть, которая следовала за находящимися в гиперсне людьми по пятам, словно огромная серая акула за судном в обычном земном море.

В тихих, безлюдных корабельных помещениях все повсеместно свидетельствовало о ни на секунду не прекращавшейся бдительности “Ностромо” – приглушенные шумы и неяркое мерцание казались дыханием приборов и механизмов. Щупальца приборов пронизали весь корабль, протянулись к каждой микросхеме, к каждой распорке корпуса. Сенсорные датчики имелись и на наружной поверхности корабля. Они следили за пульсом космоса и особенно чувствительно реагировали на электромагнитные аномалии.

Электронный мозг корабля занимался расшифровкой сигналов. Какая-то часть этого мозга, получив очередной сигнал, долго и тщательно его “пережевывала” и, обнаружив необычный “вкус” и изучив результаты анализов, наконец приняла решение. Спящие приборы встрепенулись, дремавшие было микросхемы вновь ожили и вновь принялись регулировать потоки электронов. Как бы празднуя принятие решения, вспыхнули тысячи ярких огней, символизируя пробуждение неорганической жизни.

Прозвучал характерный сигнал, хотя пока его могли услышать и понять лишь искусственные барабанные перепонки. Такой сигнал давно не звучал на борту “Ностромо”; он предвещал не частое событие.

Внутри гигантской посуды корабля, что пробуждалась в щелчках, вспышках и бормотании приборов, находилось особое помещение, облицованное белым металлом. Здесь лежали семь таких же снежно-белых коконов из металла и пластика.

Раздался новый звук – взрывоподобный выдох, помещение наполнилось свежесочищенным, пригодным для дыхания воздухом. Укладываясь в коконы, люди доверяли свои жизни мозгу электронного божества “Ностромо“, которое должно было дать им животворный воздух тогда, когда сами они не в состоянии были это сделать.

Теперь щупальца-датчики этого полумразумного электронного существа, проверив наполнивший комнату воздух, заключили, что он пригоден для поддержания жизни столь хрупких органических существ, как люди. Зажглись дополнительные световые сигналы, замкнулись новые электрические цепи. Без победных звуков фанфар со всех семи коконов были сброшены крышки, и на свет снова появились семеро живых представителей рода человеческого.

Оторванные от своих снов, они производили еще более жалкое впечатление, чем в гиперсне. Во-первых, они с головы до пят были покрыты вязкой консервирующей жидкостью, в которую были погружены их тела во время гиперсна. А всякая слизь на теле, будь она даже консервантом, удовольствия не доставляет.

Во-вторых, все они были обнажены, а ведь слизь – не лучший заменитель того искусственного покрытия, которое облагораживает человека и делает его более стройным.

– Боже мой, – с отвращением пробормотала Ламберт, стараясь стряхнуть вязкую слизь с рук и плеч, – как же я замерзла!

Она покинула свой кокон – этот своеобразный гроб, правда, хранитель жизни, а не смерти – и юркнула в соседний отсек. Отыскав там полотенце, женщина принялась тщательно стирать прозрачную слизь с ног.

– И почему это Мамаша, черт бы ее побрал, не может сначала подогреть корабль, а уж потом будить нас? – брюзжала она, вытирая ступни и стараясь вспомнить, куда сунула свою одежду.

– Вы же сами отлично знаете почему, – ответил Паркер; он слишком устал и слишком торопился стереть с себя слизь, чтобы смотреть на нагую женщину. – Такова политика Компании. Свою жадность она прикрывает лозунгом экономии энергии. Зачем тратить лишнюю энергию на предварительный обогрев, если, выходя из холодильной камеры, все равно ощущаешь холод. Вы же знаете, при гиперснe температура тела тоже понижается.

– Знаю, конечно. Но все равно ужасно холодно, – не унималась Ламберт. Она понимала, что Паркер прав, но признавать собственную неправоту было не в ее правилах. Тем более инженер всегда ей не нравился.

Мамаша, молила она, глядя на гусиную кожу на руках, дай хоть немного тепла, черт бы тебя побрал!

Даллас тщательно снимал мокрой губкой остатки липкого консерванта, стараясь не смотреть на сигнал, который не могли видеть другие члены экипажа, чтобы не привлекать к нему внимания. Он заметил его прежде, чем поднялся из своего кокона. Все было сделано так, что капитан не мог не увидеть его.

– За работой мигом согреемся, – сказал он, на что Ламберт пробормотала что-то невразумительное. – Все по местам. Надеюсь, вы не забыли, что вам платят не только за беспробудный сон, который уносит все ваши заботы.

Никто не улыбнулся и не счел нужным от-

ветить. Паркер посмотрел на Брета, который только вставал из своего кокона.

- Доброе утро, Брет. Ты еще с нами?

- Угу.

- Нам повезло, - заметила Рипли. Она потянулась, и даже сейчас это движение у нее получилось изящнее, чем у других. - Рада слышать, что наш самый разговорчивый коллега словоохотлив, как и всегда.

Брет улыбнулся, но не проронил ни слова. От природы он был не более болтлив, чем те машины, которые обслуживал. Его молчаливость была неиссякаемым источником шуток для всех членов экипажа. Впрочем, обычно все смеялись вместе с Бретом, а не над ним.

Даллас разминался; он делал повороты корпуса, скрепив руки перед грудью и подняв локти до уровня плеч. Ему казалось, что он слышит, как скрипят его долго бездействовавшие мышцы. Он не мог отделаться от мыслей о мигающем желтом световом сигнале. Этим дьявольским желтым глазом циклопа корабль давал человеку знать, что их разбудили отнюдь не по случаю конца путешествия. Капитан терялся в догадках.

Приподнялся и Эш, непонимающе озираясь по сторонам. Казалось, он все еще пребывает в гиперсне, хотя его лицо приняло уже вполне осмысленное выражение.

- Я совершенно разбит, - проговорил Эш, посмотрев на Кейна.

Помощник капитана зевал и, судя по всему, тоже еще не совсем проснулся. Эш утверждал, что Кейн находил в гиперсне особое удовольствие и, представься ему такая возможность, с радостью провел бы в летаргическом сне всю жизнь.

- Ну и вид у вас! Краше в гроб кладут! - оглядев Эша и Кейна, заметил Паркер. Он понимал, что и сам выглядит, вероятно, не лучше. Гиперсон старил и кожу, и мышцы. Наконец-то помощник капитана приподнялся и сел.

- Приятно проснуться, - сказал он, протирая глаза.

- Судя по тому, сколько времени у вас уходит на пробуждение, не скажешь, что это доставляет вам удовольствие.

Кейн изобразил возмущение:

- Паркер, это беззастенчивая клевета! Просто у меня более замедленная реакция, чем у всех вас, - и не более.

- Конечно. - Инженер не стал развивать эту тему, а обратился к капитану, поглощенному изучением чего-то, чего инженер не мог разглядеть: - Может быть, пока мы не вошли в док, стоит еще раз поговорить о дополнительном вознаграждении?

При этих словах Брет впервые после пробуждения проявил некоторые признаки энтузиазма.

- В самом деле, - поддержал он.

- Брет и я считаем, - продолжал Паркер, надевая ботинки, - что заслуживаем полной доли. Полной премии за успешное окончание экспедиции плюс оклад и проценты.

Теперь можно не сомневаться, устало подумал Даллас, что гиперсон по меньшей мере не нарушил психику инженеров. Едва проснулись, а уже снова с претензиями.

- Вы оба получите все, что вам причитается по контракту. Не больше и не меньше. Точно так же, как и любой из нас.

- Любой получает больше нашего, - робко заметил Брет.

Для Брета эта фраза была равносильна целому монологу. Впрочем, на капитана она не произвела ни малейшего впечатления. Теперь у Далласа не было времени на пустяки и полусерьезную болтовню. Мерцающий свет требовал внимания и не допускал, чтобы мысли капитана отвлекались на мелочи.

- Любой другой и заслуживает больше вашего. Если у вас есть претензии, можете жаловаться в отдел найма и труда Компании. А пока ступайте вниз.

- Жаловаться Компании... - ворчал Паркер, наблюдая за Бретом, который наконец-то выбрался из своего кокона и принялся вытирать ноги. - С тем же успехом можно отправить жалобу прямо Господу Богу.

- Это одно и то же, - согласился Брет. Он уже проверял тусклую сигнальную лампочку на своей холодильной камере. Не успев толком проснуться, совершенно голый и весь в вязком консерванте, он уже с головой ушел в работу. Брет относился к той редкой породе людей, которые могут днями ходить со сломанной ногой, но не в состоянии пройти мимо испорченного унитаза.

Даллас, уже было направившийся в компьютерный отсек, остановился и бросил через плечо:

- Шутники, кто-нибудь помогите коту.

Рипли вытащила из холодильной камеры мягкий рыжеватый комок.

- Нельзя быть такими бездушными, - обиженно сказал она и нежно погладила сплюснутую шерстку. - Это вам не железка. Джонс такой же член экипажа, как и любой из нас.

- Даже лучше некоторых, - заметил Даллас,

глядя вслед Паркеру и Брету: уже полностью одетые, они отправились в сторону машинного отделения. — Он не занимает мои краткие драгоценные часы бодрствования бессмысленными просьбами о премиях и жалованье.

Рипли завернула кота в сухое пушистое полотенце и вышла вместе с ним. Джонс не первый раз пробуждался от гиперсна, и на этот раз даже терпеливо переносил позорное путешествие в полотенце на руках у человека.

Вытершись насухо, Даллас нажал кнопку у основания своего кокона. Оттуда, бесшумно двигаясь на почти идеальных подшипниках, выкатился ящик. В нем лежала одежда и некоторые личные вещи капитана.

Пока Даллас одевался, к нему подошел Эш. Застегивая чистую сорочку, он шепотом обратился к капитану:

— С вами хочет поговорить Мамаша. — Эш кивком указал на желтый световой сигнал, что непрерывно мерцал на пульте над коконом капитана.

— Я сразу его увидел, — Даллас просунул руку в рукав сорочки. — Секретность номер один, слава Богу, но это не предупреждение об опасности. Пока ничего никому не говорите. Если нас ждет серьезная неприятность, скоро сами узнают. — Он надел коричневую помятую куртку, но не стал ее застегивать.

— Что бы это ни было, слишком большими неприятностями оно не должно грозить, — обнадеживающе сказал Эш, снова кивнув в сторону беспрестанно мигающей лампочки. — Сигнал желтый, а не красный.

— Пока не грозит. — Даллас не был оптимистом. — Но я бы предпочел, проснувшись, уви-

деть спокойный зеленый огонек цвета весеннего земного леса. – Он пожал плечами, стараясь говорить не менее обнадеживающим тоном, чем Эш. – А может, автоповар не в порядке? Если учесть его представления о пище, это могло бы обернуться для нас благом.

Капитан попытался улыбнуться, но улыбки не получилось. “Ностромо” – не человек и не умеет шутить со своим экипажем. Без достаточно веской причины он не стал бы выводить их из гиперсна желтым предупреждающим сигналом. А вышедший из строя автоповар никак тут не мог послужить веской причиной.

Ну ладно. После месяцев безделья и сна он не имел права быть недовольным, если от него требовалось честно поработать несколько часов...

Отсек, где размещался главный компьютер, заметно отличался от других помещений корабля, предназначенных для бодрствующего экипажа. Ошеломляющий калейдоскоп экранов, дисплеев, циферблатов, индикаторов напоминал пляску десятка подвыпивших новогодних елок.

Устроившись на мягком, толстом сиденье, Даллас раздумывал, с чего следует начать. Эш сел за клавиатуру компьютера и принялся манипулировать многочисленными кнопками и переключателями намного быстрее и легче, чем это должен был бы делать человек, только что вышедший из состояния гиперсна. В обращении с компьютером он был прямо-таки виртуозом.

У Далласа нередко возникало желание достичь подобных взаимоотношений с машиной. Еще не вполне отойдя ото сна, он ввел первичный запрос. На экране появились быстро сменяющиеся друг друга искаженные изображения, которые постепенно сложились в узнаваемые сло-

ва. Даллас проверил свою редакцию; она была стандартной:

**ОПОВЕЩАЮ О ТРЕВОГЕ СИСТЕМУ
ОБЩЕГО КОНТРОЛЯ ДЛЯ ОТОБРАЖЕНИЯ
МАТРИЦЫ И ЗАПРОСОВ**

Компьютер также счел редакцию капитана вполне приемлемой и немедленно ответил:

**СИСТЕМА ОБЩЕГО КОНТРОЛЯ
АДРЕСУЕТ К МАТРИЦЕ**

Под этим кратким сообщением для облегчения работы буквами помельче колонками выстроились категории информации.

Даллас изучил перечень, нашел нужную категорию и ввел команду:

**ПРИОРИТЕТНОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ
О ТРЕВОГЕ**

Мамаша ответила:

**СИСТЕМА ОБЩЕГО КОНТРОЛЯ
ГОТОВА К ЗАПРОСАМ**

Разум компьютеров не запрограммирован на многословие. И Мамаша тут не составляла исключения.

Далласа это вполне устраивало. Сейчас он тоже не был склонен к пустой болтовне. Он ввел короткий запрос:

В ЧЕМ ДЕЛО, МАМАША?

И стал ждать ответа.

Нельзя сказать, что капитанский мостик "Ностромо" был особенно просторным. Вернее, он был менее тесным, чем другие помещения и отсеки корабля, но ненамного. Пять кресел ожидали своих хозяев. На многочисленных приборных панелях систем управления терпеливо мигали световые сигналы. Множество экранов, разных по форме и размерам, тускло мерцали в ожидании команд. Более просторный капитан-

ский мостик был бы чрезмерной роскошью, потому что почти весь полет экипаж проводил, лежа в холодильных камерах. Мостик предназначен был только для работы. Это хорошо понимали как члены экипажа, так и машины.

Герметичная дверь бесшумно отошла в сторону. На мостике появился Кейн, вслед за ним Рипли, Ламберт и Эш. Каждый занял свое место. Они привычно устраивались за пультами управления, обходясь с приборами с бесцеремонностью старых приятелей, приветствующих друг друга после долгой разлуки.

Пятое кресло оставалось незанятым. Это пока Даллас не закончит свой разговор один на один с Мамашей, главным компьютером "Ностромо". Такое прозвище компьютер получил не в шутку. Обычно люди серьезно относятся к машинам, от которых зависит их жизнь. Со своей стороны машина приняла данное ей имя если не прочувствованно, то по меньшей мере без возражений.

Одежда членов экипажа "Ностромо" – непреднамеренная пародия на форму – была такой же свободной, как и их поведение, и отражала характер каждого. Сорочки, куртки, свободные брюки были помяты и изрядно поношены, как, кстати, и тела их владельцев.

Первые звуки, раздавшиеся на капитанском мостике после многих месяцев тишины, обострили чувства всех собравшихся, хотя люди, возможно, и затруднились бы перевести их на человеческий язык. Рипли спустила Джонса с рук и устроилась в своем кресле с высокой спинкой; кот мяукнул, а потом замурлыкал, нежно потираясь то одним, то другим боком о ноги хозяйки.

– Включаемся, – Кейн проверил свою прибор-

ную панель, с удовольствием оглядев индикаторы приборов и выискивая глазами возможные неполадки и несоответствия. Рипли и Ламберт тоже приступили к делу, перебросив главные переключатели в рабочее положение и осуществляя затем нужный контроль.

Приборные панели и экраны дружно ожили, засветились, окрасившись в разные тона. Казалось, приборы рады появлению своих органических коллег и при первой возможности старались продемонстрировать свои таланты.

На экране перед Кейном появились новые числа и слова. Кейн сравнил их с теми, что прочно удерживались в его памяти.

– Пока все вроде бы нормально. Удиви нас хоть чем-нибудь.

Пальцы Ламберт исполнили арпеджио на тесной клавиатуре пульта управления. Зажглись экраны по всему периметру капитанского мостика, под потолком, там, где за ними легче всего было наблюдать. Штурман вгляделась в ближайшие к ней светящиеся квадраты и сразу же нахмурилась. Многие из того, что она увидела, было знакомым, но еще больше оказалось совершенно неожиданного. И прежде всего отсутствие привычного изображения, которое должно было доминировать на экране. Это казалось настолько невероятным, что все остальное уже не играло роли.

– Где Земля?

Тщательно изучив свой экран, Кейн обнаружил на абсолютно черном фоне только звезды. Можно было предположить, что они слишком рано вышли из гиперпространства, но тогда на экранах должно было появиться изображение родной звездной системы. Однако там не было ни Солнца, ни Земли.

– Вы штурман, Ламберт. Объясните мне.

На среднем экране неподвижно повисло изображение центральной звезды какой-то звездной системы. Но это было не Солнце. Звезда отличалась от Солнца и цветом и обращающимися вокруг планетами, увеличенные изображения которых появились на соседних экранах. Они не походили на спутников Солнца ни формой, ни размерами, ни числом.

– Это не наша система, – ошеломленная Рипли первой решила облечь в словесную форму теперь уже очевидный для всех факт.

– Возможно, все дело в ориентации корабля, а звезды как были на месте, так и остались, – объяснение Кейна казалось не очень убедительным даже ему самому. – Известно, что космические корабли после выхода из гиперпространства иногда бывают ориентированы хвостом к цели своего назначения. Может быть, это система из созвездия Центавра при максимальном увеличении. Тогда Солнце за нами. Прежде чем впадать в панику, давайте просканируем все небо, – Кейн не добавил, что система на экранах напоминала Центаврийскую не больше, чем Солнечную.

Укрепленные на изрядно побитой наружной поверхности корпуса “Ностромо” герметичные камеры начали бесшумно вращаться, обшаривая космический вакуум в поисках хотя бы ничтожно слабого сигнала Земли. Свои секторы пространства изучали дублирующие камеры, установленные на грузовом транспорте – чудовищном гигантском комплексе металлических емкостей. Всего лишь десятки лет назад буксировка через межзвездное пространство огромных количеств сырой нефти вместе с непрерывно дейст-

вующей нефтеперерабатывающей установкой вызвала бы только удивление.

К тому времени, когда “Ностромо” достигнет околоземной орбиты, нефть будет полностью переработана в химические продукты. Такие транспорты стали необходимостью. В качестве источников энергии человечество разработало прекрасные заменители нефтепродуктов, но это произошло лишь после того, как ненасытные частные компании высосали последние капли земной нефти.

Солнечная энергия и термоядерные процессы питали все созданные человеком машины, но они не могли полностью заменить нефтепродукты. Ведь термоядерный реактор не способен, например, производить пластики, а современная цивилизация сможет существовать скорее без энергии, чем без пластиков. Поэтому экспедиция “Ностромо” с его грузом неприятной черной жидкости и перерабатывающей установкой была экономически вполне оправданной, хотя с исторической точки зрения могла показаться нелепостью.

Камеры обнаружили единственную звездную систему – ту самую, изображение которой уютно расположилось на экранах капитанского мостика и в которой вокруг звезды необычного цвета обращалось ожерелье незнакомых планет. Теперь ни Кейн, ни тем более Ламберт уже не сомневались, что “Ностромо” считает именно эту звездную систему ближайшей целью их назначения.

Оставалась слабая надежда на ошибку во времени, а не в пространстве. Не исключалось, что Солнечная система располагалась позади незнакомой системы чуть левее или чуть правее ее. Такую гипотезу можно было проверить.

– Попробуем связаться со службой контроля космических полетов. – Кейн задумчиво покусывал нижнюю губу. – Если получим от них сигнал, то будем знать, что находимся в нужном квадранте. Если Солнце сравнительно недалеко, ответ будет от одной из внесистемных ретрансляционных станций.

Пальцы Ламберт забегали по клавишам:

«Межзвездный коммерческий буксир “Ностромо”, регистрационный номер один-восемь-ноль два-четыре-шесть, направляющийся к Земле с грузом сырой нефти и соответствующей нефтеперерабатывающей установкой, вызывает службу контроля космических полетов “Антарктика”. Как приняли? Конец передачи».

В ответ громкоговорители донесли лишь едва слышный монотонный свист далеких звезд. У ног Рипли в унисон звездам мурлыкал Джонс.

Ламберт попыталась еще раз:

«Межзвездный коммерческий буксир “Ностромо” вызывает службу контроля космических полетов “Солнце – Антарктика”. Мы испытываем затруднения в определении наших координат. Это приоритетный вызов. Прошу ответить».

Однако ответом снова был только действующий на нервы людей звездный шум. Ламберт уже не скрывала беспокойства:

«Помогите, помогите. Буксир “Ностромо” вызывает службу контроля космических полетов Солнечной системы или любой другой корабль в радиусе слышимости. Просим о помощи. Ответьте».

Даже ложный сигнал бедствия (Ламберт знала, что непосредственная опасность им не угрожает) остался без ответа, ничьего внимания не привлек. Обескураженная, Ламберт выключила

передатчик, но оставила включенными все каналы приемного устройства на случай, если вдруг вблизи пройдет другой корабль, ведущий передачу.

– Я знала, что мы не можем быть рядом с нашей системой, – пробормотала Рипли. – Мне известна эта область, – кивком головы она показала на висящий над ней экран. – Она очень далеко от Солнца... как и мы.

– Продолжайте попытки, – приказал ей Кейн и повернулся к Ламберт: – Так где же мы находимся? Вы еще не получили ответа?

– Дайте еще хотя бы минуту, хорошо? Это не так просто. Нас занесло далеко в эти космические джунгли.

– Продолжайте поиски.

– Что я и делаю.

Через несколько минут тщательных поисков, в которых ей помогал компьютер, на лице Ламберт появилась скупая улыбка удовлетворения.

– Нашла ее... и нас. Мы рядом со звездой Зета-II созвездия Ретикюли. Мы не достигли даже дальнего заселенного кольца. Расстояние слишком велико, чтобы услышать навигационный маяк, не говоря уже о ретрансляционных станциях Солнечной системы.

– Как нас сюда занесло? – вслух удивился Кейн. – Если с кораблем все в порядке и мы далеко от дома, какого черта Мамаша разморозила нас?

Конечно, это было делом случая, а вовсе не ответом на вопрос помощника капитана, но именно в этот момент громко и требовательно завывала сирена. Это означало “Внимание всем”.

Ближе к хвостовой части “Ностромо” располагался обширный отсек, почти целиком заня-

тый мощными машинами особой сложности. Здесь находилось сердце корабля, гигантский двигатель, позволявший "Ностромо" искажать пространство, не обращая внимания на время, показывать свой металлический нос Эйнштейну... и лишь между прочим снабжать энергией устройства, сохраняющие хрупкую органическую жизнь экипажа.

Обычно машины безупречно обслуживали себя без посторонней помощи, что позволяло людям предаваться столь серьезным занятиям, как, попивая пиво, обмениваться скабрёзными анекдотами. Сейчас подошла очередь Паркера. Он был мастер молоть всякий вздор. По меньшей мере в сотый раз он пересказывал историю о молодом инженере-практиканте, попавшем в публичный дом с невесомостью. Это была хорошая история, она всегда вызывала два-три смешка у молчаливого Брета и утробный смех у самого рассказчика.

– ... и вот обеспокоенная мадам в бешенстве, – рассказывал инженер, – врывается ко мне и требует, чтобы мы немедленно спасли этого несчастного зубрилу. Наверно, он толком не понял, куда попал. – В этом месте рассказа Паркер, как обычно, громко расхохотался. – Ты помнишь это заведение. Все четыре стены, пол и потолок – все идеальные зеркала, никакой кровати, вообще никакой мебели. Только посреди комнаты подвешена бархатная сетка, чтобы ограничить твою активность и не биться о стены. И абсолютно никакой силы тяжести, – вспоминая, рассказчик неодобрительно покачал головой. – Это не место для любителей, там не подурочишься, нет, сэр! Думаю, тот мальчишка просто растерялся, а может быть, его специально зама-

нили туда приятели. Как мне потом рассказывала девочка, пока приводила себя в порядок, началось у них все хорошо. Но потом они начали вертеться, и парень перепугался. Не мог остановить вращение. Она сама попыталась, но в невесомости перестать крутиться можно, только если оба будут действовать согласованно. Со всеми этими зеркалами и верчением он совсем потерял ориентировку и никак не мог остановиться. — Паркер еще глотнул пива. — В жизни не видел подобной кутерьмы. Готов побиться об заклад, это заведение с зеркалами еще работает.

— Да, — Брет понимающе улыбнулся.

Паркер на время замолчал, давая воспоминаниям понемногу испариться из памяти. Воспоминания оставляли приятно-сладострастный след. Паркер рассеянно щелкнул клавишным переключателем на своей приборной панели. Над нею загорелся спокойный немигающий зеленый световой сигнал.

— Как сигнал у тебя?

— Зеленый, — подтвердил Брет, повторив на своих приборах манипуляции приятеля.

— Мой тоже. — Паркер внимательно изучал поднимающиеся в бокале пива пузырьки. Только несколько часов бодрствования, а ему уже все наскучило. Машины работали сами по себе, работали спокойно, напористо, не теряя времени зря, и оттого Паркер чувствовал себя лишним. Здесь не с кем было даже поговорить, разве что с Бретом, но что за собеседник человек, который способен только на односложные ответы, для которого законченная фраза — тяжелейшее испытание?

— Полагаю, Даллас умышленно не обращает внимания на наши заявления, — рассуждал Пар-

кер. – Может, и не в его власти выдать нам премию в полном размере, но он же капитан. Если бы он захотел, то мог бы отправить официальную просьбу от своего имени или уж на худой конец хотя бы замолвить словечко. И то было б дело.

Паркер проверил показания: колонки положительных и отрицательных чисел в правой и левой частях экрана. Проходящая по середине вертикальная флуоресцирующая красная линия упиралась точно в нулевую отметку, разделяя, как и полагалось, все числа ровно на две группы.

Паркер продолжал бы и дальше свою болтовню, не раздайся вдруг монотонный вой сирены.

– Бог ты мой! Что там еще? Стоит человеку удобно устроиться, как тут же кто-нибудь поднимает вой.

– Верно. – Брет наклонился к громкоговорителю внутренней связи.

Кто-то прокашлялся, потом послышался голос Рипли:

– Всем немедленно явиться в столовую.

– Для ленча поздновато, для ужина время не наступило. – Паркер был явно растерян. – Или мы готовимся к разгрузке, или... – Он вопросительно посмотрел на коллегу.

– Скоро узнаем, – сказал Брет.

По пути в столовую Паркер с отвращением поглядывал на стены коридора С, отнюдь не сверкавшие чистотой.

– Хотел бы я знать, почему они никогда сюда не спускаются? Настоящая работа делается именно здесь.

– Потому же, почему мы получаем вдвое меньше их. Наше время – это их время. Они так понимают.

- Знаешь, что я тебе скажу? Все это плохо пахнет, - тон Паркера не оставлял сомнений, что он имел в виду отнюдь не запах, исходящий от грязных стен...

2 Хотя и без особого комфорта, в столовой мог разместиться весь экипаж "Ностромо". Все семеро крайне редко собирались за столом вместе (постоянно функционирующий автоповар поощрял индивидуальные склонности в режиме питания), а потому столовая была невелика. Члены экипажа переминались с ноги на ногу, стараясь не слишком раздражать друг друга.

Паркер и Брет и не пытались скрыть свое раздражение. Они были уверены, что двигатель "Ностромо" работает исправно, а стало быть, с какой бы целью их ни собрали, это касалось других членов экипажа.

Рипли сообщила, что по неизвестным причинам корабль оказался очень далеко от первоначальной цели их экспедиции.

Паркер считал, что им придется снова залечь в холодильные камеры, и про себя проклинал все на свете. Он ненавидел все, что отдаляло его от получения чека по окончании рейса.

- Капитан, мы уже знаем, что корабль вышел из гиперпространства далеко от Солнца, - Кейн говорил от имени всех членов экипажа, выжидающе смотревших на Далласа. - Мы вовсе не возле нашего дома, и тем не менее Мамаша сочла необходимым вывести нас из гиперсна. Пора узнать почему.

- Пора, - поспешно согласился Даллас. - Всем вам хорошо известно, - начал он официальным тоном, - что Мамаша запрограммирована таким образом, что должна прерывать рейс,

выводить корабль из гиперпространства и будить нас, как только возникают какие-либо чрезвычайные обстоятельства, – для большего эффекта капитан сделал паузу. – Такие обстоятельства возникли.

– Должно быть, произошло что-то серьезное, – согласилась Ламберт, посмотрев на Джонса, который не сводил глаз с мерцающего огонька сигнальной лампы. – Вы это знаете. Выводить всю команду из гиперсна всегда несколько рискованно.

– Рассказывай, – буркнул Паркер, но так тихо, что его мог слышать только Брет.

– Я рад вам сообщить, – продолжал Даллас, – что чрезвычайные обстоятельства, в которых нам предстоит разобраться – именно для этой цели мы и были разбужены, – никоим образом не связаны с “Ностромо”. Мамаша полагает, что наш корабль в идеальном порядке.

В переполненной столовой послышался вздох облегчения.

– Чрезвычайная ситуация сложилась вне корабля, точнее, в незарегистрированной до сих пор звездной системе, в которую мы недавно вошли. Как раз в эти минуты мы должны приближаться к той планете, которая и явилась возмутителем спокойствия. – Даллас бросил взгляд на Эша, который поддержал капитана утвердительным кивком. – Мы перехватили сигналы незнакомого внешнего передатчика. Сигналы искажены; очевидно, Мамаше понадобится какое-то время на дешифровку, но это, без сомнения, сигналы бедствия.

– Э... тут что-то не так. – Ламберт удивленно оглядела своих коллег. – Из всех стандартных сигналов сигналы бедствия самые простые и

самые однозначные. У Мамаши не должно возникнуть ни малейших трудностей с дешифровкой.

– Мамаша считает, что это нестандартный сигнал. Это акустический сигнал маяка продолжительностью двенадцать секунд. Вроде бы ничего необычного. Однако Мамаша уверяет, что сигнал передает не человек.

Эта новость вызвала удивленные взгляды и сдержанный обмен мнениями. Когда первое возбуждение улеглось, Даллас продолжил:

– Мамаша не уверена. Вот этого я не понимаю. Никогда не видел, чтобы компьютер пришел в замешательство. Незнание – да, но не замешательство. Возможно, это первый случай. Впрочем, важнее другое: машина настолько уверена, что это сигнал бедствия, что решила вывести нас из гиперсна.

– Ну и что? – казалось, Брета нисколько не тронуло сообщение капитана.

Вместо капитана не без раздражения ответил Кейн:

– Перестаньте валять дурака. Вы знаете свои обязанности. Согласно разделу В2 рейсовых директив Компании в подобных ситуациях мы обязаны оказывать всемерную помощь и поддержку, независимо от того, кто подает сигнал – люди или другие существа.

Паркер с досадой топнул ногой об пол.

– Господи! Неприятно говорить об этом, но мы – коммерческий буксир с огромным трудноуправляемым грузом, а вовсе не какая-нибудь чертова спасательная бригада. Контрактом такая работа не предусмотрена. – Он немного успокоился. – Конечно, если за эту работу нам заплатят сверх контракта...

– Вам не мешало бы повнимательней ознако-

миться с контрактом, – посоветовал Эш и словно главный компьютер, которым он так гордился, четко процитировал: – “Исследованию подлежат любые систематические сигналы, которые могут иметь искусственное происхождение“. Невыполнение этого пункта наказывается штрафом в размере всей суммы заработной платы, причитающейся за рейс, включая премии. О дополнительном вознаграждении за оказание помощи терпящим бедствие в контракте не сказано ни слова.

Паркер снова стукнул ногой об пол, но промолчал. Ни он сам, ни Брет не относили себя к числу героев. Если что-то заставляет корабль произвести посадку на неизвестной планете, то от этого чего-то можно ждать любых пакостей. Конечно, предвидеть, какие беды сулит им вынужденная посадка из-за незнакомца, подающего сигнал бедствия, они не могли, но Паркер, будучи реалистом в этой жестокой Вселенной, ничего хорошего не ждал.

Брет оценивал вынужденную задержку проще – как отсрочку получения чека.

– Идем на посадку. Это приказ. – Даллас в свою очередь оглядел подчиненных. Эти двое уже начали ему надоедать. Он не меньше их сожалел о вынужденном отклонении от маршрута, не меньше их стремился поскорее доставить груз и вернуться домой, но бывают ситуации, когда дать выход своим чувствам почти равнозначно нарушению приказа.

– Верно, – язвительным тоном сказал Брет.

– Что верно?

Техник не был дураком. И тон Далласа, и выражение его лица свидетельствовали о том, что Брету лучше отступить.

– Верно... что мы идем на посадку, – сказал

он. Даллас все еще не сводил с него глаз, и Брет с улыбкой добавил: – Сэр.

Капитан перевел раздраженный взгляд на Паркера – этот герой тоже присмирел. Даллас обратился к Эшу:

– Мы можем произвести посадку на этой планете?

– Кто-то же сел.

– Это я и имел в виду, – со значением в голосе сказал капитан. – “Произвести посадку” – очень мягко сказано. Мы должны последовательно выполнить ряд маневров, которые в конце концов обеспечат мягкое и безопасное соприкосновение корабля с твердой поверхностью. В данном случае мы столкнулись с сигналом бедствия. Это значит, что события могут развиваться неблагоприятным образом. Мы, конечно, пойдем посмотрим, что здесь происходит... но осторожно, на цыпочках.

Даллас, Кейн, Рипли и Эш столпились вокруг картографического стола с подсветкой, а Ламберт заняла свое место за приборной панелью.

– Вот она. – Даллас пальцем показал на светящуюся точку и обвел взглядом окружающих. – Теперь я хочу, чтобы вы все кое-что послушали.

Астронавты расселись по местам; и капитан кивнул Ламберт. Ее пальцы замерли над одним из тумблеров.

– Хорошо, давайте слушаем. Следите за громкостью.

Ламберт щелкнула тумблером. Мостик наполнился треском электростатических помех и свистом. Вдруг их сменил звук, который заставил Кейна содрогнуться; Рипли почувствовала, как

по спине пробежали мерзкие мурашки. Звук продолжался двенадцать секунд, затем сменился треском электростатических помех.

– Бог мой! – лицо Кейна перекосилось.

Ламберт выключила громкоговоритель.

– Что это за чертовщина? – Казалось, Рипли только что обнаружила в своей тарелке дохлую мышь. – Не похоже ни на один сигнал бедствия, которые мне приходилось слышать.

– Так же считает и Мамаша, – поддержал ее Даллас. – Назвать этот сигнал просто “чужим” – значит, явно его недооценить.

– Может быть, это голос... – Ламберт осеклась, раздумывая над собственными словами. Решив, что из них следуют весьма неприятные выводы, она сделала вид, будто вообще ничего не говорила.

– Скоро узнаем, что это такое. Вы задали цель системе самонаведения?

– Я нашла нужный регион, – Ламберт с облегчением повернулась к своим приборам, обрадовавшись возможности отвлечься от неприятных мыслей и заняться привычной математикой.

– Мы уже подошли довольно близко.

– Без оснований Мамаша не нарушила бы наш гиперсон, – пробормотала Рипли.

– Координаты точки, из которой исходит сигнал: прямое восхождение – шесть минут двадцать секунд, склонение – минус тридцать девять градусов две секунды.

– Покажите эту штуку на экране.

Штурман нажала одну за другой несколько кнопок. Средний экран мигнул, потом на нем появилась яркая точка.

– Высокое альbedo. Вы не можете приблизить изображение?

– Нет. Придется смотреть с такого расстояния. Я собираюсь сделать вот что...

Масштаб изображения тут же изменился, и перед астронавтами предстала ничем не примечательная висящая в пустоте планета, слегка сплюснутая у полюсов.

– Хитрая бестия, – беззлобно сказал Даллас. – Вы уверены, что это она? Здесь много планет.

– Она, не сомневайтесь. В сущности, это даже не планета, а планетоид. Наверно, диаметр тысяча двести километров, не больше.

– Она вращается?

– Да. Период примерно два часа, судя по предварительным данным. Минут через десять скажу точно.

– Пока этого достаточно. Как там с силой тяжести?

Ламберт сравнила показания нескольких приборов.

– Ноль целых восемьдесят шесть сотых. Должно быть, эта штука сложена из очень плотного материала.

– Не говорите об этом Паркеру и Брету, – сказала Рипли. – Они подумают, что планета сплошь из тяжелых металлов, и отправятся на поиски залежей раньше, чем мы найдем наш таинственный передатчик.

Вывод Эша был более прозаическим:

– По планете можно гулять.

Все принялись за разработку программы выхода на околопланетную орбиту.

“Ностромо” скользил близ крошечной планеты, сопровождаемый шлейфом из резервуаров и нефтеперерабатывающей установки.

– Приближаемся к апогею орбиты. Начинаю отсчет. Двадцать секунд. Девятнадцать, восем-

надцать... - Ламберт продолжала отсчет, а экипаж работал - каждый на своем месте.

- Крен на правый борт девяносто два градуса, - озабоченно объявил Кейн.

"Ностромо" выполнял сложный маневр. На мгновение включились вспомогательные двигатели, и за кормой буксира появилось свечение.

- Вышли на экваториальную орбиту! - провозгласил Эш.

Под "Ностромо" равнодушно вращалась крохотная планетка.

- Что говорит дистанционное измерение давления?

Эш взглянул на показания приборов и, не поворачиваясь к капитану, ответил:

- Три целых сорок пять сотых разделить... и возвести в квадрат... Примерно тридцать пять сотых атмосферы, сэр.

- Сообщите немедленно, если показания изменятся.

- Вас беспокоит, что из-за статической неопределимости может нарушиться управление CMGS, когда мы будем заняты чем-нибудь другим?

- Да.

- Управление CMG тормозится посредством DAS/DCS. Мы интенсифицируем данные с помощью TACS и будем контролировать их через ATMDC и интерфейс с компьютером. Теперь вы спокойны?

- Вполне.

Всегда спокойный, невозмутимый, холодно-дружелюбный, Эш был чрезвычайно сведущим в своей области. Ничто не могло его смутить или вывести из равновесия. Даллас чувствовал себя увереннее, если в момент принятия ответственного решения Эш находился рядом.

– Приготовиться к расстыковке с транспортом. – Капитан щелкнул выключателем. – Машинное отделение, готовимся к расстыковке, – повторил он в небольшой микрофон.

– Транспорт расположен L-образно по левому борту, правый борт свободен, – доложил Паркер, на этот раз без всякого сарказма.

– Можно расстыковываться по центральной связке, – добавил Брет.

– Пересекаем терминатор, – оповестила всех Ламберт. – Входим в зону ночного полушария.

Ниже “Ностромо” плотный облачный слой над планетой разделился надвое: часть, ярко освещенную светом звезды, и темную, как могила.

– Отходим. Отходим. Приготовиться. – Ламберт щелкнула одним за другим несколькими переключателями. – Приготовиться. Пятнадцать секунд... десять... пять... четыре. Три. Две. Одна. Стоп.

– Разъединяйтесь, – коротко приказал Даллас.

Между “Ностромо” и двигающейся за ним по инерции огромной платформой с нефтеперерабатывающей установкой появилось небольшое облачко газов. Два искусственных сооружения, одно – крохотное и населенное людьми, второе – огромное и безлюдное, начали медленно расходиться. Даллас внимательно следил за расстыковкой по экрану номер два.

– Центральная связка свободна, – после короткой паузы доложила Рипли.

– Прецессия скорректирована. – Кейн откинулся в кресле, позволив себе расслабиться на несколько секунд. – Путь свободен, все чисто. Расстыковка прошла успешно. Повреждений нет.

– У меня все в порядке, – добавила Ламберт.

– У меня тоже, – с облегчением вздохнула Рипли.

Даллас повернулся к штурману:

– Вы уверены, что мы оставили платформу и емкости на стационарной орбите? Не хотелось бы, чтобы на нас свалились два миллиарда тонн нефти и сожгли нас заживо, пока мы будем бродить по планете. Атмосфера здесь не настолько плотная, чтобы из нее получился надежный зонтик.

Ламберт проверила показания.

– Платформа не сойдет с орбиты по меньшей мере год, сэр, – доложила она.

– Хорошо. Ценный груз в безопасности, наши головы тоже. Давайте снижаться. Приготовиться к полету в атмосфере.

Пятеро членов экипажа с головой ушли в работу – каждый знал свои обязанности. Джонс сидел у иллюминатора, поглядывая на приближающиеся облака.

– Снижаемся. – Внимание Ламберт было приковано к одному из приборов. – Пять тысяч метров. Меньше. Еще меньше. Четыре тысячи девятьсот. Входим в атмосферу.

Даллас наблюдал за показаниями приборов на своей панели, пытаясь оценить и запомнить десятки постоянно меняющихся цифр. В дальнем космосе достаточно с уважением относиться к показаниям своих приборов, предоставив Мамаше выполнение черновой работы. Совсем другое – полет в атмосфере. Здесь приходилось поработать пилоту, а не машине.

Коричнево-серые облака коснулись нижней части корабля.

– Будьте начеку. Похоже, внизу обстановка не из приятных.

Как это похоже на Далласа, подумала Рипли. Где-то внизу, в серовато-коричневом аду чужой корабль регулярно издает нечеловеческий, пугающий вопль о помощи. Да и сама планета не зарегистрирована. Это значит, что им придется начать со сбора самых элементарных данных вроде состава атмосферы, особенностей поверхности и так далее. И тем не менее для Далласа это было всего лишь "обстановка не из приятных". Она часто задумывалась, почему такой знающий и толковый капитан летает на ничем не примечательном буксире "Ностромо".

Если бы Рипли могла читать мысли, ответ на свой невысказанный вопрос поразил бы ее. Далласу нравилась эта работа.

– Снижение по вертикали рассчитано, данные введены в машину. Немного исправляем курс, – сообщила Ламберт. – Теперь легли на курс. Идем на посадку. Тормозим и садимся.

– Понял вас. При прокладке курса вы учли, как справится вспомогательный двигатель с этой погодой?

– Сэр, пока все идет нормально. Что будет дальше – не могу сказать, пока мы не пройдем зону облачности. Если сможем ее пройти.

– Хорошо, пусть будет так. – Капитан нахмурился, глядя на показания какого-то прибора, нажал кнопку. Показания изменились в лучшую сторону. – Если вам покажется, что мы теряем управление, сразу дайте мне знать.

– Будет сделано.

Корабль вошел в зону плохой видимости. Плохой для человеческого глаза, но не для корабельных приборов. В плотном темном облаке корабль содрогнулся всем корпусом раз, другой, третий, потом вновь обрел устойчивость. Срав-

нительно легкий вход "Ностромо" в облачный слой был заслугой Ламберт как штурмана и Далласа как пилота.

Спокойный спуск продолжался недолго - в атмосфере бушевали мощнейшие вихри.

- Турбулентные потоки, - отметила Рипли, не отрывая глаз от приборов.

- Включите навигационные и посадочные огни, - распорядился Даллас. Он пытался найти какую-то систему в вихревых потоках, которые только и были видны на его экране. - Может быть, обнаружим что-нибудь визуально.

- Это не заменит приборы, - возразил Эш. - Во всяком случае при данных обстоятельствах.

- Не заменит, но и не повредит. Как бы то ни было, я хочу осмотреться.

На нижней части "Ностромо" зажглись мощные прожекторы. Их свет почти не проникал сквозь плотные облака, и Даллас, как ни старался, не мог разглядеть практически ничего. Впрочем, свет прожекторов отразился на темных экранах и осветил весь капитанский мостик; атмосфера на мостике немного разрядилась. У Ламберт уже не было ощущения, будто корабль плывет в море чернил.

Паркер и Брет не могли видеть окружавшие корабль плотные облака, но они ощутили их. Кабина машинного отделения вдруг сдвинулась, потом откатилась в обратном направлении и еще раз резко сдвинулась.

Паркер выругался про себя.

- Что это было? Ты слышал?

- Да-а, - протянул Брет, встревоженно изучая показания приборов. - Падение давления в заборном устройстве номер три. Должно быть, мы потеряли защитный экран, - он нажал не-

сколько кнопок. – Точно, третьего нет. В заборное устройство поступает пыль.

– Закрой его, закрой!

– А что же, по-твоему, я делаю?

– Прекрасно. Значит, вспомогательный двигатель наелся пыли.

– Не смертельно... будем надеяться. – Брет корректировал систему управления. – Я включу обводной канал и продую третье. Пыль как залетела, так и вылетит.

– Но повреждения уже есть. – Паркер старался не думать о том, что могло произойти с облицовкой третьего заборного устройства, если в занесенной ветром пыли были и твердые абразивные частицы. – Через какой ад мы летим? Через облака или через камнепад? Если мы не разобьемся, готов душу заложить, где-нибудь в сети будет замыкание, и мы загоримся.

Не подозревающие о потоке проклятий, извергаемых в машинном отделении, пятеро на капитанском мостике продолжали попытки произвести посадку по возможности ближе к источнику сигналов бедствия, не повредив при этом корабль.

– Приближаемся к источнику сигнала. – Ламберт не отрывала глаз от приборов. – Расстояние двадцать пять километров. Двадцать, десять, пять...

– Тормозим и поворачиваем. – Даллас склонился над штурвалом ручного управления.

– Корректировка курса: три градуса четыре минуты вправо. – Даллас выполнил указания штурмана. – Вот он. Пять километров до центра круга поиска. Так держать. Теперь поближе. – Даллас еще раз чуть сдвинул штурвал. – Три

километра. Два. – В голосе Ламберт послышалось волнение, впрочем, Даллас не мог сказать, было ли оно вызвано опасностью или близостью источника таинственных сигналов. – Мы практически кружимся над ним.

– Отличная работа, Ламберт. Рипли, что представляет собой поверхность? Найдите место для посадки.

– Ищу, сэр, – Рипли включила несколько приборов; по мере того как все они один за другим давали совершенно неприемлемые показания, на лице ее все отчетливей проступало недовольство. Даллас удерживал корабль на круговой трассе, в центре которой располагалась цель, а Рипли старалась понять, какова невидимая поверхность планеты.

– Визуально оценить невозможно.

– Это мы сами видим, – пробормотал Кейн. – Точнее, не видим.

Редкие и разрозненные данные о поверхности планеты, которые приборам удавалось донести до человека, не настраивали на благодушный лад. Все показания говорили о том, что планета совершенно пустынна – бесплодный, враждебный человеку мир.

– Радар регистрирует только помехи. – Рипли не стала бы возражать, если бы электроника научилась реагировать на проклятья так же, как и люди. – Акустическая система – тоже только помехи. Инфракрасный диапазон – помехи. Черт побери, попробую-ка я ультрафиолет. Поглощение атмосферы смещено в длинноволновую область, оно не должно мешать. – Через мгновение появились долгожданные показания: сначала обнадеживающие линии, потом яркие слова и компьютерное изображение. – Получилось!

– А место для посадки?

Теперь Рипли позволила себе немного расслабиться.

– Насколько я могу судить, мы можем садиться, где захотим. Приборы говорят, что под нами равнина. Только равнина.

Даллас сразу представил себе обманчивую картину гладкой поверхности лавы – холодной, но тонкой корки на океане расплавленной магмы, грозящей немедленной гибелью.

– Ровное – да, но что это ровное? Вода, песок, затвердевшая лава? Найдите что-нибудь более определенное, Кейн. Дайте нам решение. Я опущу корабль так низко, что никаких помех не будет. Если поверхность планеты плоская, мы снизимся без особых проблем.

Кейн щелкнул переключателями.

– Приборы непрерывного контроля включены. Аналитическая система включена. Все еще слишком высок фон.

Даллас очень осторожно направил корабль ближе к поверхности.

– Фон все еще высок, но начинает проясняться.

Даллас позволил кораблю спуститься еще ниже. Ламберт не сводила глаз с приборов. Пока корабль находился достаточно высоко, чтобы при необходимости можно было безопасно взлететь, но при такой сравнительно большой скорости положение могло быстро измениться, если, например, что-то случится с корабельными двигателями или вдруг появится большая сила притяжения. Скорость тоже не уменьшишь – на таком ветру это означало бы неминуемую потерю управления.

– Проясняется, проясняется... Готово! – Кейн

еще раз проверил цифровые данные и контурные линии, выписанные корабельным сканером. – Когда-то эта поверхность была расплавлена, но сейчас полностью затвердела; если верить анализам, сравнительно недавно. По составу это большей частью базальт с включениями риолита. Иногда сверху проступает слой застывшей лавы. Никаких признаков тектонической активности. – Кейн обратился к другим приборам в надежде глубже проникнуть в тайны поверхности крошечной планеты.

– Прямо под нами и в непосредственной близости ничего, что грозило бы нам неприятными последствиями. Должно быть, здесь отличное место для посадки.

Даллас раздумывал недолго.

– Вы уверены в результатах анализа поверхности?

– Она слишком стара, чтобы быть другой. – В голосе помощника капитана чувствовались нотки раздражения. – Моих знаний достаточно, чтобы сопоставить данные о возрасте пород с их составом. Вы полагаете, что я способен рекомендовать посадку в жерло вулкана?

– Хорошо, хорошо, успокойтесь. Приношу свои извинения. Я только хотел лишний раз убедиться. После студенческой практики ни разу не сажал корабль без карт и маяков. Вот и немного нервничаю.

– Все мы нервничаем, – охотно призналась Ламберт.

– Значит, садимся? – Возражений не последовало. – Давайте снижаться. Я собираюсь снижаться по спирали, насколько это позволит мне ветер, и посадить корабль максимально близко к источнику сигналов. Но вы, Ламберт, продол-

жайте следить за сигналом сближения. Я не хочу, чтобы мы сели на голову тому кораблю, что зовет на помощь. Предупредите меня, если мы окажемся слишком близко. – В тесном отсеке голос капитана звучал весьма внушительно.

Тотчас произвели необходимую корректировку, и послушные электронные устройства немедленно выполнили команды. Борясь с ожесточенными порывами ветра и с трудом преодолевая в черном воздухе каждый метр, “Ностромо” начал снижение по спирали.

– Пятнадцать километров, снижаемся далее, – бесстрастно сообщила Рипли. – Двенадцать... десять... восемь. – Даллас легко коснулся одной из рукояток управления. – Скорость падает. Пять... три... два. Один километр. – Даллас еще раз прикоснулся к той же рукоятке. – Скорость падает. Включить посадочные двигатели.

– Посадочные двигатели включены, – Кейн уверенно работал за своей приборной панелью. – Теперь посадкой управляет компьютер.

Голоса людей заглушило громкое жужжание; это Мамаша взяла управление спуском корабля на себя, ибо последние метры она могла регулировать точнее, чем самый искусный пилот.

– Спускаемся на посадочных двигателях, – сообщил Кейн.

– Выключить главный двигатель.

Перед посадкой Даллас в последний раз проверил показания приборов, перевел ряд переключателей в положение “выключено”.

– Главный двигатель выключен. Все четыре посадочных двигателя работают нормально.

Капитанский мостик начал слегка вибрировать.

– Девятьсот метров, продолжаем снижаться. –

Рипли не сводила глаз со своих приборов. – Восемьсот. Семьсот. Шестьсот. – Сначала она отсчитывала высоту сотнями метров, но очень скоро ей пришлось перейти на десятки.

На высоте около пяти метров корабль почти замер. Над истерзанной ураганами ночной частью планеты его удерживали только посадочные двигатели.

– Выпустить опоры. – Даллас не успел закончить команду, а Кейн уже протянул руку, чтобы включить нужные механизмы. Послышалось негромкое жужжание. Корабль выпустил несколько толстых металлических ног и стал похож на огромного жука. Ноги мучительно медленно приближались к пока еще неразличимой поверхности планеты.

– Четыре метра... Уф-ф-ф-!!! – выдохнула Рипли и замолчала.

Замолчали и посадочные двигатели корабля, как только опоры коснулись твердой поверхности планеты. Мощные амортизаторы погасили толчок.

– Сели.

В тишине что-то громко щелкнуло. Возможно, вышла из строя какая-то второстепенная схема или недостаточно быстро компенсировалась местная перегрузка. Корабль угрожающе накренился, корпус его задрожал, и жуткий стон металла пронесся по всем отсекам.

– Корабль разбился! – закричал Кейн.

Капитанский мостик погрузился во тьму. По металлическим нервам компьютера “Ностромо” весть об аварии дошла до приборов, и те старались обратить на себя внимание людей, посылая сигналы бедствия.

Когда удар достиг машинного отделения,

Паркер и Брет как раз собирались взяться за очередную упаковку пива. Внезапно взорвалось сразу несколько трубок, вмонтированных параллельно друг другу в формованный потолок. Вспыхнули три панели, а находившийся неподалеку регулятор давления сначала стал плавиться, потом взорвался.

Освещение отключилось. Брет шарил в поисках ручного фонаря, а Паркер на ощупь старался найти кнопку резервного генератора, обеспечивающего электроэнергией при повреждении основных источников питания.

На капитанском мостике царило замешательство, впрочем, не переходившее в панику. Когда возгласы и первые недоуменные вопросы утихли, Ламберт выразила общую мысль:

– Пора заработать аварийному генератору. – Она сделала шаг и больно стукнулась коленкой о консоль.

– Интересно, что ему мешает? – Кейн осторожно приблизился к стене, нащупал укрепленные на ней приборы. Управление приземлением... здесь. Его пальцы быстро пробежали по знакомой системе кнопок и регуляторов. Опора кормовой части... здесь. Рядом должна быть... Его рука нащупала, наконец, кнопку аварийного освещения, нажала на нее. В тусклом свете мало мощного светильника можно было различить лишь похожие на приведения силуэты людей. Однако его хватило, чтобы Даллас и Ламберт нашли выключатели своих аварийных систем освещения. Три луча дали уже достаточное для работы освещение.

– Что случилось? Почему не заработал резервный генератор? Чем вызвана авария?

Рипли включила систему внутренней связи:

– Машинное отделение, что случилось? Каково состояние корабля?

– Хреновое, – ответил Паркер; в его голосе слышались одновременно и раздражение, и тревога, и озабоченность. Его лаконичную характеристику красноречиво дополняло громкое жужжание, словно в машинном отделении бешено билось неведомое огромное насекомое. Следующие слова Паркера звучали то тише, то громче; казалось, ему почему-то трудно держаться на постоянном расстоянии от микрофона внутренней связи.

– Во всем виновата эта чертова пыль в двигателях. Нахлебались ее при снижении. Похоже, мы вовремя не закрыли ей доступ и потом не прочистили каналы. В результате тут у нас замыкание и пожар.

– Здорово влипли, – только и добавил Брет. На большом удалении от микрофона его голос был едва слышен.

Последовала пауза, на капитанском мостике слышно было только доносившееся из громкоговорителя шипение химического огнетушителя.

– Заборные устройства засорены, – смог наконец объяснить обеспокоенным слушателям Брет. – Мы здорово перегрелись, думаю, сгорела целая секция. Господи, у нас внизу все прахом...

Даллас обернулся к Рипли:

– Кажется, у наших инженеров хватает забот. Кто-нибудь может ответить на очень важный вопрос? Удар почувствовали все. Черт побери, хотелось бы надеяться, что повреждения ограничиваются машинным отделением, но нельзя исключать и более серьезных последствий. Не пострадал ли и корпус корабля? – Капитан глубоко вздохнул. – Если так, то где и в какой степени?

Рипли быстро просмотрела аварийные указа-

тели давления, пробежала глазами показания приборов, регистрирующих условия во всех отсеках и помещениях корабля, и только после этого достаточно уверенно ответила:

– Не вижу ничего страшного. Давление во всех отсеках пока нормальное. Если где-то и происходит утечка, то слишком незначительная, чтобы повлиять на герметичность корабля, и система автоматического устранения повреждений ее уже ликвидировала.

– Судя по приборам, воздух во всех отсеках не загрязнен местной атмосферой. Думаю, сэр, корабль еще сохраняет герметичность, – доложил Эш.

– Это лучшее из всего, что мне пришлось услышать за последние шестьдесят секунд. Кейн, включите экраны наружной разведки, те, которые еще имеют питание.

Помощник капитана щелкнул тремя тумблерами. Экраны слабо засветились, на них появились намеки на несложные геологические структуры, и изображение погасло.

– Никаких данных. Снаружи мы так же слепы, как внутри. Запасные генераторы позарез нужны хотя бы для того, чтобы посмотреть, где мы сели. Мощности батарей не хватает даже на мало-мальски приемлемое изображение.

Аудиосенсоры требовали меньше энергии и донесли до людей голос крохотной планеты. На неподвижные датчики налетали ураганные порывы ветра, осыпая их пылью, песком, мелким щебнем; громкоговорители передали эту бомбардировку как непрерывное щелканье, почему-то походившее на рыбий спор.

– Я бы предпочла садиться на планету днем, – сказала Ламберт, всматриваясь в темноту через

толстое стекло иллюминатора. – Можно было бы хоть что-то разглядеть и без приборов.

– Ламберт, в чем дело? – поддразнил ее Кейн. – Вы боитесь темноты?

Штурман не поддержала шутки.

– Я не боюсь той темноты, которую знаю. Меня пугает ночь, полная неизвестности. Особенно когда в ней раздаются звуки вроде того сигнала бедствия. – И она снова повернулась к иллюминатору, в который стучалась пыльная буря.

Открыто высказанные Ламберт опасения не способствовали смягчению атмосферы на мостике. Напряженная даже в лучшие времена, она стала почти удушающей, когда корабль окружила непроглядная тьма. Затянувшееся молчание лишь усугубляло обстановку.

Все почувствовали облегчение, когда Рипли объявила:

– Машинное отделение снова на связи. – Даллас вместе со всеми выжидающе смотрел, как Рипли вертит регулятор громкости. – Паркер, это вы?

– Да, я, – судя по тону, инженер слишком устал, чтобы отвечать обычными колкостями.

– Как ваши дела? – Даллас мысленно плюнул через левое плечо. – Что с пожаром?

– Пожар в конце концов потушили. – Паркер глубоко вздохнул; слушателям этот вздох показался порывом ветра. – Пламя частичнохватило ту старую смазку, которой были покрыты стены коридора С. Я боялся, что пожар уничтожит весь кислород и мы задохнемся. К счастью, слой горючего масла оказался тоньше, чем я предполагал, и мигом выгорел, не успев сожрать наш кислород. Кажется, сажа легко счищается скребком или щеткой.

- Что можете сказать об аварии? - Даллас быстро облизнул губы. - Черт с ней, с сажей. Меня интересует только состояние корабля, машин, что мешает их нормальной эксплуатации.

- Посмотрим... четвертый блок сгорел полностью. - Даллас представил себе, как инженер поочередно загибает пальцы, подсчитывая потери. - Вышел из строя блок деления вторичной нагрузки, а на двенадцатом модуле, считайте, нет трех ячеек. Ну и все, что из этого следует... - Паркер помолчал, предоставив капитану время переварить новости. Потом добавил: - Вам нужны и мелкие повреждения? Дайте мне примерно час, я составлю полный перечень.

- Пока и этого хватит. Не отключайтесь, подождите секунду. - Капитан повернулся к Рипли: - Попробуйте включить экраны еще раз.

Рипли выполнила приказ, но снова безрезультатно. Экраны оставались все такими же пустыми.

- Что ж, придется какое-то время обходиться без них, - сказал Даллас, обращаясь к Рипли.

- Вы уверены, что это все? - спросила в микрофон Рипли, вдруг почувствовав расположение к Паркеру и Брету - впервые с того дня, когда они стали членами экипажа корабля, точнее, с того момента, когда она ступила на борт "Ностромо", потому что в иерархии экипажа Паркер занимал более высокое положение.

- Пока все. - Паркер закашлялся. - Сейчас мы пытаемся восстановить управление энергетическими установками. Двенадцатый модуль здесь все перекорректировал. О перспективах скажу попозже, когда проверим все, что сожрал огонь.

- Что скажете о ремонте? Сможете справиться? - Даллас мысленно повторил короткий до-

клад инженера. Должно быть, они смогут восстановить внешние повреждения, но вот ячейки потребуют времени. О двенадцатом модуле капитан предпочел пока не думать.

– Все привести в порядок здесь невозможно, как ни лезь из кожи, – ответил Паркер.

– Я и не предполагал полный ремонт. Что вы в силах предпринять?

– Придется сделать пару обводных каналов и восстановить облицовку поврежденных заборных устройств. Повреждения слишком велики. Привести в порядок старые каналы не удастся; это можно сделать только в хорошо оборудованном сухом доке. Придется обмануть машины.

– Понятно. Что еще?

– Я вам уже говорил. Двенадцатый модуль. Я все честно рассказал. Мы потеряли главную ячейку.

– Каким образом? Из-за пыли?

– Отчасти. – Паркер помедлил, обменявшись парой фраз с Бретом, который стоял спиной к микрофону, поэтому капитан его слов не слышал. – Осколки застряли внутри заборных устройств, спеклись там и вызвали перегрев. Он и послужил причиной пожара. Сами знаете, эти машины чертовски чувствительны. Пыль пробилла экран и вывела из строя всю систему.

– Что-нибудь можно сделать? – Даллас хорошо понимал, что систему нужно как-то отремонтировать. Заменить ее нечем.

– Думаю, да. Брет тоже так думает. Надо все прочистить, снова вакуумировать и посмотреть, насколько хорошо она станет держать вакуум. Если после чистки система будет герметичной, то все в порядке. Если нет, придется попытаться заделать пробойны напылением ме-

талла. А вот трещина тянется по всему каналу, тогда... - Паркер многозначительно замолчал.

- Давайте не обсуждать экстремальные ситуации, - предложил Даллас. - Следует заняться более насущными проблемами. Будем надеяться, удастся этим и ограничиться.

- Мы не возражаем.

- Верно, - подтвердил Брет. Судя по голосу, в этот момент он работал рядом с инженером.

- Капитанский мостик передачу закончил.

- Машинное передачу закончило. Готовьте горячий кофе.

Рипли выключила внутреннюю связь, выжидающе посмотрела на Далласа. Капитан задумался, потом спросил:

- Рипли, как вы думаете, сколько времени понадобится, чтобы привести корабль в порядок? При условии, что Паркер верно оценил масштаб аварии и что они с Бретом справятся с основными повреждениями.

Рипли, оглядев пульт, немного подумала.

- Если им удастся обойти эти каналы и двенадцатый модуль сможет нести свою долю нагрузки, то, должно быть, пятнадцать-двадцать часов.

- Не так уж и плохо. По моим расчетам, получилось восемнадцать, - Даллас не улыбнулся, но почувствовал себя немного уверенней. - А что касается вспомогательных устройств, лучше их подготовить заранее, чтобы включить сразу, как только получим энергию.

- Этим я и занимаюсь. - Ламберт регулировала скрытые приборы. - Когда они закончат работу в машинном отделении, мы будем уже готовы.

Минут через десять крошечный громкоговори-

тель на рабочем месте Кейна издал несколько пронзительных сигналов. Кейн взглянул на очередной индикатор, потом включил внутреннюю связь.

- Мостик. Кейн слушает.

С противоположного конца корабля донесся усталый, но довольный голос Паркера:

- Не знаю, сколько система продержится... Швы кое-как наложили. Если наши надежды оправдаются, потом можно будет еще раз все проверить и отдельные заплатки заделать понадежней. Включаем питание.

Помощник капитана воспользовался ручным регулятором. Капитанский мостик наполнился ярким светом, зажглись шкалы и сигнальные устройства приборов, получавших питание от главной сети.

- Есть питание и освещение, - сообщил Кейн. - Отличная работа, инженеры.

- Мы всегда так работаем, - отозвался Паркер.

- Верно, - подтвердил Брет. Судя по долгожданному монотонному гулу, на фоне которого прозвучало подтверждение техника, тот стоял рядом с микрофоном внутренней связи спиной к работающим машинам.

- Не слишком-то радуйтесь, - охладил общее воодушевление Паркер. - Новые соединения должны держать, но я ничего не обещаю. Мы просто зачихнули все назад. А у вас есть новости?

Кейн отрицательно покачал головой, потом спохватился, что Паркер не видит его, и поспешил с ответом:

- Абсолютно ничего нового, - сказал он и посмотрел в ближайший иллюминатор.

В пробивавшемся сквозь стекла тусклом свете

проступил лишь невыразительный клочок безжизненной поверхности планеты. Бушевавшая на планете буря изредка зашвыривала в зону видимости очередную порцию песка или даже довольно крупные камни, которые тут же молнией уносились в непроглядную темноту, успев лишь на мгновение блеснуть отраженным светом.

– Голый грунт. Видимость очень плохая. Насколько я понимаю, мы произвели посадку в пяти метрах от местного оазиса.

– Фантазируйте дальше. – Паркер крикнул что-то Брету и закончил более деловым тоном: – Поддерживайте с нами связь на тот случай, если будут какие-то затруднения. Держите нас в курсе всех дел.

– Пошлю вам открытку. – Кейн отключил микрофон...

3 Если бы ликвидировать аварию так быстро не удалось, то, возможно, для духа экипажа это было бы даже к лучшему. Когда снова заработали генераторы и включилось освещение, пятерым членам экипажа ничего не оставалось, как сидеть сложа руки и глядеть друг на друга, отчего ими постепенно овладевало беспокойство. На тесном капитанском мостике невозможно было расслабиться, поразмяться, даже просто пройти взад-вперед. Поэтому все безропотно мучились на своих рабочих местах, чашку за чашкой поглощая кофе, который подавал им автоповар, и стараясь придумать себе какое-нибудь занятие, чтобы отогнать мысли о бедах, что свалились на их головы. О том, что находилось за корпусом корабля и, возможно, совсем близко, не было сказано ни слова.

Лишь Эш, казалось, был относительно доволен.

Его сейчас беспокоило только психическое состояние команды. На "Ностромо" не было предусмотрено практически никаких условий для отдыха. В конце концов, он был всего лишь буксиром, рабочей лошадкой, а не прогулочным звездолетом. Предполагалось, что все свободное время экипаж должен проводить в успокоительном гиперсне. Естественно, что даже при идеальных обстоятельствах отсутствие конкретных забот во время бодрствования должно было нервировать команду, а создавшееся положение было далеко от идеального.

Эш в компании со своим компьютером мог заниматься решением теоретических проблем сколько угодно. Это занятие ему никогда не надоедало. По его мнению, бодрствование стимулировало.

– Так и не получили никакого ответа на наши передачи? – Даллас, не вставая, повернулся к научному сотруднику.

– Я проверил по справочнику все типы сигналов и все, что может с ними ассоциироваться. Я также дал возможность Мамаше испытать метод механалогового кода. И ничего... – Эш разочарованно покачал головой. – Ничего, кроме все того же сигнала бедствия, повторяющегося через такие же интервалы. Все другие каналы пусты, если не считать постоянного слабого потрескивания в диапазоне ноль целых тридцать три сотых. – Он показал пальцем вверх. – Мамаша считает, что это собственный разряд центральной звезды системы. Если здесь кто-то или что-то осталось в живых, оно не способно предпринять ровным счетом ничего, только звать на помощь.

Даллас неопределенно хмыкнул.

– Генераторы снова работают на полную мощность. Давайте осмотримся, поглядим, на чем мы стоим. Дайте море света.

Рипли щелкнула переключателем. Зажглось располагавшееся рядом с иллюминаторами ожерелье мощных прожекторов – ярких жемчужин на темном корпусе “Ностромо”. В их свете стала еще более наглядной ярость бушевавшей на планете пыльной бури. Иногда ветер закручивал в воздухе небольшие смерчи, а иногда нес пыль по прямой; тогда она только мелькала в лучах прожекторов. Продуваемую всеми ветрами равнину разнообразили лишь редкие невысокие скалы, пологие спуски и подъемы. Нигде не было видно ни куста, ни клочка лишайника, вообще ни малейшего признака жизни. В этом чуждом человеку мире безраздельно властвовали ветер и пыль.

– Никакого базиса... – прошептал Кейн.

Негостеприимный, невыразительный, безжизненный мир.

Даллас встал и, подойдя к иллюминатору, долго смотрел на нескончаемый ураган, на пролетавшие в лучах прожекторов песчинки и камни. Интересно, подумал он, ветер здесь когда-нибудь стихает? Насколько им были уже известны характеристики этой крохотной планетки, они могли произвести посадку в разгар яркого летнего дня. Теперь такая возможность представлялась маловероятной. К счастью, планета была не столь велика, чтобы на ней царила действительно неистовая погода, например, такая, как на Юпитере. Эта мысль немного утешила капитана; вряд ли условия здесь могут стать намного хуже.

Капризы местного климата послужили темой развернувшейся на капитанском мостике дискуссии:

– В этом аду искать что-либо бесполезно, – выразил свое мнение Кейн. – Во всяком случае в темноте.

Эш оторвался от своих приборов и машин. Его ничто не волновало, он не испытывал ни физических неудобств, ни моральных мук. Кейн не мог взять в толк, как это ему удастся. Если бы он сам изредка не вставал, чтобы хоть немного размяться, то давно сошел бы с ума.

Эш заметил взгляд помощника капитана и счел уместным сообщить обнадеживающую информацию:

- Мамаша свидетельствует, что здешнее солнце взойдет через двадцать минут. Куда бы мы ни решили пойти, темноты уже не будет.

- Это уже что-то, - признал Даллас, жадно хватаясь за малейший положительный факт. - Если те, кто звал нас, не хотят или не могут ничего сказать, нам придется пойти поискать их. Или его, если сигнал подает автоматический маяк. Как далеко мы от источника сигналов?

Эш просмотрел показания, для проверки включил плоттер нулевой отметки.

- Приблизительно в трех тысячах метров, - доложил он. - Насколько могут оценить сканеры, главным образом по равнине, ориентировочно на северо-восток от точки, где мы находимся сейчас.

- Состав грунта?

- Вероятно, такой же, какой мы определили во время спуска. Та же самая твердая порода, на которой сейчас стоит корабль. Твердый базальт с небольшими вариациями состава, хотя я не исключаю возможности, что изредка могут встретиться и большие амигдалоидные гнезда.

- Значит, будем осторожнее.

Кейн в уме прикидывал, сколько времени потребуется, чтобы преодолеть это расстояние.

- Во всяком случае достаточно близко, чтобы попытаться дойти пешком.

- Да, - с удовлетворением сказала Ламберт. - Меня бы не обрадовала необходимость перемещать корабль. В такую погоду легче рассчитать прямой спуск с орбиты, чем перемещение над поверхностью.

- Хорошо. С какой целью нам нужно идти, мы знаем. Теперь давайте разберемся, через что нам придется пройти. Эш, сообщите нам состав атмосферы.

Офицер-исследователь нажал несколько кнопок. В корпусе "Ностромо" открылся крохотный люк. Из него выдвинулся металлический сосуд, который всосал порцию атмосферы планеты и снова исчез в корпусе корабля.

Проба воздуха была введена в вакуумированную камеру. Сложные приборы разобрали пробу по молекулам. Скоро вся информация в виде чисел и символов появилась на экране перед Эшем.

Эш считанные секунды изучал показания, запросил проверку одного из параметров, потом сообщил результаты коллегам:

- Это почти первичная газовая смесь. Изобилие инертного азота, немного кислорода, большая концентрация свободного диоксида углерода. Есть метан и аммиак, последний частично в жидком состоянии... Снаружи холодно. Сейчас приборы определяют минорные компоненты, но я не думаю, что нас ожидают сюрпризы. В целом состав атмосферы довольно обычен. Она непригодна для дыхания.

- Давление?

- Десять в четвертой дин на квадратный сантиметр. Нас не унесет, если только не поднимется очень сильный ветер.

- Что с содержанием влаги? - поинтересовал-

ся Кейн. Возникшая было в его воображении картина внеземного оазиса быстро поблекла.

- Относительная влажность - девяносто восемь процентов. Атмосфера этой планеты может иметь неприятный запах, и она очень влажная. Много паров воды. Очень странная смесь. Никогда бы не подумал, что водяные пары в такой концентрации могут сосуществовать с метаном. Впрочем, это неважно. Не рекомендовал бы пить из местных водоемов, если таковые существуют. Вероятнее всего, там окажется совсем не вода.

- Что-нибудь еще, что мы должны знать? - нажимал Даллас.

- Всего лишь базальтовая поверхность, царство холодной, твердой лавы. И холодный воздух, намного ниже нуля, - сообщил Эш. - Даже если бы атмосфера была пригодной для дыхания, все равно пришлось бы одевать скафандры, чтобы решить проблему низкой температуры. Если здесь и есть что-то живое, это должен быть крепкий орешек.

Даллас, казалось, уже примирился с него스테приимностью этого мира.

- Думаю, было бессмысленно рассчитывать на что-то лучшее. Надежда - обманчивая штука. Атмосферы здесь как раз достаточно, чтобы испортить нам видимость. Я бы предпочел, чтобы ее вообще не было, но, к сожалению, не мы конструировали эту планету.

- Как знать, - Кейн опять впал в философское настроение, - быть может, здесь реализуется представление каких-то других существ о рае.

- Бессмысленно проклинать эту планету, - отозвалась Ламберт. - Могло бы быть в тысячу раз хуже. - Она смотрела в иллюминатор; с

приближением рассвета буря утихала. – Я предпочитаю посадку на эту планету, а не на газовый гигант, где в период затишья ветры дуют со скоростью триста километров в час и где приходится бороться с притяжением, в двадцать раз превышающим земное. По крайней мере здесь мы можем передвигаться без стабилизаторов и без поддерживающих генераторов. Вы сами не осознаете своего счастья.

– Интересно, что я вовсе не чувствую себя счастливой, – возразила Рипли. – Я бы с большим удовольствием вернулась в гиперсон.

Джонс потерял об ее ноги, и Рипли нагнулась, чтобы погладить кота по спинке. Тот благодарно замурлыкал.

– Оазис или не оазис, – бодро сказал Кейн, – а я добровольно вызываюсь участвовать в первой вылазке. Мне самому хочется посмотреть вблизи на таинственное существо, подающее нам сигналы. Наперед никогда не знаешь, что и где найдешь.

– Драгоценные камни, металлы? – Даллас не смог подавить усмешки – Кейн был известным охотником за сокровищами.

– А почему бы и нет? – пожал плечами помощник капитана.

– Понял вас. Согласен.

Тут же было решено, что в небольшую экспедицию войдет Даллас. Капитан обвел взглядом всех членов экипажа.

– Ламберт. Вы тоже пойдете, – заключил он.

– Превосходно. А почему именно я? – штурман была явно не в восторге.

– А почему бы нет? Вы нас поведете по должности. Посмотрим, какой из вас проводник, когда вы не сидите в своем кресле, – Даллас уже на-

правился было в коридор, но в последний момент остановился и сухо добавил: – И еще одно. Вероятно, мы найдем лишь чьи-то останки и автоматический радиомаяк; иначе оставшиеся в живых уже давно дали бы о себе знать. Но с чем мы столкнемся на самом деле, предугадать невозможно. Очевидно, что на этой планете жизнь, враждебно ли настроенная или дружественная, не бьет ключом, но лишний раз рисковать не стоит. Поэтому давайте возьмем оружие... – Капитан в нерешительности замолчал, увидев, что к их группе присоединилась Рипли. – Рипли, я могу отпустить с корабля самое большее троих. Вам придется подождать до следующей вылазки.

– Я не собираюсь покидать корабль, – сказала Рипли. – Мне и тут хорошо. Просто здесь я уже сделала все, что могла. Я подумала, что, наверное, Паркеру и Брету понадобится помощь; когда они начнут приводить в порядок каналы, будет еще много тонкой работы.

Несмотря на то, что система охлаждения корабля работала на полную мощность, в машинном отделении было невыносимо жарко. Дело в том, что Паркеру и Брету приходилось выполнять много сварочных работ, а отсек был очень невелик. Рядом с кондиционером воздух оставался сравнительно прохладным, но возле места сварки быстро перегревался.

Лазерный сварочный аппарат работал исправно и генерировал относительно холодный луч, но ручейки расплавленного металла, из которых формировались свежие швы, выделяли очень много тепла. Инженер и техник уже давно сбросили рубашки, а по их обнаженным торсам сбегали ручейки пота.

Тут же Рипли, опершись о стену, специальным инструментом снимала защитную панель. Под кожухом оказалось сложнейшее переплетение разноцветных проводов и крошечных прямоугольников. Два небольших блока полностью обуглились. Сменив инструмент, она извлекла сгоревшие блоки и порылась в перекинутой через плечо сумке в поисках подходящей замены.

Когда Рипли вставляла первый блок в гнездо, Паркер на время выключил лазер и критически осмотрел свеженаложенный сварочный шов.

– Неплохо, если мне будет позволено высказать свое мнение, – прокомментировал он результат собственной работы и повернулся к Рипли, у которой уже насквозь пропитавшаяся потом куртка прилипла к телу: – Эй, Рипли... У меня один вопрос.

Рипли тем временем вставила второй исправный блок. С легким щелчком он лег на свое место рядом с первым.

– Да? Я слушаю, – не прерывая работу, отозвалась она.

– Мы тоже пойдем в экспедицию или нас не выпустят до тех пор, пока мы все не приведем в порядок? С генератором мы уже разобрались. А все остальное, – резким движением руки он обвел царивший в машинном отделении беспорядок, – требует только косметического ремонта. Тут нет ничего такого, что не могло бы подождать несколько дней.

– Вы сами знаете ответ на свой вопрос, – Рипли села, вытерла руки и взглянула на Паркера. – Капитан выбрал еще двоих, вот пока и все. Никто не имеет права покидать корабль, пока они не возвратятся и не сообщат о результатах экспедиции. Три человека на планете,

четверо на корабле. Таковы правила, — она замолчала, как будто ей в голову пришла неожиданная мысль, и понимающе посмотрела на инженера. — Но ведь вас не это беспокоит, не так ли? Вам не дает покоя мысль о том, что они могут что-то найти. Или до сих пор все мы недооценивали вас, и вы на самом деле благородный охотник за знаниями, одержимый стремлением раздвинуть границы известной человеку Вселенной?

— К черту Вселенную. — Казалось, Паркера нисколько не задел насмешливый тон Рипли. — Я одержим стремлением раздвинуть границы моего счета в банке. Так что... если они найдут что-нибудь ценное, то как насчет моей доли?

— Не беспокойтесь, — устало сказала Рипли. — Вы оба получите все, что вам причитается. — И она снова закопошилась в сумке в поисках новой детали, которой можно было бы заменить последний поврежденный блок в оголенной секции приборного отсека.

— Я объявляю забастовку, — неожиданно объявил Брет, — пока нам не будет гарантирована полная доля.

Рипли нашла необходимую деталь, осторожно вставила ее в приборный отсек.

— Согласно контракту каждому из вас гарантируется доля всего, что мы найдем. А теперь перестаньте валять дурака и принимайтесь за работу. — Рипли отвернулась и принялась за проверку исправности только что установленных блоков.

Паркер бросил на Рипли неприязненный взгляд и уже открыл было рот, чтобы сказать все, что он думает по этому поводу, но вовремя передумал. Все-таки на корабле она — уорент-офицер. Накалять отношения с ней совсем ни к чему.

Он высказал свое мнение и получил отпор. Лучше пока все оставить, как есть. Неважно, что он чувствует. Когда ситуация того требовала, Паркер мог поступать вполне обдуманно.

Он со злостью щелкнул выключателем лазерной сварочной установки и принялся заваривать следующую секцию поврежденного канала.

Брет возился с блоком питания сварочной установки. Не обращаясь ни к кому конкретно, он сказал:

– Верно.

Даллас, Кейн и Ламберт шли по узкому коридору. Теперь на них помимо плотных рабочих брюк были высокие ботинки, куртки и перчатки. В руках – лазерные пистолеты, уменьшенные копии сварочной установки, с которой работали Паркер и Брет.

Даллас и его спутники остановились перед массивной металлической дверью, на которой были изображены предупреждающие знаки. Надпись гласила: “ГЛАВНЫЙ ВОЗДУШНЫЙ ШЛЮЗ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН”.

Это предупреждение всегда казалось Далласу до смешного неуместным. На борту космического корабля не может быть посторонних, и уж если тебе разрешено находиться на корабле, значит, ты имеешь право пользоваться и шлюзом.

Кейн щелкнул тумблером. Отскочил защитный щиток, под ним оказались три кнопки. Кейн нажал их в определенной последовательности. Дверь с жалобным жужжанием отъехала в сторону. Все трое вошли в шлюз.

Там вдоль стен стояли семь скафандров – неуклюжих, неудобных, но, если Эш хотя бы на-

половину угадал условия на поверхности планеты, абсолютно необходимых для экспедиции. Даллас и его спутники помогли друг другу влезть в скафандры, проверили их надежность.

Потом настала очередь шлемов. Эта операция осуществлялась с особой торжественностью и максимальной тщательностью. Каждый из членов экспедиции убедился в герметичности соединений у соседа. Даллас проверил шлем у Кейна, Кейн – у Ламберт, а та оказала такую же услугу капитану. Все трое сохраняли полную серьезность, хотя со стороны могли показаться похожими на ухаживающих друг за другом больших обезьян. Включили автоматические системы жизнеобеспечения. Скоро все трое дышали немного затхлым, но здоровым воздухом из своих баллонов.

Даллас перчаткой включил систему внутренней связи:

– Проверка связи. Вы меня слышите?

– Слышу хорошо, – отозвался Кейн. Он немного помедлил, регулируя громкость на своем микрофоне. – Вы слышите меня?

Даллас кивнул и повернулся к до сих пор молчавшей Ламберт:

– Слышу, – коротко сказала она, не пытаясь скрыть свою обиду. Она все еще переживала, что ей приказали участвовать в экспедиции против ее желания.

– Перестаньте дуться, Ламберт, – попытался подбодрить ее Даллас. – Я выбрал вас, потому что вы обладаете определенными способностями, а не только жизнерадостным характером.

– Весьма лестно, – сухо ответила Ламберт. – Словом, спасибо и на том. Почему вы не взяли с собой Эша или Паркера? Думаю, любой из них охотно оказался бы на моем месте.

- Эш должен оставаться на корабле. Вам это хорошо известно. У Паркера еще много работы в машинном отделении. К тому же без приборов он не смог бы выбраться даже из бумажного мешка. Можете посылать меня к черту на каждом метре пути, но сделайте так, чтобы мы нашли источник этого проклятого сигнала.

- Да. Чудесно.

- Тогда будем считать, что договорились. Оружие без моего приказа не применять.

- Вы ожидаете дружественный прием? - с сомнением в голосе спросил Кейн.

- Давайте надеяться на лучшее, но готовиться к худшему. - Даллас нащупал систему управления связью на своем скафандре и включил другой канал: - Эш, вы меня слышите?

Вместо Эша ответила Рипли:

- Эш пошел вниз, в научный отсек. Можете связаться с ним через пару минут.

- Понял вас. - Даллас повернулся к Кейну: - Закройте внутренний люк.

Помощник капитана нажал нужные кнопки, и люк, через который они вошли несколько минут назад, плотно закрылся.

- Теперь открыть наружный люк.

Кейн повторил манипуляции. Нажав последнюю кнопку, он сделал шаг назад и присоединился к товарищам. Ламберт невольно прижалась спиной к внутреннему люку - инстинктивная реакция на встречу с неизвестностью.

Наружный люк шлюзовой камеры скользнул в сторону. Перед тремя астронавтами проносились тучи пыли и пара. В предрассветные минуты планета окрасилась в коричнево-оранжевые тона, ничем не напоминавшие успокаивающий желтоватый свет Солнца на земле. Даллас все

же надеялся, что по мере подъема здешнего светила обстановка может улучшиться. Уже стало достаточно светло, чтобы можно было оглядеться, хотя на голой планете смотреть было не на что, разве что на пыльные вихри.

Астронавты перешли на платформу подъемника, направляющие которого располагались между опорами корабля. Кейн прикоснулся к еще одному переключателю. Платформа начала спускаться, а расположенные на ее нижней поверхности сенсоры указывали расстояние до поверхности планеты. Двигатель подъемника выключился, как только платформа коснулась самых высоких камней.

Астронавты осторожно сошли на планету. Руководствуясь скорее привычкой, чем уставом, Даллас шел первым. Лава оказалась твердой, неподатливой, и ботинки астронавтов не оставляли на ней следов. С трудом сопротивляясь ураганному ветру, люди осмотрелись. Пока что кроме коричнево-оранжевого тумана и базальта под ногами смотреть было не на что.

Какое гнетущее впечатление производит эта планета, подумала Ламберт. Не обязательно пугающее, хотя невозможность разглядеть что-либо в нескольких метрах от себя, конечно, не успокаивала, а именно гнетущее. Их экспедиция почему-то напомнила Ламберт ночное купание в море, кишашем акулами. Как там, так и здесь невозможно угадать, когда и что вдруг может показаться из темноты.

Возможно, первое впечатление было обманчивым, но на всей таинственной, туманной планете не было ни одного радующего глаз пятна – ни голубого, ни зеленого; все было окрашено только в желтые, тускло-оранжевые, уныло-коричневые и серые тона. Ничто не радовало, а потому и не

улучшало настроения. Атмосфера была цвета не-
удавшегося химического эксперимента, грунт –
слежавшихся экскрементов. Ламберт посочувствова-
ла любым существам, которые, возможно, когда-то
жили здесь. Несмотря на отсутствие прямых дока-
зательств, она почему-то была уверена, что теперь
на всей планете нет ни одного живого создания.

Конечно, нельзя исключать, что прав был Кейн
и планета, быть может, отвечает чьим-то представ-
лениям о рае. Если это так, подумала Ламберт, ей
бы не хотелось знакомиться с такими существами.

– В каком направлении нам идти?

– Что? – вздрогнула Ламберт. Атмосфера пла-
неты немного затуманила ее мысли. Она встрях-
нулась.

– Ламберт, куда нам идти? – Даллас внима-
тельно смотрел на штурмана.

– Все в порядке. Я просто немного задума-
лась. – Она вспомнила свое рабочее место –
кресло и навигационные приборы на борту “Но-
стромо”. Теперь это место, в обычной обстанов-
ке тесное и неудобное, казалось уголком рая.

Она проверила положение центральной линии
на экране небольшого устройства, которое было
укреплено на поясе ее скафандра.

– Нашла. В этом направлении. – Она показала
рукой.

– Поведете вы, – распорядился Даллас и от-
ступил на шаг назад.

Ламберт пошла впереди, преодолевая ураган-
ный ветер, за ней – капитан и потом Кейн.
Стоило им покинуть защитную оболочку “Ност-
ромо”, как они оказались в полной власти ца-
рившего на планете урагана.

Скоро Ламберт остановилась и раздраженно
покрутила ручки приборов.

– Я потеряла этот чертов источник сигналов.

Неожиданно в ее шлеме зазвучал голос Эша:

– Включите искатель. Он настроен на волну сигнала бедствия. Предоставьте ему возможность вести вас и ни в коем случае не выключайте. Я сам уже настроился.

– Искатель включен и настроен, – резко парировала Ламберт. – Вы полагаете, я не умею работать?

– Я не хотел вас оскорбить, – ответил офицер-исследователь.

Ламберт только что-то проворчала в ответ и шагнула в плотный туман.

Даллас включил свой микрофон:

– Искатель работает нормально. Эш, вы уверены, что четко видите нас?

В научном отсеке, располагавшемся в нижней части корабля, Эш перевел взгляд с иллюминатора, через который с трудом можно было различить нечеткие в пыльной буре фигурки астронавтов, на ярко светившийся экран. На экране были четко видны три отчасти стилизованные компьютером фигуры. Эш коснулся кнопки, послышалось тихое жужжание, и его кресло передвинулось на несколько сантиметров так, что теперь ученый сидел точно перед экраном.

– Сейчас вижу вас из своего отсека. Слышу вас четко и громко. Изображение на моем экране не удовлетворительное. Не думаю, что упущу вас из виду. Туман и пыль не настолько плотные, а помех на поверхности планеты, по-видимому, немного. Сигнал бедствия передается на другой частоте, так что перекрывания можно не опасаться.

– Вы меня успокоили. – В громкоговорителе научного отсека голос Далласа звучал немного

неестественно. — Мы слышим вас хорошо. Давайте договоримся не отключать канал связи с кораблем. Не хотелось бы потеряться в этой мерзости.

— Понял вас. Буду следить за каждым вашим шагом. Не стану беспокоить вас, если не произойдет ничего существенного.

— Понял. Передачу закончил. — Даллас оставил канал связи с кораблем включенным и тут заметил, что Ламберт наблюдает за ним. Капитан обратился к ней:

— Мы напрасно тратим драгоценное время. Давайте продвигаться к цели.

Ламберт молча повернулась, вновь переключив внимание на искатель, и пошла в кружащемся месиве из песка, тумана и мелких камней. Чуть меньшая, чем на Земле, сила тяжести частично снимала с плеч астронавтов тяжелый груз скафандров и баллонов с воздухом; все они не переставали удивляться, какой же состав должна иметь эта крохотная планетка, чтобы на ней было такое сравнительно мощное тяготение. Даллас отметил про себя, что позже надо будет выделить немного времени на глубинную геологоразведку. Быть может, капитан поддался влиянию Паркера, но возможность содержания большого количества тяжелых металлов в ядре планеты не исключалась. Во всяком случае эту гипотезу стоило проверить.

Конечно, Компания непременно предъявит свои права на любое подобное открытие на том основании, что оно было сделано на ее корабле и с помощью принадлежащего ей оборудования. Но щедрые премии членам экипажа будут гарантированы, так что в конце концов их непредвиденная остановка могла принести большие прибыли.

Налетел особенно сильный порыв ветра, осыпав астронавтов сухим дождем из песка и грязи.

– В любом направлении ничего не вижу дальше трех метров, – пробормотала Ламберт.

– Перестаньте ворчать, – отозвался Кейн.

– Мне нравится ворчать.

– Прекратите. Перестаньте вести себя как дитя. Здесь не место для подобных игр.

– Отчего же, отличное местечко, – иногда Ламберт не торопилась выполнять распоряжение капитана. – Совершенно не испорченное ни человеком, ни природой. Великолепное место... для камня.

– Я же сказал, прекратите, – повторил капитан.

Ламберт замолчала, но про себя продолжала ворчать. Даллас мог приказать ей не говорить, но не выражать свое мнение об этой не слишком гостеприимной планете про себя.

Внезапно внимание Ламберт привлекло нечто, что сразу заставило ее перестать проклинать планету. Изображение на экране искателя резко изменилось.

– Что случилось? – встревожился Даллас.

– Подождите. – Ламберт поднастроила прибор, что было не так просто – мешали неуклюжие перчатки. Исчезнувшая было линия снова появилась на экране.

– Потеряла линию. Теперь опять нашла.

В их шлемах прозвучал далекий голос:

– У вас проблемы? – Это Эш выражал свою озабоченность.

– Ничего существенного, – успокоил его Даллас. Он медленно повернулся, стараясь найти более надежную точку опоры в бешеном урагане. – По-прежнему сильный ветер и пыль. Луч

искателя стал почему-то пропадать. На минуту мы потеряли связь с источником сигналов.

– Здесь сигнал не ослабевает. – Эш проверил показания своих приборов. – Думаю, вам мешает не ураган. Возможно, вы вышли на пересеченную местность, и какая-то небольшая возвышенность экранировала сигнал. Будьте внимательней. Если вы снова потеряете сигнал и уже не сможете его найти, переключите искатель на канал связи с кораблем. Я попробую вести вас отсюда.

– Будем иметь в виду такую возможность, но пока в этом нет необходимости. Если еще раз столкнемся с такими осложнениями, сообщим.

– Понял вас. Передачу закончил.

Снова наступила тишина. Астронавты какое-то время молча шли в устланном пылью оранжевом аду. Через несколько минут Ламберт остановилась.

– Опять потеряли сигнал? – спросил Кейн.

– Нет. Меняем направление. – Она показала налево. – Теперь нам сюда.

Все трое повернули налево. Впереди, не сводя глаз с экрана искателя, шла Ламберт, за нею Даллас и Кейн. Они старались не потерять штурмана из виду. Неожиданно ветер резко усилился. Рой за роем бросал он песчинки в лицевые щитки астронавтов; песчинки щелкали по щиткам, и этот звук казался астронавтам осмысленной речью: “Тик-так...пусти нас...щелк-щелк...пусти нас,пусти нас...”

Даллас вздрогнул. Постепенно и на него начинали действовать молчание и оранжевый туман, за которым скрывалась таинственная, безжизненная планета.

– Источник сигнала бедствия рядом, – сооб-

шила Ламберт. Вмонтированные в скафандры сенсоры тотчас сообщили Эшу, что у астронавтов участился пульс. – Совсем рядом.

Даллас и его товарищи продолжили путь. Неожиданно впереди появилось нечто, уходящее высоко в небо. От усталости и возбуждения Даллас задышался.

Увы... То, что астронавты приняли сначала за сооружение, оказалось всего лишь высокой, причудливо изогнутой скалой. Предположение Эша о том, что они достигли более пересеченной местности, оказалось правильным. Астронавты на время укрылись у подножия каменного монолита. В этот момент сигнальная линия вновь исчезла с экрана искателя.

– Сигнал снова потерян, – сообщила Ламберт.

– Может быть, мы уже миновали его источник? – предположил Кейн, исследуя скалу и безуспешно пытаясь заглянуть за нее.

– Может быть, но лишь в том случае, если он находится в глубине планеты. – Даллас прислонился спиной к скале. – Не исключено, что он скрывается за этой штукой. – Он стукнул перчаткой о камень. – А возможно, ураган ослабил сигнал. Давайте отдохнем и осмотримся.

Ламберт и Кейн тоже прислонились к обезображенной ветрами каменной стене. Вокруг все так же быстро проносились полосы тумана, тучи пыли и песка.

– Теперь мы совсем слепы, – сказал Кейн.

– Должно быть, скоро рассвет, – предположил Даллас и включил свой микрофон. – Эш, ответьте, если вы меня слышите. Сколько осталось до рассвета?

Донесся искаженный помехами, едва слышимый голос офицера-исследователя:

– Светило взойдет приблизительно через десять минут.

– Наконец-то мы хоть что-нибудь разглядим.

– Или наоборот, – вставила Ламберт. Она по-прежнему даже не пыталась скрыть полное отсутствие энтузиазма. Она уже чертовски устала, а они еще не нашли источник сигнала. Это была не физическая усталость. Безжизненная, окрашенная в фантастические, жуткие цвета планета утомила ее психически. Ламберт так истосковалась по своему сверкающему чистотой рабочему месту.

В какой-то мере опасения штурмана оправдались. Поднимавшееся светило не только не подняло настроение астронавтов, а скорее еще больше ухудшило его, перекрасив оранжевую атмосферу в кроваво-красный цвет. Оставалось только надеяться, что планета приобретет менее пугающий вид, когда тусклая звезда приблизится к зениту...

Рипли, смахнув ладонью пот со лба, устало вздохнула. Убедившись в исправности и работоспособности установленных ею новых блоков, она захлопнула защитную панель и рассовала инструменты по сумке.

– С остальным справитесь сами. Самую тонкую работу я сделала.

– Не беспокойтесь. Справимся, – заверил ее Паркер, стараясь говорить безразличным тоном. Он не оглянулся, продолжая заниматься своим делом, хотя опасения, что его и Брета забудут при дележе прибыли от того, что, возможно, найдут участники экспедиции, все еще не давали ему покоя.

Рипли направилась к ближайшему трапу.

– Если возникнут осложнения и понадобится помощь, я буду на мостике.

– Хорошо, – негромко отозвался Брет.

Паркер посмотрел вслед Рипли, выждал, когда ее гибкая фигура скроется из виду, и коротко резюмировал:

– Сука.

Эш легко прикоснулся к ручке качества изображения. Усилитель сделал свое дело, и изображение на экране бредущего по планете трио вновь стало резким и четким, а сопровождавший стилизованные фигуры ореол исчез. Эш проверил другие контрольные приборы. От всех трех астронавтов поступали устойчивые сигналы.

Из громкоговорителя по системе внутренней связи донесся голос Рипли:

– Как у них дела?

Эш поспешно выключил экран и включил микрофон.

– Пока хорошо.

– Где они?

– Подошли вплотную к источнику сигнала бедствия. Там скалистая местность, и сигнал на их искателе изредка пропадает, но они так близко у цели, что трудно себе представить, как можно пропустить источник сигнала. Полагаю, очень скоро мы услышим новости.

– Кстати о сигнале бедствия. Никаких новых данных не появилось?

– Пока нет.

– Вы не пробовали анализировать сигнал с помощью ЕСIU? – В голосе Рипли чувствовалось нетерпение.

– Послушайте, Рипли, я не меньше вас хотел бы узнать что-то новое. Но Мамаша пока ничего не обнаружила, какой же смысл пытаться одурачить ее?

- Не возражаете, если я попробую?

- Поступайте, как считаете нужным, - ответил Эш. - Вреда от этого не будет, к тому же какое-никакое занятие. Только если вам вдруг повезет и вы наткнетесь на что-то разумное, сразу же поставьте меня в известность.

- Хорошо. Если вдруг повезет. - Рипли отключила микрофон. Она поудобнее устроилась в своем кресле. Теперь, когда большая часть экипажа была на планете, а Эш - внизу, в своем отсеке, капитанский мостик казался на удивление просторным. В сущности Рипли вообще не помнила другого случая, когда бы она одна оставалась на мостике. Она чувствовала себя как-то неловко и не очень уютно.

Впрочем, если уж она взялась за анализ с помощью ЕСІU, то надо приступить к работе. Щелкнул переключатель, и мостик опять заполнили нечеловечески устрашающие вопли. Рипли поспешно уменьшила громкость. Даже едва слышные, эти вопли действовали на нервы.

Рипли уже готова была согласиться с Ламберт, что звуки представляют собой голос неведомого существа. Впрочем, это было лишь фантастическим предположением и уж никак не научной гипотезой. Возьми себя в руки, приказала себе Рипли. Сначала посмотри, что скажет машина, а свои эмоции оставь при себе.

Она понимала, что там, где неудача постигла Мамашу, успех в лучшем случае маловероятен. Но, как сказал Эш, это хоть какое-то занятие. Она терпеть не могла сидеть сложа руки, слишком много времени оставалось для пустых домыслов. Лучше придумать себе любое занятие, чем сидеть вообще без дела...

4 По мере того как скрытое туманом и пылевой завесой светило поднималось все выше, кроваво-красная атмосфера постепенно светлела и в конце концов приобрела грязно-желтый цвет. Конечно, такое освещение не шло ни в какое сравнение с ярким солнечным светом на Земле, но все же астронавты почувствовали облегчение.

Ураган немного утих, и даже вездесущая пыль начала постепенно оседать. Впервые путешественники смогли различать предметы в двух-трех метрах от себя.

Несколько минут они преодолевали очередной подъем. Местность по-прежнему была холмистой, хотя, если не считать редких базальтовых столбов, под ногами неизменно оказывались все те же затвердевшие потоки лавы. Присмотревшись, можно было различить границы нескольких достаточно четко очерченных потоков, но все их резкие складки и морщины давно стерли пески и ветры, дувшие здесь несчетные столетия.

Теперь впереди шел Кейн, на пару шагов опережавший Ламберт. В любую минуту он ожидал услышать, что она снова обнаружила сигнал. Поднявшись на вершину холмика, Кейн осмотрелся в полной уверенности, что впереди увидит то же, что и до сих пор - пологий спуск, а за ним подъем на следующий невысокий холм.

Но вместо уже привычного ландшафта его внимание привлекло нечто совсем иное. Оно было настолько неожиданным, настолько необычным, что глаза его за грязным, но все еще прозрачным лицевым щитком расширились.

- Боже! - воскликнул он.

- Что случилось? В чем де... - Ламберт вска-

рабкалась на вершину холма к Кейну. За ней поднялся и Даллас. Неожиданное зрелище потрясло их не меньше, чем помощника капитана.

Конечно, они предполагали, что сигнал бедствия могло посылать какое-то устройство, но не задумывались, как оно могло выглядеть. Их мысли были слишком заняты борьбой с ураганом и стремлением не потерять друг друга в этом аду. Теперь они столкнулись с вполне материальным источником сигнала бедствия, и этот источник оказался намного более внушительным и впечатляющим, чем они могли себе представить. Астронавты забыли о научной беспристрастности.

Очевидно, это был космический корабль, сравнительно малоповрежденный и более чужой, более непривычный для человеческого глаза, чем можно было себе вообразить. Даллас вынужден был признать, что чужой корабль не столько отвратителен, сколько противоестествен; в каком-то смысле он противоречил представлениям человека о высокотехнологичной цивилизации. Контуры массивного и, очевидно, брошенного командой корабля были по-своему совершенными, но в то же время вызвали чувство протеста; вся конструкция производила впечатление чего-то аномального или незавершенного.

Чужой корабль возвышался над окружающими скалами. То, что видели астронавты, позволяло предположить, что он сел на планету примерно так же, как и "Ностромо" – "на брюхо". В общих чертах он напоминал гигантскую букву U, две вертикальные части которой были чуть-чуть наклонены одна к другой. Причем одна сторона была немного короче и наклонена под более острым углом. Была ли такая асимметрия результатом аварии или она отвечала понятиям

неведомых хозяев корабля о красоте, астронавты, конечно, сказать не могли.

Поднявшись на холм, они подошли к чужому кораблю. Отсюда стало заметно, что ближе к основанию диаметр корабля увеличивался, причем основание как бы разделялось на секции периодически повторяющимися утолщениями и сужениями корпуса, словно корабль был сложен из толстых тарелок, из которых в конце концов формировался своеобразный купол. Даллас был склонен предположить, что в боковых частях корабля размещались двигатели и машинное отделение, а в утолщенной части — жилые помещения, капитанский мостик и, возможно, грузовые отсеки. Впрочем, на самом деле все могло оказаться и наоборот.

На корабле не было заметно никаких признаков жизни или вообще какой бы то ни было деятельности. Рядом с чужим кораблем сигнал бедствия звучал оглушительно громко, и все трое поспешно уменьшили громкость своих приемных устройств.

В лучах восходящего местного светила корпус корабля блестел, почти как стекло; во всяком случае материал корпуса не походил ни на один из сплавов, когда-либо созданных человеком. Даллас вообще не поручился бы, что это металл. При беглом осмотре не удалось обнаружить ни сварных швов, ни пайки, ни уплотнений или заклепок, короче говоря, никаких следов знакомых человеку способов соединения частей любой машины. Возникало странное ощущение, что чужой корабль не собран из различных частей, а вырос сам по себе.

Это было непривычно и непонятно. Тем не менее сомневаться не приходилось: сооружение

представляло собой космический корабль, сколь бы странной ни казалась его конструкция.

Астронавты были настолько поражены представшим перед ними удивительным зрелищем, что никому из них и в голову не пришло подумать о вознаграждении за находку или за спасение брошенного корабля.

Все трое одновременно вскрикнули.

– Корабль, конечно, это космический корабль! – снова и снова повторял Кейн.

Ламберт внимательно осмотрела сверкающую и оттого казавшуюся как бы влажной поверхность корабля, отметила отсутствие каких бы то ни было наружных деталей и в сомнении покачала головой:

– Вы уверены? Возможно, это какое-то местное сооружение. Поразительно...

– Исключено. – Внимание Кейна было сосредоточено на двух ветвях, составлявших, по-видимому, кормовую часть корабля. – Он никак не связан с планетой, не закреплен на ее поверхности. Каковы бы ни были здесь представления об архитектуре, совершенно очевидно, что эта штука не предназначалась для украшения ландшафта. Конечно, это космический корабль.

– Эш, вы видите? – Даллас вспомнил, что в их скафандры вмонтированы видеокамеры и Эш, вероятно, увидел покинутый чужой космический корабль в тот же миг, когда Кейн взобрался на холм и закричал, пораженный удивительным зрелищем.

– Да, вижу. Не слишком четко, но достаточно хорошо, чтобы согласиться с Кейном, что это космический корабль. – Голос Эша казался необычно возбужденным, во всяком случае говорил он не так уравновешенно, как обычно. – Никог-

да не видел ничего подобного. Подождите мину-
ту.

Астронавты терпеливо ждали, пока Эш изучал показания приборов, задавал электронному мозгу корабля вопросы и получал ответы.

– Мамаша тоже ничего не может сказать. Это корабль совершенно нового типа, он не имеет ничего общего с тем, что попадалось нам раньше. Он и в самом деле так велик, каким кажется на экране?

– На самом деле он еще больше, – ответил Даллас. – Гигантское сооружение, и пока мы не видели ни одной небольшой детали. Если при его конструировании соблюдались те же пропорции, что и в случае наших кораблей, то его создатели должны быть великанами.

Ламберт нервно хихикнула:

– Скоро увидим. Может быть, на борту специально остался один из хозяев, чтобы поприветствовать нас.

– Мы рядом с кораблем и на одной линии с вами, – сообщил Даллас Эшу, не обратив внимания на замечание штурмана. – Сейчас вы должны получать намного более четкое изображение. Что с сигналом бедствия? Есть какие-нибудь изменения? Мы слишком близко, чтобы можно было понять самим.

– Никаких изменений. Что бы ни подавало этот сигнал, уверен, оно находится внутри корабля. Должно быть, внутри. Если бы источник сигнала располагался дальше, он никогда не дошел бы до нас через такую толщу металла.

– Если это вообще металл. – Даллас продолжал изучать корпус чужого корабля. – Внешне очень похоже на пластик.

– Или на кость, – задумчиво предположил Кейн.

– Если передающее устройство находится внутри, то как же быть? – задумалась Ламберт.

Помощник капитана сделал шаг вперед.

– Я заберусь внутрь, все там осмотрю и сообщу вам.

– Подождите, Кейн. Не будьте слишком безрассудны. С таким характером вы когда-нибудь непременно влипнете в чертовски неприятную историю.

– Я действительно решил попытаться проникнуть внутрь корабля. Послушайте, мы должны что-то предпринять. Не можем же мы просто стоять и ждать, когда над этим сооружением появятся магические откровения, – Кейн неодобрительно покосился на чужой корабль. – Вы серьезно предлагаете всем оставаться на планете?

– Ни в коем случае, – ответил Даллас. – Но нет никакой надобности принимать поспешные решения, – он обратился к Эшу: – Вы еще слышите нас, Эш?

– Сейчас хуже, ведь вы находитесь над передатчиком, – ответил тот. – В таком положении помехи неизбежны. Но пока я понимаю каждое ваше слово.

– Отлично. Никаких признаков жизни, света нигде не видно. Никакого движения, кроме этой проклятой пыли. Используйте нас для определения координат передатчика и попробуйте ваши сенсоры. Возможно, вам удастся увидеть или обнаружить то, чего не видим мы.

Последовала пауза. Эш поспешил выполнить приказ. Астронавты не отрывали взгляд от причудливо изогнутых контуров гигантского корабля.

– Я перепробовал все, – доложил наконец

Эш. – Для таких экспериментов у нас нет подходящих приборов. “Ностромо” – коммерческий буксир, а не исследовательское судно. Чтобы получить надежные результаты, мне потребовалось бы много дорогостоящего оборудования, которого на борту нашего корабля просто нет.

– Так... что вы можете мне сказать?

– Из своего отсека – ничего, сэр. Я не могу получить вообще ни одного результата. Передаваемый кораблем сигнал настолько силен, что я не в состоянии зарегистрировать какие бы то ни было показания. Повторяю, на борту “Ностромо” просто нет подходящей аппаратуры.

Даллас постарался скрыть свое разочарование от Ламберт и Кейна.

– Понял вас. В конце концов, это не самое важное. Но не прекращайте попыток. Сообщайте мне немедленно обо всем, буквально обо всем, что бы вы ни обнаружили. Особенно любой намек на движение. Не углубляйтесь в детали. С деталями мы разберемся на месте.

– Понял вас. Будьте осторожны.

– Что теперь, капитан? – спросил Кейн.

Даллас еще раз взглядом ощупал весь гигантский корабль и заметил, что Кейн и Ламберт внимательно за ним наблюдают. Помощник капитана был, конечно, прав. Мало знать, что источник сигнала находится в этой громадине. Они должны найти передающее устройство, постараться выяснить смысл сигнала и причину присутствия такого корабля на этой крохотной планетке. Не проникнув внутрь чужого корабля, бессмысленно даже пытаться ответить на эти вопросы. Да и вообще немыслимо, проделав такой трудный путь, не заглянуть в это чужое чудо.

В конце концов именно любознательность была той движущей силой, которая заставила человечество покинуть свою одинокую, малоприметную планету и отправиться через космические бездны к звездам. И любознательность, задумчиво напомнил себе Даллас, принесла неплохие плоды.

Наконец капитан принял решение, представлявшееся единственно разумным:

– С этой точки корабль кажется совершенно недоступным. Давайте сначала осмотрим его. Начнем с основания. Если ничего не найдем, тогда...

– Что тогда? – Ламберт пристально рассматривала капитана.

– Тогда... тогда будет видно.

Они направились к кораблю. Ненужный теперь искатель болтался на поясе Ламберт. Астронавты подошли вплотную к громадине, которая теперь нависала над ними.

– С этой точки, – на ходу говорил Даллас, – я могу только...

На борту “Ностромо” Эш внимательно ловил каждое слово тех, кто находился рядом с чужим кораблем. Вдруг совершенно неожиданно голос Далласа пропал, потом на несколько секунд зазвучал снова, зазвучал очень громко и тут же пропал окончательно. Одновременно на экране Эша исчезло и изображение.

– Даллас! – Эш отчаянно бил по кнопкам на приборной панели, шелкал переключателями, требуя лучшего разрешения от приборов, которые и без того работали на пределе своих возможностей. – Даллас, вы меня слышите? Я потерял связь. Повторяю, я потерял связь...

Из множества громкоговорителей доносился

только монотонный жалобный свист – отзвук термоядерных процессов, происходивших в ядре местного светила...

Вблизи колоссальные масштабы чужого корабля еще больше бросались в глаза, еще больше поражали воображение. Его корпус нависал над астронавтами и исчезал в туманной выси. Корабль казался даже более монолитным, чем разбитая скала, на которой он лежал.

– Все еще никаких признаков жизни, – вполголоса бормотал Даллас, осматривая корпус. – Искусственного освещения нигде нет, движения нет. – Он жестом показал на тот сегмент, который, по его мнению, должен был выполнять функции носа корабля. – И ни малейшего намека на вход. Попробуем с этой стороны.

Они осторожно пробирались по раздробленным валунам и ненадежным, рассыпающимся под ногами скалам. Рядом с чужим кораблем Даллас чувствовал себя ничтожно малым и беспомощным существом. Малым не только по росту, хотя рядом с корпусом корабля они и в самом деле казались карликами, но и по своей роли во Вселенной. Человечество пока исследовало ничтожную долю одного уголка Вселенной и почти ничего не знало о ней в целом.

Чрезвычайно увлекательно и полезно для интеллектуала рассуждать на тему о том, что может таиться в черных безднах, если смотришь на них в телескоп с уютной Земли. Совсем другое дело разбираться с проблемами черных бездн реально, на забытой Богом и очень негостеприимной планетке, имея под боком космический корабль, который не мог сделать человек и который почему-то напоминал скорее растение,

чем устройство для перемещения в космосе, использующее известные законы физики.

Это обстоятельство, вынужден был признаться Даллас, беспокоило его больше всего. Внеземное происхождение корабля не так пугало бы капитана, если бы его внешние очертания и конструкция оказались чуть более привычными. Даллас понимал, что его опасения вызваны не просто ксенофобией. Важнее было другое: он не ожидал, что чужой корабль окажется *настолько* чужим.

- Там что-то есть, - сказал Кейн, указывая на корпус корабля.

Пора бросать досужие размышления и браться за дело, приказал себе Даллас. В конце концов, это страшное U-образное сооружение - всего лишь космический корабль, отличающийся от "Ностромо", возможно, лишь внешне. На первый взгляд ничего угрожающего или зловещего не было ни в материале корпуса, ни в конструкции самого корабля. Материал, очевидно, являлся достижением чужой науки, а очертания корабля, вероятно, отражали эстетические представления тех, кто создавал его, и, наверно, многое другое. Если рассматривать чужой корабль с такой точки зрения, то надо было признать, что он не лишен своеобразной экзотической красоты. Без сомнения, Эш уже восторгается уникальными формами корабля и жалеет, что его нет среди участников экспедиции.

Даллас обратил внимание на все такое же отсутствующее выражение лица Ламберт и понял, что по меньшей мере один из них охотно поменялся бы своим местом с Эшем.

Кейн показал на три темных пятна на боковой поверхности корпуса чужого корабля. Астро-

навты подошли ближе и обнаружили, что это не просто пятна, а большие овальные отверстия.

Скоро они оказались рядом с тремя люками, зиявшими в металлическом (или пластиковом? или каком-то другом?) корпусе. За наружными люками виднелись более узкие внутренние отверстия. Ветер занес в корабль немало песка и мелких камней; значит, эти люки открылись не только что.

– Похоже на вход, – предположил Кейн, осматривая люки, но пока не решаясь прикоснуться к ним. – Может быть, это такие воздушные шлюзы. Видите, в глубине внутренние люки?

– Если это так, то почему три шлюза расположены рядом? – Ламберт с подозрением разглядывала люки. – И почему все они открыты?

– Возможно, создатели этой штуки любили все делать в трех экземплярах, – пожал плечами Кейн. – Если встретимся с одним из них, представится возможность расспросить его.

– Вы шутник, – без улыбки сказала Ламберт. – Хорошо, согласна, это шлюзы, но почему все люки оставлены открытыми?

– Пока мы не знаем, открыты ли они на самом деле, – возразил Даллас. Он с удивлением отметил, что его невольно восхищают идеально гладкие овальные отверстия, разительно отличающиеся от грубых квадратных люков “Ностромо”. Казалось, здесь они составляют единое целое с корпусом; на “Ностромо” же и присматриваться не нужно, чтобы понять, что люки присоединены к кораблю в последнюю очередь самым грубым способом – сваркой.

– Если они на самом деле открыты, – продолжал Даллас, – то, возможно, команда была вынуждена спешно покинуть корабль.

– Но почему им для этого потребовалось открывать сразу три шлюза? – не унималась Ламберт.

– Как, черт побери, я могу это знать? – огрызнулся Даллас и тут же добавил: – Простите за резкость.

– Вам нет нужды извиняться. – Теперь уже Ламберт чуть заметно улыбнулась. – Это был глупый вопрос.

– Пора хоть на что-то получить ответ. – Не поднимая головы и тщательно выбирая опору при каждом шаге, Кейн начала подниматься по пологому склону, ведущему к люкам. – Мы ждали достаточно долго. Давайте войдем внутрь корабля, если нам это удастся, конечно.

– Возможно, кто-то и в самом деле так представляет себе идеальный воздушный шлюз. – Астронавты вошли в люк и осматривали его изнутри. – Но только не я, – сказал Кейн.

Даллас уже был внутри шлюза.

– Материал твердый; второй люк, или вторая дверь, или второй затвор, в общем что бы это ни было, но оно тоже открыто, – капитан помедлил, потом добавил: – Шлюзовая камера довольно большая.

– Как здесь с освещением? – Ламберт нащупала свой фонарь, висевший на поясе по другую сторону от пистолета.

– Пока вроде бы достаточно светло, – сказал капитан. – Поберегите аккумуляторы, они нам пригодятся позднее. Пойдемте.

Кейн и Ламберт последовали за капитаном. Все трое миновали короткий коридор и оказались в просторном высоком помещении. Если здесь и были регулирующие и регистрирующие устройства или вообще какие бы то ни было приборы или машины, то их надежно скрывали

серые стены. Через регулярные интервалы по потолку, стенам и полу были проложены закругленные металлические ребра, отчего все помещение поразительно напоминало грудную клетку человека или, вернее, огромного кита, если на нее смотреть изнутри. В проникавших сквозь люки лучах света танцевали пылинки; только они и двигались в странном пустом помещении.

Даллас повернулся к своему помощнику:

- Что вы думаете об этом?

- Не знаю. Может быть, грузовой отсек? Или часть сложной шлюзовой системы? Да, скорее последнее. Мы только что прошли через двойной наружный люк, а это – собственно шлюз.

- Не слишком ли просторно для воздушного шлюза? – прозвучал в наушниках приглушенный голос Ламберт.

- Это всего лишь моя догадка. Если между размерами обитателей этого корабля и самим кораблем примерно та же пропорция, что между нами и “Ностромо“, то, возможно, им нужен именно такой шлюз. Но теперь я согласен, мысль о грузовом отсеке представляется более реальной. Между прочим, эта гипотеза объясняет, почему здесь три входа, – сказал Кейн и повернулся к капитану, который в этот момент наклонился над чернеющим в полу отверстием.

- Эй, Даллас, осторожнее! Там может оказаться что угодно. Мы даже не знаем, как глубока эта дыра.

- Вход в корабль открыт, а наше появление не произвело никакого впечатления. Не думаю, что здесь осталось что-нибудь живое, – Даллас снял с пояса свой портативный фонарь, включил его и направил луч вниз.

- Что-нибудь видите? – не удержалась Ламберт.

– Да, – ухмыльнулся Кейн, – вроде Кролика с часами?

Несмотря на саркастический тон, в голосе Кейна можно было уловить намек на надежду.

– Ни черта не видно. – Даллас медленно водил лучом фонаря по стенкам шахты. Фонарь излучал узкий, но мощный пучок света, который должен был бы выхватить из темноты любой не слишком удаленный предмет.

– Что это? – Ламберт подошла к капитану, сохраняя, однако, почтительное расстояние от входа в шахту. – Еще один грузовой отсек?

– Глядя отсюда, ничего нельзя сказать; просто вертикальная шахта или колодец, который уходит глубоко вниз. Насколько я вижу в свете фонаря, здесь нет ничего, кроме гладких стен. Никаких намеков на скобы, лестницы, подъемник или какое угодно другое устройство для спуска и подъема. Дна не вижу, луч туда не доходит. – Даллас выключил фонарь, отступил на метр от колодца, отстегнул приспособления и приборы от пояса, снял рюкзак, разложил все на полу, выпрямился и оглядел мрачное, полутемное, серое помещение. – Что бы ни было там внизу, оно подождет. Давайте сначала осмотрим этот отсек. Я хотел бы убедиться, что здесь нет никаких сюрпризов. Возможно, мы найдем и более удобный путь вниз. – Он снова включил фонарь, поводил лучом по стенам. Кроме их сходства со скелетом кита, ничего необычного, к большому своему удовлетворению, капитан не заметил.

– Сейчас мы разойдемся... но не слишком далеко, – распорядился Даллас. – Ни при каких обстоятельствах не теряйте друг друга из виду. Осмотр должен занять не больше двух минут.

Кейн и Ламберт включили свои фонари. Трое ас-

тронавтов растянулись цепочкой и принялись за изучение огромного отсека.

Повсюду были разбросаны осколки какого-то серого материала, большей частью погребенные под толстым слоем пыли и тонкоизмельченной пемзы, которые занесли сюда ветры планеты. На эти мелочи никто не обращал внимания. Они искали что-то менее поврежденное.

Неожиданно для Далласа луч его фонаря наткнулся на необычный предмет, который определенно не был частью пола или стены. Капитан подошел к предмету, посветил на него. Предмет оказался чем-то вроде небольшой блестящей, рыжевато-коричневой вазы или урны. Даллас подошел еще ближе, наклонился над неровным, зазубренным краем, как бы результатом небрежно отбитого горлышка, и посветил внутрь.

Пусто.

Разочарованный, он пошел дальше, не переставая с удивлением размышлять, почему такой, по-видимому, хрупкий предмет остался сравнительно малоповрежденным, тогда как другие более прочные и стойкие вещи, очевидно, были разбиты и уничтожены. Впрочем, нельзя было исключать, что материал этой вазы выдержал бы выстрел его лазерного пистолета.

Даллас уже хотел было вернуться к шахте, когда луч его фонаря случайно упал на какое-то сложное сооружение. Увидеть на борту чужого космического корабля, который казался людям скорее организмом, чем искусственным сооружением, некое механическое устройство, безусловно созданное разумными существами с определенной целью, было большим облегчением, пусть даже конструкция и предназначение этого устройства оставались совершенно непонятными.

– Сюда!

– Что случилось? – Это был голос Кейна.

– Ровным счетом ничего. Я нашел какое-то устройство.

Ламберт и Кейн кинулись к капитану, и из-под их ног вырывались облачка растревоженной пыли. Все трое направили фонари на находку Далласа. На первый взгляд устройство казалось мертвым, но капитана не покидало ощущение, что где-то под панелями непривычных форм и очертаний терпеливо выполняют свою работу сложные механизмы. Скоро астронавты нашли подтверждение тому, что это устройство живет своей механической жизнью: по желобку с постоянной скоростью взад-вперед бегал металлический стержень, хотя, судя по показаниям приборов на скафандрах, он не издавал при этом никаких звуков.

– Похоже, эта штука еще работает. Интересно, сколько лет она крутится в одиночестве? – Кейн восхищенно рассматривал устройство. – Любопытно, что эта штука делает?

– На этот вопрос могу ответить я, – сказала Ламберт.

Даллас и Кейн повернулись к штурману. В сущности, она лишь подтвердила то, о чем уже догадался капитан. В руке Ламберт держала искатель, тот самый прибор, который и привел их сюда.

– Это передатчик. Как мы и предполагали, сигнал бедствия передает автомат. Чистый, совсем как новенький, хотя скорее всего он работает в таком режиме уже годы, – она пожала плечами. – Может быть, десятилетия, а то и больше.

Даллас провел небольшим прибором над загадочным передатчиком.

- Электростатическое отталкивание. Поэтому на нем нет пыли. Жаль. Здесь практически нет ветра, а по толщине слоя пыли мы могли бы сказать, сколько времени он работает в автоматическом режиме. Кажется, передатчик переносной. - Он выключил прибор и снова пристроил его к поясу. - Что-нибудь еще нашли?

Кейн и Ламберт отрицательно покачали головами.

- Ребристые стены и пыль - больше ничего, - обескураженно сообщил Кейн.

- Никаких намеков на люки, ведущие к другим отсекам корабля? Никаких отверстий в полу? - В ответ Кейн и Ламберт опять-таки только покачали головами. - Тогда нам остается исследовать первую шахту или попытаться прорезать отверстие в любой из стен. Сначала возьмемся за шахту, потом, если не останется ничего другого, будем резать стену. - Он обратил внимание на необычное выражение лица Кейна. - Согласны?

- Не совсем. Я бы охотнее сначала обшарил каждый сантиметр этой чертовой серой громадины. Если бы мы не нашли ничего, кроме пустых стен и автоматических устройств, тогда бы я согласился.

- Меня это ни капельки не интересует, - с жаром сообщила Ламберт.

Они вернулись на прежнее место и осторожно расположились вокруг круглого отверстия в полу. Даллас медленно - мешал скафандр - опустился на колени и тщательно ощупал края отверстия.

- В этих проклятых перчатках я ничего не ощущаю, но, похоже, никакие опасности здесь нас не подстерегают. Должно быть, эта шахта -

один из элементов конструкции корабля. Сначала я подумал, что она могла образоваться в результате взрыва. Отсюда и сигнал бедствия, который мы перехватили.

Ламберт осмотрела колодец.

– В принципе такой гладкий канал мог сделать кумулятивный заряд.

– Вы, как обычно, сделаете все, чтобы испортить человеку настроение, – разочарованно сказал Даллас. – Но все же я остаюсь при своем мнении: эта шахта – обычный элемент конструкции корабля, его неотъемлемая часть. Даже для кумулятивного заряда, каким бы мощным он ни был, стенки здесь слишком гладкие.

– Я просто высказала свое мнение.

– Итак, у нас три пути: попытаться заглянуть вниз, вырезать отверстие в стене или выйти из корабля и искать другой вход, – Даллас посмотрел на Кейна, стоявшего по другую сторону входа в шахту. – Не упустите свой шанс, Кейн.

Помощник капитана был невозмутим.

– Как вам угодно. Меня устраивает. Если у меня будет хорошее настроение, возможно, я даже сообщу вам об алмазах.

– О каких алмазах?

– О тех, которые я собираюсь найти. Мне кажется, местные жители должны были рассыпать немало алмазов, таская их корзинами из этой дыры. – Кейн показал на черное отверстие.

Ламберт помогла Кейну укрепить на груди подъемное устройство, убедилась, что нагрузка равномерно ложится на плечи и спину. Кейн нажал на контрольную кнопку, отметил, что в ответ громкоговоритель исправно пискнул, а на груди загорелась и тут же погасла зеленая лампочка.

- Все работает, все в порядке. Я готов. - Кейн повернулся к Далласу. - У вас все подготовлено?

- Еще минуту, - отозвался капитан. Из коротких деталей он собирал металлическую треногу. В собранном виде тренога казалась слишком тонкой, слишком хрупкой, чтобы выдержать человека. На самом же деле под весом даже всех троих она бы лишь слегка прогнулась.

Собранную и застопоренную треногу Даллас установил так, что ее вершина располагалась точно над центром отверстия, а ноги закрепил растяжками. На вершине треноги помещалась небольшая лебедка с барабаном, на который был намотан тонкий, но очень прочный блестящий трос. Даллас вручную отмотал метра два троса и передал его конец Кейну. Тот зажал трос в петле подъемного устройства, закрепив его двумя стопорами. Ламберт проверила надежность крепления. Трос легко выдержал вес штурмана.

- Ни при каких обстоятельствах не отсоединяйте трос, - строго сказал Даллас, - даже если увидите кучи алмазов в метре от правой руки.

Кейн еще раз собственноручно проверил подъемное устройство. Он был опытным астрономом. Сила тяжести здесь меньше, чем на Земле, но все же вполне достаточна, чтобы разбиться в лепешку, упади он в шахту. Никто из них не имел понятия, насколько глубоко в недра корабля уходит этот лаз. Возможно, шахта пронизывала весь корпус и продолжалась в глубинах планеты. Эта мысль породила другую, которая заставила Далласа улыбнуться про себя. Чем черт не шутит, быть может, Кейн и в самом деле найдет здесь свои алмазы.

– Возвращайтесь не позже, чем через десять минут. – Даллас старался говорить тоном, не допускающим возражений. – Поняли меня?

– Есть! – Кейн осторожно сел, свесив ноги в шахту. Уцепившись обеими руками за трос, он оттолкнулся и повис в центре входа. Его ноги уже скрылись в темноте.

– Если вы не вернетесь сюда через десять минут, я вытащу вас лебедкой вручную, – предупредил Даллас.

– Успокойтесь. Буду вести себя хорошо. Я себе не враг. – Кейн дождался, пока трос перестал раскачиваться из стороны в сторону, и неподвижно повис над шахтой.

– Постарайтесь. Информируйте нас обо всем по ходу спуска.

– Понял.

Кейн включил устройство. Катушка начала медленно вращаться, высвобождая трос и спуская Кейна в шахту. Он вытянул ноги, нащупал ими гладкую стенку шахты и, прислонившись спиной к противоположной ее стороне и перебирая ногами, как бы пошел вниз.

Спустя некоторое время Кейн остановился и, включив фонарь, направил его вниз. Фонарь осветил метров десять тех же тусклых металлических стен. Дальше все терялось в темноте.

– Здесь теплее, – сообщил он, бегло взглянув на показания укрепленных на скафандре приборов. – Должно быть, снизу поднимается теплый воздух. Возможно, там машинное отделение, если, конечно, оно еще функционирует. Должен же откуда-то получать питание тот передатчик.

Кейн оттолкнулся от стены и снова включил подъемное устройство. На этот раз он спускался быстрее и через несколько минут трудного спу-

ска остановился передохнуть. Здесь было уже по-настоящему жарко, и чем ниже, тем жарче. Резкое изменение температуры оказалось слишком большой нагрузкой для системы охлаждения скафандра, и Кейн вспотел. К счастью, лицевой щиток шлема, снабженного собственной системой кондиционирования воздуха, оставался прозрачным. Он слышал свое участившееся, затрудненное дыхание и немного заволновался – ведь Даллас и Ламберт тоже должны были это слышать, и капитан мог приказать ему вернуться. А возвращаться Кейн не хотел.

Прислонившись спиной к стенке, он поднял голову и далеко наверху увидел вход в шахту – светлый круг на черном фоне. Потом появилось темное пятно и четкая граница сегмента круга размылась. Далеко наверху свет отражался от чего-то гладкого и блестящего.

– Как там внизу?

– Нормально. Правда, жарковато. Вижу вас. До дна еще не добрался. – Он глубоко вздохнул раз-другой, вентилируя легкие; регулятор баллона протестующе зажужжал. – Это настоящая работа. Больше говорить пока не могу.

Согнув ноги в коленях, Кейн еще раз оттолкнулся от стенки, еще раз включил подъемный механизм на спуск. Теперь он чувствовал себя более уверенно. Шахта по-прежнему спускалась вертикально вниз. Пока никаких признаков сужения или поворота. Ну, а возможные расширения ствола шахты Кейна не беспокоили.

После очередной передышки он стал отталкиваться сильнее, делать все более длинные прыжки вниз, с каждым разом увеличивая скорость спуска. Хотя его фонарь был постоянно включен, Кейн направлял луч вниз и поэтому спу-

скался в кромешной тьме, а фонарь освещал все те же неизменно тусклые металлические стенки ствола.

Скоро Кейн заметно устал и остановился передохнуть, а заодно и взглянуть на приборы.

– Интересно, – сказал он в микрофон, – я уже ниже уровня грунта.

– Понял вас, – ответил Даллас и, вспомнив о горнодобывающих шахтах, спросил: – Заметили какие-нибудь изменения? Или и там ствол шахты из того же материала?

– Насколько я вижу, все то же самое. Как там с тросом?

Последовала короткая пауза, понадобившаяся Далласу, чтобы проверить, сколько троса осталось на катушке лебедки.

– Пока нормально. Осталось больше пятидесяти метров. Если шахта окажется глубже, придется прекратить спуск. В следующий раз захватим трос подлинней. Впрочем, мне кажется, он не понадобится.

– Почему вы так думаете?

– Тогда корабль потерял бы пропорции, – загадочно ответил Даллас.

– Какие пропорции? И чьи представления о пропорциях вы имеете в виду?

На это Даллас ответил молчанием.

Рипли давно отказалась бы от своей затеи, если бы у нее было другое занятие. Но другого занятия не было. Что ни говори, все же лучше играть на клавиатуре ECIU, чем бесцельно бродить по пустому кораблю или глядеть на обезлюдевший капитанский мостик.

Она в очередной раз переоценила приоритетность своих вопросов, и неожиданно в необъятном храни-

лице информации корабля что-то произошло. На экране дисплея появился ответ, который на первый взгляд показался настолько нелепым, что Рипли уже было начала стирать его и вводить новую серию вопросов, как вдруг поняла, что на самом деле она уже получила вполне разумный ответ. С этими компьютерами всегда так, подумала она; беда в том, что они полностью лишены интуиции и обладают только дедуктивной способностью. Если хочешь получить разумный ответ, нужно корректно сформулировать вопрос.

Рипли, жадно изучив ответ, нахмурилась, потребовала новых, более детальных данных. Иногда Мамаша – непреднамеренно конечно – давала очень уклончивые ответы. Нужно было уметь отделаться от сбивающих с толку двусмысленностей.

На этот раз, однако, ответ был достаточно определенным и совершенно однозначным. Рипли очень хотелось, чтобы машина ошиблась. Она включила микрофон системы внутренней связи. Эш ответил сразу.

– Научный отсек. Что случилось, Рипли?

– Срочное дело, Эш. – Рипли говорила возбужденно, короткими фразами. – Наконец я выудила ответ из банка данных, через ECIU. Возможно, он только что был сформулирован, точно не знаю. Но это неважно.

– Поздравляю.

– Я вызвала вас не для этого, – обеспокоенно перебила Рипли офицера-исследователя. – Очевидно, Мамаша частично дешифровала чужой сигнал. Она не вполне уверена, но, боюсь, из ее ответа можно сделать только один вывод – чужой сигнал – вовсе не SOS.

Если сообщение Рипли и взволновало Эша,

то лишь на мгновение. Когда он ответил, его голос был, как всегда, бесстрастным, несмотря на чрезвычайную важность сообщения. Рипли восхищалась самообладанием Эша.

– Если это не сигнал бедствия, то что же? – спокойно спросил он. – И почему такой взволнованный голос? Вы нервничаете, не так ли?

– Конечно, нервничаю, черт возьми! Не просто нервничаю, я места себе не нахожу. Если Мамаша права... Я уже говорила, она не уверена, но полагает, что чужой сигнал может быть предостережением.

– Предостережением какого рода?

– Какая разница, “какого рода”!

– Не надо кричать.

Рипли сделала глубокий вдох и сосчитала про себя до пяти.

– Мы должны сообщить им. Они должны немедленно узнать о характере сигнала.

– Согласен, – охотно ответил Эш, – но это невозможно. Как только они вошли в чужой корабль, мы потеряли с ними всякую связь. Уже несколько минут у меня нет никакого контакта с экспедицией. Все мои попытки восстановить связь оказываются безуспешными из-за близости наших людей к чужому передатчику и специфических свойств материала, из которого сделан корпус корабля. Можете мне поверить, я все перепробовал! – последняя фраза походила на вызов. – Если хотите, попытайтесь сами. Я окажу вам любую посильную помощь.

– Послушайте, Эш, я никак не ставлю под сомнение вашу компетентность. Если вы говорите, что мы не можем установить связь с экспедицией, значит, так оно и есть. Но, черт побери, мы просто обязаны предупредить их!

– Что вы предлагаете?

Рипли в нерешительности помолчала, потом твердо сказала:

– Я пойду к ним. Я сама предупрежу их.

– Не думаю, что это имеет смысл.

– Вы мне приказываете? – Рипли хотела подчеркнуть, что в отсутствие Далласа и его помощника обязанности капитана корабля переходят к уорент-офицеру, то есть к ней.

– Нет, не приказываю, а взываю к здравому смыслу. Вы не понимаете? Рипли, постарайтесь рассуждать логично, – убеждал Эш. – Я знаю, вы испытываете ко мне неприязнь, но попытайтесь взглянуть на происходящее разумно. Мы не можем лишиться еще одного члена экипажа. Вы, я, Паркер и Брет – это минимальный состав команды, с которым мы имеем шанс вернуться на Землю. Трое в экспедиции, четверо на борту. Таковы правила. Поэтому Даллас и оставил вас на корабле. Если по каким-либо причинам, какими бы они ни были, вы присоединяетесь к экспедиции, мы будем вынуждены ждать возвращения хотя бы одного человека. И если все четверо не возвратятся, то никто и никогда не узнает, что же именно здесь произошло. – Эш помедлил, потом добавил: – Кроме того, пока у нас нет никаких оснований предполагать худшее. Вероятно, с ними все в порядке.

– Хорошо, – неохотно согласилась Рипли. – Признаю, в общем случае вы правы. Но сейчас особая ситуация. Я все же думаю, что кому-то из нас нужно пойти и предупредить их.

Рипли никогда не приходилось слышать, чтобы Эш вздыхал. В сущности, не вздохнул он и на этот раз, но Рипли показалось, что в этот

момент он походил на человека, вынужденного примириться с неизбежным.

– Зачем? – сказал Эш так бесстрастно, будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся. – Пока кто-то из нас будет туда добираться, они сами узнают, насколько серьезно это предупреждение. Я прав или нет?

Рипли не ответила. Она тупо смотрела на изображение Эша на экране. Тот в свою очередь не сводил с нее глаз. Чего Рипли не могла видеть, так это схемы, которая лежала на столе перед Эшем. Схема показалась бы ей очень интересной...

5 Немного отдохнув, Кейн оттолкнулся ногами от гладкой стены шахты и продолжил спуск. Когда наступило время оттолкнуться в следующий раз, его ноги не нащупали твердой поверхности и повисли в пустоте. Стенки шахты исчезли, Кейн болтался на тросе, не находя опоры.

Какое-то помещение, подумал он, может быть, еще один отсек вроде того, что наверху. Как бы там ни было, Кейн прошел всю шахту и оказался здесь. Он тяжело дышал – нелегкий спуск и жара вымотали его.

Странно, но здесь кромешная темнота давила на Кейна еще больше, чем во время спуска по узкой шахте, или ему так только казалось. Интересно, что там внизу, подумал он, как далеко это что-то и что его ждет, если трос вдруг оборвется.

Спокойно, Кейн, приказал он себе. Лучше думай об алмазах, ярких, многогранных, крупных, чистых, без единого дефекта, в которых уйма каратов, а не об этой плотной черноте, в которой ты беспомощно болтаешься и которая

поневоле вызывает мысли о чужих привидениях и всякие воспоминания...

Черт побери, опять он о том же.

– Что-нибудь видите?

Кейн вздрогнул, инстинктивно дернул за трос и оттого снова начал раскачиваться. С помощью подъемного устройства он утихомирил непокорный трос и, прежде чем ответить, прокашлялся. Пришлось напомнить себе, что здесь он не один. Наверху, совсем рядом, его ждут Даллас и Ламберт, а стоит немного пройти на юго-запад от этого брошенного корабля, и там будет “Ностромо“, где нет недостатка в кофе, где витают знакомые приятные запахи и где его ждет комфорт долгого-долгого гиперсна.

На мгновение ему страшно захотелось сию же минуту оказаться на борту “Ностромо“. Но тут же он строго напомнил себе, что на космическом буксире наверняка не сыщешь ни алмазов, ни славы. И то и другое, быть может, удастся найти здесь.

– Нет, ничего не вижу. По-моему, подо мной пещера или какое-то помещение. Я прошел всю шахту.

– Пещера? Опомнитесь, Кейн. Вы все-таки еще на корабле.

– На корабле ли? Помните, что мы говорили о шахтах? Возможно, тогда мы были правы.

– В таком случае сейчас вы, должно быть, уже купаетесь в море этих проклятых алмазов.

Оба рассмеялись. В шлеме Кейна голос капитана звучал искаженно и глухо. Кейн попытался стряхнуть капли пота со лба. С этими скафандрами всегда такая проблема: все нормально, если тебе прохладно, но стоит хоть немного вспотеть, как сразу с досадой обнаруживаешь, что

можешь вытереть в лучшем случае лицевой щиток, да и тот только снаружи.

– Хорошо, пусть будет не пещера. Но здесь, внизу, сущее пекло.

Слегка наклонившись, Кейн проверил показания приборов, укрепленных на поясе скафандра. Если верить им, он спустился намного ниже уровня грунта и, стало быть, скорее всего должен быть в пещере. Вместе с тем пока ничто не говорило о том, что он выбрался за пределы этого чужого корабля.

Разрешить сомнения можно было только одним способом – прощупав дно.

– Что вы можете сказать о воздухе внизу? Кроме того, что он горячий.

Кейн обратился к другим приборам.

– По составу почти не отличается от того, что на поверхности планеты. Высокое содержание азота, кислорода – следы или вообще ноль. Концентрация паров воды даже больше, чем наверху; это, конечно, из-за температуры. Если хотите, возьму пробу. Эш с удовольствием с ней повозится.

– Не тратьте на это время. Продолжайте спуск.

Кейн нажал кнопку. Прибор записал приближенный состав воздуха на этом уровне. Даже данные обрадуют Эша, хотя от пробы он был бы в большем восторге. Еще не отдышавшись, Кейн включил механизм. Тот уверенно зажужжал и вновь начал медленно его спускать.

Здесь Кейн чувствовал себя даже более потерянным, чем в открытом космосе. Медленно вращаясь на раскручивающемся тросе, он падал в абсолютной темноте, где не было ни звезд, ни туманностей.

Умиротворяющая темнота и тишина расслабили его настолько, что он испуганно вздрогнул, когда почувствовал, что ботинки коснулись твердой поверхности. Он удивленно хмыкнул и чуть было не упал. Потом, восстановив равновесие, выпрямился и выключил подъемное устройство.

Он хотел было уже отцепить трос, но вспомнил приказ Далласа. Конечно, ужасно неудобно таскать за собой эту вечно мешающую привязь, но капитана хватит удар, если он узнает, что Кейн отцепился. Придется ходить на поводке и молить Бога, чтобы трос не запутался в чем-нибудь наверху.

Теперь Кейн дышал ровнее. Он включил и свой переносной фонарь, и систему освещения, укрепленную на скафандре, чтобы можно было хоть немного разобраться в обстановке. Сразу же стало ясно, что предположение о пещере весьма далеко от истины; конечно, тут сыграли свою роль эмоции. Очевидно, Кейн находился всего лишь в другом отсеке того же чужого космического корабля.

Судя по голым стенам и высокому потолку, скорее всего это грузовой отсек, подумал Кейн. Луч фонаря выхватил из темноты образования или предметы странной формы, которые либо являлись частью стен отсека, либо каким-то образом были прикреплены к ним. В отличие от ребер жесткости, определенно служивших для повышения прочности стен коридоров и отсеков, эти предметы внешне казались мягкими, возможно, даже податливыми на ощупь. Располагаясь в строгом порядке, необычные предметы покрывали все стены отсека от пола до потолка.

И все же у Кейна создалось впечатление, что предметы не являлись грузом — слишком большая доля объема огромного отсека пропада-

ла впустую. Впрочем, бессмысленно рассуждать о рациональном или нерациональном размещении груза на чужом корабле, пока у тебя нет даже догадки о том, что же представляют собой эти странные предметы.

- Кейн, как там внизу? У тебя все в порядке? - слышался голос Далласа.

- Да. Вам бы стоило взглянуть на это.

- Взглянуть на что? Что вы нашли?

- Не знаю. Но что-то очень странное.

- О чем вы говорите? - Последовала пауза, потом капитан продолжил: - Кейн, вы не могли бы выражаться конкретней? Слово "странный" ничего нам не говорит. Весь этот корабль странный, но в официальном отчете одним этим словом мы не отделаемся.

- Ладно. Я нахожусь в большом отсеке, похожем на тот, что наверху. Здесь все стены чем-то увешаны.

Инстинктивно держа фонарь как оружие в вытянутой руке, Кейн подошел к ближайшей стене и осмотрел выступающие на ней предметы. Вблизи стало очевидно, что предметы не являются частью стены или корпуса. Больше того, они производили впечатление чего-то, так или иначе связанного с живыми организмами.

В это время наверху Даллас повернулся к Ламберт:

- Сколько осталось до заката?

Штурман бросила взгляд на приборы, коснулась кнопки на одном из них.

- Двадцать минут, - сказала она, многозначительно посмотрев на капитана.

Даллас промолчал. Все его внимание было поглощено черным отверстием - входом в шах-

ту; он по-прежнему упорно смотрел вниз, хотя совершенно ничего не мог там увидеть.

В свете фонаря Кейн разглядел еще одну группу таких же странных предметов; эти были будто приклеены к полу в центре отсека. Он приблизился к ним, обошел всю группу, внимательно всматриваясь в каждый. Любой из предметов представлял собой яйцевидное тело высотой примерно в треть метра; его поверхность внешне напоминала кожу. Выбрав наугад одно из этих тел, Кейн направил на него луч фонаря. Более яркое освещение не выявило ничего нового и, казалось, никак не подействовало на яйцо.

– Уверен, это что-то вроде складского помещения, – проговорил Кейн.

Наушники в его шлеме хранили молчание.

– Я говорю, это определенно складское помещение. Кто-нибудь слышит меня?

– Слышу хорошо и отчетливо, – быстро отозвался Даллас. – Мы слушаем, вот и все. Говорите, вы уверены, что это складское помещение?

– Совершенно уверен.

– Кроме размеров и формы отсека что-нибудь подтверждает ваше предположение?

– Конечно. Эти штуки, которыми увешаны стены, лежат и на полу, и они не являются частью корабля. Весь отсек забит этими яйцами в коже. Дело в том, что они чем-то напоминают ту вазу, которую вы нашли наверху, только эти на вид мягче и, похоже, закупорены со всех сторон, а ваша была разбитой и пустой. Здесь все они расположены по какой-то системе, хотя, на мой взгляд, их можно было бы упаковать плотнее.

– Любопытный груз, если это вообще груз. Вам не удалось разглядеть что-нибудь внутри

этих яиц? – Даллас тоже вспомнил найденный им пустой сосуд.

– Подождите. Я рассмотрю эту штуку получше. – Не выключая фонарь, Кейн подошел вплотную к тому яйцу, которое он разглядывал раньше, протянул руку, коснулся перчаткой. Ничего не произошло. Наклонившись над яйцом, он потрогал его с одной стороны, с другой, нажал на верхушку. На гладкой поверхности не было ничего, что напоминало бы запирающее устройство или щель.

– Даже через перчатки я ощущаю что-то странное, – сообщил Кейн.

В голосе Далласа сразу послышалось беспокойство:

– Я спросил, не видите ли вы что-нибудь внутри. Не пытайтесь открыть этот предмет. Вы понятия не имеете, что там может оказаться.

Кейн еще раз внимательно оглядел яйцо. Оно не изменилось, толчки и рывки, видимо, не произвели на него никакого действия.

– Что бы там внутри ни было, оно надежно закупорено со всех сторон. – Кейн повернулся, повел лучом фонаря по рядам яйцеобразных предметов. – Может быть, удастся найти хоть одно треснутое или немного расколотое.

В это время за спиной Кейна почти в полной темноте, лишь чуть разбавленной отсветом от фонаря на его скафандре, на гладкой поверхности того яйца, к которому прикасался помощник капитана, появилась небольшая выпуклость, потом вторая, за ней еще несколько, пока вся прежде гладкая верхушка яйца не покрылась шишками.

Кейн этого не видел и продолжал докладывать Далласу и Ламберту:

- Все то же самое. Ни щели, ни трещины ни в одном яйце.

Кейн рассеянно провел фонарем в обратном направлении и вернулся к тому же яйцеобразному предмету, с которым он только что экспериментировал. Наклонившись, он всмотрелся в него и не сразу даже понял, что с тем произошло.

Матовая поверхность яйца постепенно просветлялась. У Кейна широко раскрылись глаза, он не в силах был отвести взгляд, а тем временем яйцо становилось прозрачным, как стекло. Кейн наклонился еще больше, внимательно, до боли в глазах, всмотрелся... Когда он разглядел то, что находилось в яйце, у него перехватило дыхание.

- Боже...

- Что, Кейн? Что там происходит? - Даллас старался заставить себя не кричать.

Сквозь прозрачную стенку яйца теперь можно было видеть находившееся там маленькое кошмарное чудовище. Аккуратно сложившееся в компактный клубок из резиноподобной плоти, оно казалось Кейну материализовавшимся кадром из чьего-то горячечного бреда.

Чудовище имело форму лапы с многочисленными длинными, костистыми пальцами, загнутыми так, что они впивались в собственную "ладонь". Если бы не слишком много пальцев, кошмарное существо очень напоминало бы сжатую в кулак кисть скелета. Из середины туловища-ладони торчала какая-то короткая трубка. Под ладонью располагался скрученный в кольцо сильный, мускулистый хвост, а на обратной стороне находилась тусклая выпуклость, которая выглядела как остекленевший глаз.

Этот глаз – конечно, если это и в самом деле глаз, а не просто блестящий нарост – заслуживал более тщательного изучения. С трудом преодолевая отвращение, Кейн нагнулся еще ближе к яйцу и поднес фонарь почти вплотную к нему.

Глаз дернулся и уставился на Кейна.

И в этот момент произошло нечто такое, чего Кейн никак не мог предвидеть. Яйцо взорвалось. Прежде скрученный мощный хвост мгновенно распрямился и с силой вытолкнул чудовище из разбившейся скорлупы. Расставив пальцы, чудовище прыгнуло на Кейна. Тот, защищаясь, поднял руку, но... слишком поздно. Лапа прочно прилипла к лицевому щитку его скафандра. Кейн с ужасом смотрел на покачивающуюся трубку, которая торчала из центра туловища и теперь постукивала по стеклу щитка в нескольких сантиметрах от его носа. Раздалось непонятное шипение, стекло щитка начало растворяться. Насмерть перепуганный, Кейн старался оторвать чудовище от себя.

Поздно. Трубка чудовища уже проникла сквозь щиток, и в скафандр ворвался непригодный для дыхания воздух чужой планеты. Кейн не прекращал тщетных попыток оторвать чудовище, но чувствовал, что теряет силы. Что-то настойчиво толкалось ему в губы.

Слабеющий, охваченный ужасом, он сделал несколько неуверенных шагов и, напрягая последние силы, попытался сбросить отвратительное создание, но через отверстие в лицевом щитке уже проникли длинные гибкие пальцы-щупальца и со всех сторон обхватили его голову. Потом внутри шлема проскользнул длинный хвост и как змея обвился вокруг шеи.

Задыхаясь, Кейн зацепился ногой за ногу, покачнулся и упал навзничь. Последнее, что он помнил, было омерзительное ощущение того, как ужасная трубка чудовища, будто жирный червь, поползла вниз по его горлу. Кейн потерял сознание.

– Кейн... Кейн, вы меня слышите? – По лицу Далласа струились ручейки пота. – Кейн, отвечайте!

Молчание. Капитан на мгновение задумался, потом возобновил попытки:

– Кейн, если вы не можете воспользоваться системой связи, дайте два сигнала через подъемное устройство.

Даллас повернулся к Ламберт; она должна была получить сигнал. Та выждала несколько секунд, потом медленно покачала головой.

– Как вы думаете, в чем там дело?

– Не знаю, не знаю. Возможно, он упал и повредил источник питания. – Капитан задумался. – В любом случае он не может или не хочет отвечать. Думаю, пора его вытаскивать.

– Не слишком рано? Я тоже беспокоюсь, но...

Даллас долго растерянно смотрел в одну точку, потом, перехватив недоуменный взгляд Ламберт взял себя в руки.

– Со мной все в порядке. Все в порядке. Эти стены, – он показал рукой на холодные серые стены, – плохо на меня действуют, вот и все. Все же, я думаю, нам нужно поднимать Кейна.

– Если он не ожидает рывка, то может упасть. А если он уже упал и лежит скорчившись, мы можем даже поранить его. Ну и, наконец, если ничего страшного не произошло, то мы можем так никогда и не узнать, что же там, внизу.

- Попробуйте связаться еще раз.

Ламберт включила свой микрофон системы связи между скафандрами.

- Кейн... Кейн. Черт вас возьми, да ответьте же!

- Продолжайте попытки установить связь.

Ламберт продолжала вызывать Кейна, а Даллас тем временем подошел ко входу в шахту и проверил натяжение троса. Трос подался неожиданно легко. Слишком легко. Даллас потянул его на себя и без всяких усилий выбрал около метра.

- Трос идет свободно, - сказал Даллас и повернулся к Ламберт.

- Он по-прежнему не отвечает. Не может или не хочет. Вы думаете, он отцепился и ушел? Я помню, вы предупреждали, но вы же знаете Кейна. Может быть, он подумал, мы не заметим, что на какое-то время натяжение троса ослабилось. Я бы не удивилась, узнав, что он решил отцепиться, заметив что-то интересное и решив, что на пути к этому интересному трос может запутаться или ему не хватит его длины.

- Меня не интересует, заметил он что-то или нет. Меня беспокоит, почему он не отвечает. - Даллас проверил мотор лебедки подъемного устройства и подготовил к включению. - Кейну плохо придется, если ему не понравится включенная лебедка. Уверяю, он очень пожалел о случившемся, если жив и здоров, а его оборудование в порядке.

Даллас нажал еще одну кнопку, и трос стал наматываться на катушку. Когда лебедка выбрала метра два, трос туго натянулся. Внимательно наблюдавший за лебедкой Даллас немного успокоился. Как и следовало ожидать, подъем замедлился.

- Лебедка преодолевает сопротивление. Что-то она поднимает.

– Не мог трос зацепиться за что-нибудь?

– Не мог. Он по-прежнему выбирается, только скорость подъема немного уменьшилась. Если бы трос зацепился или поднимал что-то намного легче или тяжелее Кейна, скорость подъема была бы иной. Думаю, Кейн все еще на тросе, только почему-то молчит.

– Что будет, если он не захочет подниматься и постарается воспользоваться своим нагрудным устройством, чтобы продолжить спуск?

Даллас отрицательно покачал головой.

– У него ничего не получится. – Кивком головы он показал на лебедку. Ручное управление лебедкой здесь, а не на его скафандре. Нравится ему это или нет, он будет подниматься.

Ламберт выжидающе смотрела в шахту.

– Пока ничего не вижу.

Даллас включил фонарь, поводил лучом по гладким стенкам шахты.

– Я тоже. Но трос еще поднимается.

Лебедка продолжала медленно накручивать трос на катушку. Даллас и Ламберт с нетерпением ждали, когда в свете фонаря что-то появится. Лишь через несколько минут они смогли различить очертания скафандра, мертвым грузом висевшего на конце поднимающегося троса.

– Вот он.

– Он не шевелится. – Ламберт напряженно всматривалась, надеясь заметить хоть слабое движение, какой-нибудь жест, пусть даже оскорбительный, все что угодно... Но Кейн не подавал признаков жизни.

Лебедка наматывала последние метры троса, и тренога, на которой она была закреплена, слегка прогнулась.

– Будьте начеку. Если он качнется в вашу сторону, сразу хватайте.

Ламберт встала напротив капитана рядом со входом в шахту и приготовилась.

Наконец в тускло освещенном отсеке чужого корабля появился скафандр Кейна. Сам Кейн не подавал признаков жизни.

Даллас протянул руку, намереваясь вытащить своего помощника за жесткое нагрудное подъемное устройство. Его рука была уже в нескольких сантиметрах от скафандра, как вдруг он заметил внутри шлема серую, тоже неподвижную тварь, плотно охватившую почти все лицо Кейна. Мгновенно, будто обжегшись, Даллас отдернул руку.

– В чем дело? – удивилась Ламберт.

– Посмотрите. На его лице под шлемом что-то есть.

Обогнув шахту, Ламберт подошла к капитану.

– Что там может... – потом заметила маленькое чудовище, уютно, как моллюск в своей раковине, расположившееся внутри шлема. – Боже мой!

– Не прикасайтесь к этой твари.

Даллас, как мог, осмотрел не подававшего признаков жизни Кейна, поводит рукой перед присосавшейся к его лицу мерзкой тварью. Та даже не пошевелилась. Преодолевая страх и отвращение, капитан, в любой момент готовый отдернуть руку и отпрянуть, потянулся к твари, провел перчаткой по ее телу, по выпученному тусклому глазу. Маленькое чудовище никак не прореагировало на прикосновение и, если не считать медленного пульса, вообще не подавало никаких признаков жизни.

– Оно живое? – спросила Ламберт. Она по-

чувствовала, как к горлу подступает тошнота. У нее было такое ощущение, будто она только что залпом проглотила литр полупереработанных отходов "Ностромо".

– Не двигается, но, думаю, живое. Давайте возьмем Кейна – вы за руки, я за ноги – и попробуем стряхнуть с него эту тварь, – предложил капитан.

Ламберт поспешила было выполнить приказ капитана, но тут же замешкалась и неуверенно посмотрела на Далласа:

– Я обязательно должна брать его за руки?

– О черт! Вы хотите поменяться местами?

– Да.

Даллас поменялся местами с Ламберт. Капитану показалось, что одно из щупалец твари немного, совсем немного сдвинулось. Впрочем, он не мог сказать наверняка; возможно, причина была лишь в том, что теперь он смотрел на нее под другим углом.

Даллас попробовал приподнять Кейна за плечи, оценил вес и заколебался.

– Так до корабля мы его не донесем. Возьмитесь за одно плечо Кейна, а я – за другое.

– Разумно, – согласилась Ламберт.

Они осторожно положили Кейна на бок. Тварь не свалилась. Она присосалась к лицу так надежно, что не сдвинулась ни на миллиметр и сохраняла точно такое положение, как и тогда, когда Кейн лежал на спине.

– Бесполезно. Это были благие пожелания. Не похоже, что она отстанет. Придется отнести его на корабль вместе с этой тварью.

Даллас приподнял Кейна за спину так, что тот принял сидячее положение, потом взял одну руку помощника и положил ее на свое плечо. Ламберт взяла Кейна за другую руку.

– Готовы? – спросил Даллас.

Ламберт кивнула.

– Поглядывайте на эту тварь. Если вам покажется, что она собирается отцепиться, немедленно бросайте Кейна и бегите со всех ног. Ламберт кивнула еще раз.

– Пошли.

Перед входным люком Даллас и Ламберт остановились. Оба тяжело дышали.

– Опустите его, – сказал Даллас, и Ламберт с облегчением выполнила приказ. – Так не пойдет. Он будет цепляться ногами за каждый камень, за каждую трещину в грунте. Оставайтесь здесь. Я попробую сделать носилки.

– Из чего? – поинтересовалась было Ламберт, но Даллас уже был на полпути в тот отсек чужого корабля, который они только что покинули.

– Из треноги для лебедки, – сказал он на ходу. – Она достаточно прочная.

В ожидании Далласа с носилками Ламберт села, инстинктивно стараясь устроиться подальше от Кейна. Снаружи, за стенами брошенного чужого корабля завывал усиливающийся ветер, предвещая приближение сумерек. Ламберт хотела сесть так, чтобы не видеть Кейна, но отвести взгляд от присосавшегося к его лицу маленького монстра было выше ее сил. Кажется, она совершенно потеряла способность здраво судить о случившемся.

Что ей удалось, так это заставить себя не думать о том, что маленькая тварь могла делать с Кейном. Точнее, женщине пришлось заставить себя не думать об этом, уже слишком близка она была к истерике.

Вернулся Даллас. Под мышкой он нес разо-

бранную треногу. Разложив на полу металлические детали, он принялся собирать нечто вроде небольшой платформы, на которую можно было бы уложить Кейна. Страх подгонял его.

Собранные носилки Даллас выбросил из люка на поверхность планеты. Пролетев метра два, они ударились о грунт, но не разбились. Теперь они смогут донести так и не пришедшего в себя товарища до "Ностромо".

Короткий день быстро подходил к концу. Атмосфера снова приобретала кроваво-красный цвет, зловеще завывал усиливавшийся с каждой минутой ветер. Даллас уже не сомневался, что и ночью они найдут дорогу к "Ностромо" и донесут Кейна до корабля, но почему-то ему все меньше и меньше хотелось оставаться на поверхности этой продуваемой сумасшедшими ветрами планетки. В глубинах брошенного чужого космического корабля таилось нечто невообразимо ужасное, что оставило свой след на лице Кейна и о чем невозможно было не думать.

Не исключено, что в сумеречной атмосфере пыльной планетки их поджидали еще более страшные монстры. Далласу нестерпимо захотелось снова оказаться на борту "Ностромо", под надежной защитой толстого металлического корпуса.

Светило постепенно скрывалось за появившимися облаками, и на "Ностромо" включили прожекторы, опоясывавшие всю нижнюю часть корпуса. Свет прожекторов не оживлял ландшафт, а всего лишь выхватывал из темноты мрачные камни, на которых стоял буксир. Изредка неподалеку возникали плотные пылевые вихри, сквозь которые не мог пробиться даже свет мощных прожекторов.

На капитанском мостике Рипли покорно ждала восстановления связи с молчавшей экспедицией. Первое неприятное ощущение собственного бессилия и полной невозможности узнать что-либо уже прошло и уступило место тупому оцепенению и тела и мыслей. Рипли не могла себя заставить даже подойти к иллюминатору. Она неподвижно сидела на своем рабочем месте, изредка отпивала глоток крепкого кофе и невидящим взором смотрела на почти не изменявшиеся показания приборов.

Зато от иллюминатора не отходил Джонс. Коту ураган доставлял огромное удовольствие. Он придумал интересную игру: как только снаружи о стекло иллюминатора ударялся более или менее тяжелый камушек, кот бил лапой по стеклу с другой стороны. Кот понимал, что ни одной из этих летающих штучек ему не поймать, и, возможно, чувствовал непреодолимость физических законов, лежащих в основе прозрачности твердых тел. Оттого игра становилась менее увлекательной, но не намного. Кроме того, можно было представить себе, что темные камушки – это вовсе и не камушки, а птицы. Хотя Джонс ни разу в жизни не видел живую птицу, инстинкт давал ему общее представление об этих летающих существах.

Кроме Рипли на борту “Ностромо” был еще один человек, не сводивший глаз со своих контрольных приборов и индикаторов. Из всего экипажа только Эш не пил кофе. Он не нуждался в дополнительных стимуляторах. Его стимулировал интерес к новой информации.

Неожиданно ожили индикаторы двух приборов, до того надолго замершие на одних и тех же цифрах. Новые показания действовали на Эша сильнее любого наркотика. Он мгновенно включил

усилители, проверил их и только после этого подключился к системе внутренней связи, соединившей научный отсек с капитанским мостиком.

– Рипли? Рипли, вы на месте?

– Да-а. – Рипли обратила внимание на необычный тон Эша, встряхнулась, распрямилась. – Хорошие новости?

– Думаю, да. Только что я снова принял сигналы их скафандров. И на экранах появилось изображение.

Рипли глубоко вздохнула, потом набралась храбрости и задала пугающий, но необходимый вопрос:

– Сколько?

– Все. Три метки, три постоянных сигнала.

– Где они?

– Близко... очень близко. Скоро кто-то из них должен догадаться включить свой передатчик, тогда мы их услышим. Они направляются к кораблю, не сбавляя темпа. Приближаются, правда, медленно, но приближаются. Пока все нормально.

Это еще ничего не значит, подумала Рипли и включила свой передатчик.

– Даллас... Даллас, вы слышите меня?

Ответом был ураган помех, и Рипли настроила передатчик точнее.

– Даллас, это Рипли. Подтвердите прием.

– Успокойтесь, Рипли. Мы слышим вас. Мы уже почти у корабля.

– Что случилось? Как только вы скрылись в этих обломках, мы потеряли ваши изображения на экранах, сигналы скафандров, всякую связь. Я видела записи у Эша. Вы?..

– Кейн ранен. – В голосе Далласа слышались усталость и злость. – Нам понадобится ваша по-

мощь, чтобы доставить его на корабль. Он без сознания. Кому-то из вас придется помочь вынести его из шлюза.

Даллас не успел закончить фразу, как в громкоговорителе прозвучало:

- Я пойду. - Это был Эш.

В машинном отделении Паркер и Брет жадно ловили каждое слово.

- Без сознания... - повторил Паркер. - Я всегда говорил, что Кейн обязательно влипнет в историю.

- Верно, - обеспокоенно прокомментировал Брет.

- Впрочем, он неплохой парень, особенно для помощника капитана. Мне он нравится больше, чем Даллас. Не такой буквоед, не так торопится отдавать приказы. Интересно, что с ним случилось?

- Понятия не имею. Скоро узнаем.

- Может быть, - продолжал рассуждать Паркер, - он просто упал, сильно ударился и потерял сознание.

Объяснение не показалось убедительным ни Брету, ни самому Паркеру. Инженер и техник замолчали, прислушиваясь к потрескивавшему громкоговорителю.

- Вот "Ностромо". - У Далласа хватило сил, чтобы кивком головы показать на несколько похожих на столбы опор, еле различимых в крошечной темноте. Еще хуже было видно покоившийся на опорах большой корабль.

Даллас и Ламберт были уже почти у корабля, когда Эш добрался до внутреннего люка воздушного шлюза. Он остановился, убедился, что люк подготовлен к открытию и включил

ближайшее переговорное устройство системы внутренней связи.

– Рипли... Я у внутреннего люка. – Он подошел к небольшому иллюминатору. – Пока ничего не вижу. Уже практически ночь, но я должен заметить сигнальные лампы их скафандров, когда они подойдут к подъемнику.

– Хорошо, – механически ответила Рипли, а тем временем в ее голове проносились тысячи мыслей; некоторые из них немало удивили бы офицера-исследователя. Они оказались неожиданными и для самой Рипли.

– Нам куда? – Даллас устало всматривался, стараясь по свету прожекторов определить положение корабля.

Ламберт показала палево.

– Думаю, в этом направлении. К той ближайшей опоре. Подъемник должен быть сразу за ней.

Они побрели в указанную штурманом сторону и через несколько минут едва не стукнулись о направляющие подъемного устройства, надежно упиравшиеся в твердый грунт. С трудом преодолевая смертельную усталость, Даллас и Ламберт подняли неподвижного Кейна с носилок и, поддерживая его с двух сторон, осторожно перенесли на площадку подъемника.

– Удержите его стоя? – обратился Даллас к Ламберт. – Потом нам будет легче, не придется поднимать еще раз.

Ламберт перевела дух.

– Думаю, удержу. Только кто-то должен помочь нам вынести Кейна из шлюза.

– Рипли, вы на месте? Мы поднимаемся. – Капитан бросил взгляд на Ламберт: – Готовы?

Та утвердительно кивнула, и Даллас нажал кнопку. Платформа дернулась, плавно пошла

вверх и остановилась точно на уровне наружного люка шлюза. Люк скользнул в сторону, и все трое вошли в шлюз.

- Вакуумируем шлюз? - спросила Ламберт.

- Не стоит. Сэкономим целый шлюз воздуха. Через минуту мы будем на корабле и скинем, наконец, эти проклятые скафандры.

Ламберт закрыла наружный люк; теперь оставалось только ждать, когда сменится воздух в шлюзе и откроется внутренний люк.

- Что случилось с Кейном? - Это снова была Рипли.

Даллас слишком устал, чтобы заметить в ее голосе что-то, кроме обычного участия. Он подтянул Кейна чуть повыше, теперь уже не слишком опасаясь маленькой твари. Та не сдвинулась ни на сантиметр за все то время, что они потратили на обратный путь, и Даллас не думал, что тварь неожиданно проявит активность сейчас.

- Какой-то своеобразный организм, - объяснил капитан; теперь даже эхо собственного голоса в шлеме скафандра действовало на него успокаивающе. - Мы сами не знаем, как все случилось и откуда этот организм взялся. Он намертво присосался к Кейну. В жизни не видел ничего подобного. Теперь этот организм неподвижен, он не изменил своего положения и позы за весь обратный путь. Кейна надо срочно перенести в медицинский изолятор.

- Мне нужно более четкое определение, - спокойно сказала Рипли.

- Какое, к черту, здесь может быть "четкое определение"! - Даллас всеми силами старался сдержаться, не сорваться на крик: - Послушайте, Рипли, повторяю, мы не видели, что произошло с Кейном. Он был внизу, в какой-то

шахте. Мы ничего не знали, пока не подняли его на поверхность. Это достаточно четкое определение?

Рипли молчала.

- Рипли, откройте люк.

- Подождите, - Рипли говорила медленно, обдумывая каждое слово. - Если мы впустим вас, можно инфицировать весь корабль.

- Черт возьми, это же не бактерия! Эта штука больше моей ладони и выглядит очень основательно.

- Капитан, вы отлично знаете правила карантина, - Рипли говорила твердо, хотя совсем не была уверена в правильности принятого решения. - Двадцать четыре часа на обеззараживание. В ваших скафандрах осталось достаточно кислорода, а при необходимости мы можем передать вам дополнительные баллоны. Если через двадцать четыре часа ничего не произойдет, это, конечно, еще не будет окончательным доказательством безвредности того организма, но за последствия буду отвечать уже не я. Я обязана подчиняться инструкциям. Вы их знаете не хуже меня.

- Я знаю не только правила, но и исключения из них. И то, что осталось от моего друга, держу на руках я, а не вы. Если он еще жив, то через двадцать четыре часа может умереть. Откройте люк.

- Но послушайте, - умоляюще продолжала Рипли, - если я нарушу правила карантина, умереть можем мы все.

- Откройте чертов люк! - не выдержала Ламберт. - К дьяволу все правила и инструкции Компании! Кейна нужно немедленно перенести в изолятор, чтобы им занялся автодоктор.

- Не могу. Если бы вы были на моем месте

и несли такую же ответственность, вы поступили бы точно так же.

- Рипли, - медленно сказал Даллас, - вы меня слышите?

- Слышу вас прекрасно. - В голосе Рипли чувствовалось огромное напряжение. - Ответ мой тот же. Двадцать четыре часа на обеззараживание, потом можете его вносить.

Неожиданное решение пришло со стороны. Совершенно не участвовавший в разговоре Эш нажал кнопку аварийного выхода, которая располагалась рядом со шлюзом. Тотчас зажегся красный свет и послышалось характерное жужжание.

Даллас и Ламберт удивленно смотрели на медленно скользивший в сторону люк.

Рипли не верила своим глазам. На ее приборной панели ярко загорелись слова: «ВНУТРЕННИЙ ЛЮК ОТКРЫТ. НАРУЖНЫЙ ЛЮК ЗАКРЫТ». Она долго непонимающе смотрела на световой сигнал. Приборы подтвердили: невероятное случилось.

Даллас и Ламберт не стали дожидаться, когда люк откроется полностью. Как только образовалась достаточно широкая щель, они, пошатываясь, вошли в коридор. На их плечах безвольно обвисло тело Кейна. В тот же момент к шлюзу подошли Паркер и Брет.

Эш бросился на помощь, но Даллас отмахнулся:

- Не мешайте.

Они положили Кейна на пол и сняли шлемы. Из осторожности не слишком приближаясь, Эш обошел вокруг неподвижного помощника капитана и не сразу заметил маленькую тварь на его лице.

- Боже мой, - пробормотал он.

– Он живой? – Паркер рассматривал чужой организм и обратил внимание на его удивительную симметрию. Впрочем, симметрия не делала его менее отвратительным.

– На всякий случай не прикасайтесь, – сказала Ламберт, стягивая ботинки.

– Об этом можно не предупреждать. – Паркер наклонился, стараясь разобраться в строении организма, особенно там, где он непосредственно соприкасался с лицом Кейна. – Что он с ним делает?

– Не знаю. Давайте отнесем его в изолятор и там во всем разберемся.

– Верно, – охотно согласился Брет. – С вами все в порядке?

Даллас медленно кивнул.

– Да. Просто устали. Эта тварь не движется, но не спускайте с нее глаз.

– Будет сделано.

Паркер и Брет осторожно подняли помощника капитана за руки. Эш старался им помочь...

6 В изоляторе Кейна положили на длинный медицинский стол. Стену над его головой украшали многочисленные приборы и системы управления, совсем непохожие на те, что можно было встретить в любом другом отсеке корабля. Медицинский стол выдвигался из глубокой ниши в стене.

Даллас подошел к панели управления, включил автодоктор, потом выдвинул один из ящиков и достал из него небольшую трубку, покрытую изнутри блестящим слоем металла. Убедившись, что трубка полностью заряжена, он вернулся к столу, на котором лежал Кейн. Рядом с капитаном встал готовый ему помочь Эш. Лам-

берт, Паркер и Брет наблюдали за происходящим из коридора через толстое защитное стекло.

Даллас прикоснулся к кнопке, что находилась на трубке ближе к тому ее концу, который он держал в руке. Из противоположного конца трубки вырвался ослепительно яркий луч света. Даллас отрегулировал луч таким образом, что он стал настолько узким и коротким, насколько это можно было сделать, не снижая мощности. Концом луча он осторожно прикоснулся к основанию шлема Кейна. Луч легко прорезал металл.

Даллас медленно провел лазерным резакom по одной стороне шлема, потом поднялся к его макушке, снова спустился к основанию и прорезал толстое герметичное соединение со скафандром. После этого он выключил резак и, отступив на шаг, осторожно снял шлем с Кейна. Эш тоже предусмотрительно отошел в сторону.

Если не считать медленного, ровного пульса, маленькая тварь по-прежнему не подавала никаких признаков жизни и никак не прореагировала ни на снятие шлема, ни на то, что теперь она оказалась полностью на виду.

Даллас выждал несколько минут, потом протянул руку, осторожно прикоснулся к твари и тут же поспешно отдернул пальцы. Маленькое чудовище будто не почувствовало прикосновения, даже пульс его не изменился. Даллас крепко ухватил тварь за сухое и холодное тело. Медленная, размеренная пульсация вызвала у капитана легкий приступ тошноты. Тварь опять-таки никак не прореагировала. Тогда Даллас, как мог, вцепился в резиноподобное тело и силой потянул его на себя.

Почему-то он совсем не удивился, что его

усилия ни к чему не привели. Чудовище не сдвинулось ни на миллиметр и не ослабило свою хватку.

– Разрешите попробовать мне. – Эш уже стоял рядом с полкой для инструментов явно медицинского назначения. Выбрав мощные клещи, он подошел к медицинскому столу, осторожно ухватил тварь клещами и откинулся назад, стараясь оторвать ее не только усилием рук, но и всей своей массой.

– Не получается. Попробуйте дернуть сильнее, – предложил еще не потерявший надежды Даллас.

На этот раз Эш ухватил клещами большую часть тела твари и снова потянул изо всех сил.

Даллас заметил стекающую по щеке Кейна тоненькую струйку крови и предостерегающе поднял руку.

– Остановитесь. Вы рвете Кейну кожу.

Эш бросил клещи.

– Это не я. Это чужой организм.

Даллас снова почувствовал приступ тошноты.

– Так не пойдет. Мы стянем эту тварь только вместе с кожей Кейна.

– Согласен. Пусть с ним поработает машина. Возможно, ей повезет больше.

– Хорошо бы.

Эш щелкнул одним за другим несколькими переключателями. Зажужжал автодоктор, осветилась ниша. Стол бесшумно вошел в нее, опустившаяся стеклянная плита надежно изолировала Кейна от людей. В нише зажглись дополнительные огни, так что его стало хорошо видно. На соседней приборной панели ожили два видеомонитора. Эш тут же принялся изучать их показания. Он не был врачом, но из всего экипажа лучше всех

разбирался в медицине, знал детали случившегося и горел желанием разобраться во всем, что могли сказать автоматы о состоянии Кейна, а тем более о состоянии чужого организма.

К трем стоявшим в коридоре наблюдателям присоединился еще один. Ламберт гневно набросилась на Рипли:

– Вы хотели оставить нас в шлюзе? Хотели бросить там Кейна? Хотели, чтобы мы двадцать четыре часа сидели с Кейном и с этим чудовищем? А ночь только начиналась... – Лицо Ламберт выражало ее чувства красноречивее слов.

На помощь Рипли неожиданно пришел Паркер, от которого меньше всего этого можно было бы ожидать.

– Наверно, ей пришлось так поступить. Она всего лишь требовала выполнения инструкций. – Паркер показал на ярко освещенную нишу и недвижимого пациента. – Кто, черт побери, знает, что это за тварь и на что она способна? Кейн немного импульсивен, это всем известно, но он далеко не дурак. Значит, он не смог уберечься. Значит, не исключено, что следующим будет кто-то из нас.

– Верно, согласился Брет.

Рипли перевела взгляд на Ламберт. Та в свою очередь не сводила с нее глаз.

– Возможно, я ошиблась, – проговорила Рипли. – Возможно, и нет. Но надеюсь, что ошиблась. В любом случае я только выполняла свои обязанности. Давайте закончим на этом.

Ламберт заколебалась, посмотрела еще раз Рипли в глаза и коротко кивнула.

Рипли с облегчением вздохнула.

– Что там произошло?

– Мы вошли в брошенный корабль, – начала

Ламберт, не спуская глаз с Далласа и Эша, которые возились с автодоктором. – Там не было ни малейших признаков жизни. Должно быть, тот сигнал передавался уже не одно столетие. Передатчик мы, кажется, нашли.

– А что с командой корабля?

– Никаких следов.

– А Кейн?..

– Он сам вызвался в одиночку обследовать нижний уровень. – Лицо Ламберт исказила гримаса. – Он все ищет алмазы. А тут вместо алмазов, очевидно, нашел какие-то яйца. Мы предупреждали, чтобы он к ним не прикасался. Вероятно, либо мы опоздали с нашими предупреждениями, либо он не послушал нас. Что-то там произошло. Что именно, мы не могли увидеть. Когда мы вытащили его наверх, эта тварь уже была на лице. Каким-то образом ей удалось прогрызть лицевой щиток шлема, а вы ведь знаете, из какого прочного материала он сделан.

– Понятно. Интересно, откуда взялась эта тварь? – вслух рассуждала Рипли, наблюдая за тем, что происходило в изоляторе. – Мне кажется, она прилетела с чужим кораблем. Маловероятно, чтобы на этом мертвом планетоиде родилась своя форма жизни.

– Это одному Богу известно, – тихо сказал Паркер. – Впрочем, я тоже хотел бы знать, откуда прилетела эта мерзость.

– Почему? – Рипли мельком взглянула на инженера.

– Тогда я знал бы еще одно место во Вселенной, которое нужно обходить стороной.

– Аминь, – добавил Брет.

– Хотел бы я знать, – проговорил Даллас, –

каким образом, черт побери, Кейну удастся дышать? Или он не дышит?

Эш посмотрел на показания приборов.

— Его физиологическое состояние, очевидно, нормальное. Он не только жив, но и все его жизненно важные показатели в норме. И это несмотря на то, что он был лишен пригодного для дыхания воздуха все время, пока вы возвращались. Вдохнув эту смесь азота и метана, он должен был умереть практически мгновенно, еще на чужом корабле. Но автодоктор считает, что он не только жив, но и здоров, хотя и находится в коматозном состоянии. Намного здоровее, чем должен быть. Что же касается вашего вопроса, я не могу на него ответить, однако кровь Кейна буквально насыщена кислородом.

— Но как он дышит? — Даллас наклонился, как бы пытаясь разглядеть внутри ниши то, что не удавалось заметить раньше. — Я обследовал эту тварь довольно тщательно. Насколько я понял, нос и рот Кейна заблокированы полностью.

Эш нажал три расположенных рядом кнопки.

— Пока мы знаем только то, что происходит снаружи. Давайте попробуем заглянуть внутрь.

Засветился большой экран, на нем постепенно фокусировалось цветное рентгеновское изображение головы в верхней части торса Кейна. Немного повысив разрешение, на экране можно было бы увидеть, как пульсируют сердце и легкие, как течет кровь по сосудам. Но в этот момент Далласа и Эша больше интересовало внутреннее строение небольшого организма, плотно залепившего лицо Кейна.

— Я не биолог, — тихо сказал Эш, — но ни у одного живого существа никогда не видел такой дьявольски сложной структуры. — Он удивленно смотрел на сложнейшее переплетение нитей,

трубочек и каких-то органов. – Понятия не имею, для чего предназначена добрая половина всего этого, – признался он.

Даллас ограничился коротким замечанием:

– Изнутри эта тварь выглядит не более привлекательно, чем снаружи.

– Обратите внимание на мускулатуру пальцев и хвоста, – настаивал Эш. – Только на первый взгляд она может показаться слабой. Теперь не приходится удивляться, что мы не смогли оторвать этот организм. Понятно, что и сам Кейн не мог этого сделать. Думаю, у него было время хотя бы попытаться, прежде чем он потерял сознание.

Теперь по крайней мере стало ясно, что делает чужая тварь с Кейном, хотя ее цели, конечно, по-прежнему оставались совершенно непонятны. Тварь, раздвинув челюсти человека, длинной гибкой трубкой, тянувшейся из середины тела-ладони, проникла через горло до конца пищевода. Она не двигалась, просто находилась там.

Эта картина больше, чем что-либо другое, вызвала у Далласа тошноту и отвращение.

– Черт побери, эта тварь что-то сунула ему в горло. – Пальцы Далласа с удивительной ритмичностью сжимались в кулаки. – Что может это проклятое чудовище делать с человеком? Черт возьми, Эш, здесь... дело не чисто.

– Мы не можем утверждать, что чужой организм борется с человеком. Возможно, он даже не приносит ему вреда, – убеждал Эш; впрочем, и он был вынужден признаться, что в целом все это приводит его в замешательство.

– Согласно показаниям приборов состояние Кейна вполне удовлетворительное, – продолжал

Эш, – просто он не способен контактировать с нами. Возможно, мое предположение покажется глупым, но постарайтесь меня понять. Не исключено, что чужое существо является своеобразным выгодным симбионтом. А если своим непонятным для нас путем оно пытается помочь Кейну?

Даллас невесело рассмеялся:

– Все понятно. Кейн понравился этому чудовищу, и оно не хочет его отпускать.

– Должно быть, с помощью этой трубки и еще чего-то чужой организм питает Кейна кислородом. – Эш покрутил ручки приборов, установив более высокое разрешение и более глубокую фокусировку. На экране появилось изображение легких Кейна. Они работали устойчиво, в обычном ритме и, по-видимому, без особых усилий – и это несмотря на очевидные препятствия для доступа воздуха. Эш снова переключил экран на прежний режим.

– О каком кислороде вы говорите? – возмутился Даллас. – Весь обратный путь Кейн проделал с разбитым лицевым щитком. Чудовище не подсоединилось к баллонам, а весь воздух скафандра должен был улетучиться самое большее через пару минут.

Эш задумался.

– Я могу предложить несколько более или менее правдоподобных объяснений, – сказал он. – Атмосфера этой планеты содержит немного кислорода. Совсем немного, но все же содержит. Еще больше его находится в связанном с азотом состоянии в виде различных оксидов. Я подозреваю, что чужой организм обладает способностью расщеплять эти оксиды и извлекать из них кислород. Очевидно, он умеет передавать кислород

Кейну. Хороший симбионт должен быстро определять потребности своего партнера. Некоторые растения имеют такую же способность извлекать кислород, другие предпочитают иные газы. В принципе это не исключено. – Эш снова повернулся к экрану. – Возможно, мы находимся в плену земных представлений и в действительности этот организм является растением, а не животным. Или, не исключено, он обладает свойствами и характеристиками как тех, так и других.

– Не вижу смысла, – сказал Даллас.

Эш повернулся к капитану:

– В чем вы не видите смысла?

– Вы хотите уверить меня, что эта тварь парализовала Кейна, ввела его в коматозное состояние, а потом стала работать как сумасшедшая, чтобы спасти ему жизнь. – Даллас бросил взгляд на экран. – Я бы сказал, что она каким-то образом питается Кейном. Сейчас и ее положение, и ее поза типичны для процесса питания. Но приборы говорят, что тварь поступает совсем наоборот. Вот этого я не понимаю.

В любом случае мы не вправе оставлять эту чертову тварь на лице Кейна, причиняет ли она ему вред или добро. Что бы она ни проделывала с Кейном, это противно человеческой природе.

Эш с сомнением покачал головой.

– Не уверен, что это очень хорошая мысль.

– Почему нет? – Даллас не сводил с Эша вопрошающего взгляда.

– В настоящее время, – объяснил Эш, оставляя без внимания прозвучавший в вопросе капитана вызов, – чужой организм сохраняет Кейну жизнь. Сняв его с Кейна, вы рискуете остаться без помощника.

- Придется рискнуть.

- Что вы предлагаете конкретно? Оторвать его механически невозможно.

- Надо попытаться отрезать эту тварь. Чем скорее мы снимем ее, тем, надеюсь, будет лучше для Кейна.

У Эша, казалось, были наготове и другие возражения, но он внезапно изменил свои намерения.

- Мне это не нравится, но я могу вас понять. Вы берете на себя ответственность. Это сфера науки, и если вы принимаете решение, то тем самым лишаете такой возможности меня.

- Да, я принимаю всю ответственность на себя.

Даллас уже достал пару хирургических одноразовых перчаток, убедился, что автодоктор ничем не связан с Кейном и не выполняет никаких операций, преждевременное прекращение которых могло бы причинить ему вред. Капитан нажал кнопку, и стол вместе с Кейном снова выдвинулся из ниши.

Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: маленькая тварь не сдвинулась ни на миллиметр и не ослабила своей хватки.

- Резак? - Эш кивком показал на лазерное устройство, которым Даллас снимал шлем Кейна.

- Нет. Следует действовать с максимальной осторожностью. Посмотрите, не найдется ли здесь ручного лазерного скальпеля.

Эш подошел к ящику с инструментами, с минуту порылся в нем, вернулся и осторожно вручил Далласу тонкий лазерный скальпель.

Капитан осмотрел миниатюрный инструмент, повертел его, нашел такое положение, при котором тонкая рукоятка удобно легла в руку. Как и из большого резака, из него вырвался крохот-

ный лучик, ярко блестевший там, где находилась его режущая часть.

Даллас встал в изголовье медицинского стола. Очень осторожно он поднес луч лазерного скальпеля к чудовищу. Если эта тварь как-то прореагирует, подумал капитан, надо быть готовым молниеносно отвести скальпель и при этом не навредить человеку. Одно неверное движение, и он мог лишиться Кейна головы.

Чужая тварь по-прежнему была неподвижна. Даллас прикоснулся лучом к серой коже и сдвинул его на два-три миллиметра, чтобы убедиться, что лазер действительно режет плоть. Луч беспрепятственно скользнул по спине маленькой твари.

Странно, но она опять-таки не сделала ни одного движения, никак не прореагировала на боль, которую должен был бы вызвать надрез. Возле надреза начала скапливаться желтоватая жидкость, которая тоненькой струйкой потекла по телу твари.

— Начинает кровоточить, — профессионально констатировал Эш.

Жидкость капала на простыню рядом с головой Кейна, и над этим местом возникло небольшое облачко. Сначала Даллас подумал, что это пар, но темная окраска облачка говорила о другом, тем более что появление облачка сопровождалось шипением.

Даллас замер, выключил лазерный скальпель и недоумевающе уставился на шипящее пятно. Шипение становилось громче, настойчивее. Даллас посмотрел вниз.

Жидкость уже проела простыню и металлический медицинский стол. Теперь, шипя и пузырясь, она растворяла пол изолятора рядом с

ботинками капитана. Пена становилась все более обильной, а образующийся газ постепенно заполнял помещение. Дыхательные пути будто опалило огнем. Даллас сразу вспомнил газ, который применяют полицейские, — он не наносил непоправимых увечий, но дышать им было совершенно невозможно. При мысли о том, что может сделать этот газ с его легкими, Даллас не на шутку испугался.

У него слезились глаза, текло из носа, а он отчаянно пытался руками стянуть края надреза и закрыть рану на теле маленькой твари. И не без успеха. Но немного все еще сочившейся жидкости попало на хирургические перчатки, и они тоже задымались. Шатаясь, Даллас бросился к двери, на ходу поспешно стягивая перчатки, чтобы отделаться от них раньше, чем жидкость разест прочный материал и примется за его руки. Наконец он бросил перчатки на пол. Несколько мелких капель, упав с них, стали выедать новые язвы в металле.

Не на шутку перепуганный, Брет округлившимися от страха глазами наблюдал за капитаном.

— Черт! Если так пойдет и дальше, это дерьмо наделает дыр во всех переборках и в самом корпусе!

Брет быстро повернулся и помчался к ближайшему трапу. Даллас выхватил из держателя аварийную лампу и бросился вслед за техником. Остальные члены экипажа кинулись за ними.

Располагавшийся на нижнем уровне коридор В был забит приборами и трубопроводами. Брет сразу же принялся обследовать потолок в том месте, где над ним находился изолятор. Путь к корпусу корабля ядовитой жидкости преграждали еще несколько переборок из прочного сплава.

Даллас направил свет аварийной лампы на потолок и поводил лучом.

— Вот оно. — Луч замер.

Потолок в этом месте задымился, на нем проступило желтоватое пятно, а вокруг начал пузыриться металл. Просачивалось все больше жидкости, она собиралась в капли, и вскоре первая капля упала на пол. И сразу принялась за свою разрушительную работу; металл пола начал растворяться, выделяя ядовитый газ. Даллас и Брет беспомощно смотрели, как поначалу крохотная язвочка расширялась, углублялась, настойчиво пробиваясь сквозь толстый металл на нижний уровень.

— Что под нами?

— Коридор С, — объяснил Паркер. — Приборного отсека там нет.

Рипли и Паркер помчались к ближайшему трапу на нижний уровень, а остальные как замороженные смотрели на постепенно увеличивающуюся язву в металлическом полу.

— Что можно было бы подложить под эти капли? — вслух размышлял Эш.

Как всегда, он говорил бесстрастно, хотя не мог не понимать, что через несколько минут “Ностромо” может утратить герметичность. Тогда пришлось бы изолировать поврежденные отсеки до тех пор, пока не удастся устранить все каверны. Не исключались и более тяжелые последствия. Внутри корпуса располагалась существенная часть важнейших схем гипердвигателя. Если едкая жидкость разрушит эти схемы, то, вполне возможно, ограниченные возможности инженеров корабля просто не позволят их исправить. Эти схемы большей частью представляли собой единое целое с корпусом, и с ними мож-

но было работать только в специальных доках в условиях полной невесомости.

Вопрос Эша остался без ответа. Никто не предложил способа удержать эту жидкость, с необычайной легкостью просачивающуюся через любой материал.

На нижнем уровне Паркер и Рипли осторожно пробирались по узкому и темному коридору С. Их внимание было приковано к потолку.

– Не попадите под эту гадость, – предостерег Рипли Паркер. – Если она запросто проедает прочный сплав, страшно подумать, что она может сделать с вашим прелестным личиком.

– Не волнуйтесь. О моем прекрасном личике я позабочусь сама. А вы лучше побеспокойтесь о своем.

– Кажется, она понемногу теряет активность, – неуверенно сказал Даллас. Он не сводил глаз с образовавшегося в полу углубления, все еще не смея надеяться на благополучный исход.

С другой стороны над темным углублением склонились Брет и Эш. Вытащив из кармана куртки авторучку, Эш потыкал ею в углубление. Ее металлическое покрытие почти не зашипело, а лишь слегка почернело. Пузырение металла прекратилось, едкая жидкость выдохлась. Ей не хватило малости, чтобы проесть и это перекрытие. Авторучка Эша везде натыкалась на твердый металл.

– Жидкость уже не разрушает металл. В глубину она проникла не больше, чем на три сантиметра.

В полумраке нижнего уровня Паркер мельком взглянул на Рипли.

– Заметили что-нибудь?

Они продолжали тщательно обследовать пото-

лок. От корпуса корабля их отделял лишь очень низкий подсобный ход. По другую сторону корпуса была непригодная для дыхания атмосфера неисследованной планеты...

– Пока ничего, – ответила наконец Рипли. – Оставляйтесь здесь, я посмотрю, что делается наверху. – Она поспешила по коридору к трапу.

На верхнем уровне все трое стояли на коленях вокруг выеденной в полу язвы.

– Что тут у вас? – удивилась Рипли. – На уровне С жидкости пока нет.

– Думаю, она истощилась, – ответил Эш, не поднимаясь с колен. – Либо ее разъедающая способность израсходовалась в реакции с металлом, либо она сама по себе через некоторое время теряет силу. В любом случае жидкость утратила активность.

Рипли подошла поближе, чтобы своими глазами посмотреть на еще чуть дымящееся углубление.

– Может быть, здесь нижний слой перекрытия из другого сплава, более устойчивого к ее действию? Что, если сейчас она разрушает пол по горизонтали и выскивает другое слабое место, которое ей снова можно было бы проесть насквозь?

Эш отрицательно покачал головой.

– Не думаю. Хотя я не очень хорошо помню технологию сооружения космических кораблей, но мне кажется, что и корпус, и все основные элементы “Ностромо” изготовлены из одного и того же материала. Нет, полагаю, нам можно с достаточным основанием считать, что эта жидкость уже не опасна.

Эш поднес было авторучку к карману, все еще удерживая ее за чистый конец тремя пальцами,

но в последний момент передумал и оставил ее в прежнем положении, на почтительном расстоянии от себя.

Рипли заметила неуверенность Эша и не удержалась от насмешки:

– Если жидкость уже на опасна, почему же вы не положите авторучку в карман?

– Это было бы опрометчиво. Потребуется еще время на анализы, чтобы убедиться, что вещество действительно утратило активность. Оно не разъедает сейчас сплав, но это еще не значит, что оно не может вызвать чертовски неприятный ожог.

– Что вы можете сказать о составе этой мерзкой жидкости? – Даллас перевел взгляд с крохотного кратера в полу на зияющую в потолке дыру. – В жизни не видел, чтобы какое-то вещество так просачивалось через этот сплав. Во всяком случае не с такой скоростью.

– Я тоже не встречал ничего подобного, – признался Эш. – Некоторые кислоты чрезвычайно активны, но обычно по отношению к определенным материалам, и сфера их использования ограничена. Эта жидкость напротив: похоже, она является универсальным растворителем, под ее воздействием с одинаковой легкостью корродируют любые материалы. Мы уже имели возможность убедиться в ее, если так можно выразиться, всеядности. Она с равной легкостью прошла через сплав перекрытий, хирургические перчатки, медицинский стол, постельное белье.

– А эта проклятая тварь живет с такой кровью! Крепкий орешек, этот чертов монстр. – При всем своем отвращении, Брет отдавал должное чужой твари.

– Вообще говоря, мы не можем утверждать, что в его организме едкая жидкость выполняет

функции крови, – рассуждал Эш; в сложившейся ситуации его мозг работал с утроенной нагрузкой. – Она может быть, например, компонентом отдельной циркуляторной системы, предназначенной для смазки его внутренних органов, или частью защитного подкожного слоя, своеобразным жидким оборонительным эндотелием, или, наконец, всего лишь аналогом нашей лимфатической жидкости.

– Изумительный механизм защиты, надо признать, – выразил свое мнение Даллас. – Никто не осмелится его убивать.

– Во всяком случае не на борту герметичного космического корабля, – невозмутимо добавила Рипли.

– Да, это так, – неохотно согласился Эш. – Мы могли бы вынести Кейна из корабля, где едкая жидкость не может ничего повредить, и попытаться срезать чужой организм там, если бы не тот факт, что только благодаря этому организму Кейн до сих пор жив.

– Можно срезать эту тварь, вытащить ее трубку из горла Кейна и сразу же дать ему кислород, – настаивала Рипли. – Обогревающее одеяло предохранит его от переохлаждения. Если уж на то пошло, то мы можем соорудить маленькую, наполненную воздухом, герметичную палатку с грунтовым полом. Пусть эта жидкость капает на грунт.

– Неплохая мысль, – согласился Эш, – если бы не два обстоятельства.

Рипли с нетерпением ждала возражений.

– Во-первых, – продолжал Эш, – как мы уже говорили, принудительное удаление чужого организма может привести к летальному исходу в силу того, что на какое-то время прекратятся неизвестные нам эффекты, поддерживающие в

настоящее время жизнь Кейна. В конце концов, даже простой шок может оказаться смертельным.

Во-вторых, у нас нет никакой гарантии, что чужой организм, будучи опасно ранен, не станет защищаться, разбрызгивая едкую жидкость и поливая ею все вокруг. Учитывая разрушительную силу и защитные функции жидкости, такая ответная реакция представляется вполне вероятной. – Эш помолчал, чтобы все смогли наглядно представить себе возможные последствия, потом продолжил: – Даже если тот, кто будет резать чужой организм, каким-то образом уберется и не получит серьезных травм, мне и подумать страшно, что после этого останется от лица Кейна. Или от головы.

– Ну хорошо, – неохотно уступила Рипли. – Возможно, мое предложение далеко не идеально и не лишено недостатков. Что вы можете предложить взамен? – Большим пальцем правой руки она показала вверх, туда, где располагался изолятор. – Попытаться доставить Кейна на Землю с этим монстром на лице?

– Такое решение мне кажется менее опасным. – Очевидно, сарказм Рипли не произвел на Эша никакого впечатления. – Это вполне разумная альтернатива, конечно, если все жизненно важные показатели Кейна останутся на приемлемом уровне. Разумеется, если эти показатели изменятся в худшую сторону, мы будем вынуждены что-то предпринять. Но мой долг высказать свое мнение: я уверен, что в настоящее время принудительное отделение чужого организма может принести Кейну больше вреда, чем пользы.

На верхней ступеньке ближайшего трапа показался Паркер.

– Внизу по-прежнему никаких признаков этой гадости. Что, надрез у твари перестал кровоточить? – Паркер перевел взгляд с расстроенной Рипли на капитана.

– Да, – ответил Даллас. – После того как ее кровь проела перегородки на двух уровнях. – Капитан был все еще под впечатлением от невероятной корродирующей способности выделений чужого организма.

Рипли встряхнулась, оглядела своих товарищей по экипажу:

– Все здесь. А что с Кейном? Никто не смотрит за ним... и за чужой тварью тоже.

Люди бросились вверх.

В изоляторе первым оказался Даллас. Беглого взгляда было достаточно, чтобы убедиться – здесь ничего не изменилось. Кейн неподвижно лежал в той же позе на медицинском столе, а его лицо по-прежнему закрывала чужая тварь.

Даллас выругался про себя. Черт побери, он вел себя как мальчишка. Конечно, жидкость чужой твари продемонстрировала свои неожиданные и весьма опасные свойства, но это никак не могло оправдать охватившую всех панику. Прежде всего нужно было оставить в изоляторе одного-двух членов экипажа, чтобы те не сводили глаз с чужой твари.

К счастью, в их отсутствие ничего не произошло. Очевидно, ни чужая тварь, ни, судя по позе, Кейн не сделали ни одного движения. С этого момента независимо от того, какие иные проблемы возникнут на корабле или на планете, в изоляторе постоянно должен кто-то находиться. И без того складывалась достаточно серьезная ситуация; не хватало еще, чтобы чужая тварь оставалась без присмотра и делала все, что ей заблагорассудится.

– Кислота не попала на Кейна? – спросил Паркер, стоя в дверях и вытягивая шею, чтобы рассмотреть помощника капитана.

Даллас подошел к медицинскому столу и тщательно осмотрел лицо помощника капитана.

– Не думаю. Он выглядит нормально. Жидкость стекала по телу твари и не должна была попасть на кожу.

В двери показался Брет.

– Эта гадость еще капает? У нас в машинном отделении на складе есть кое-какая керамика, которая держит все что угодно. Не знаю, как насчет этой гадости, но, если нужно, мы попробуем. Я могу соорудить из нее что-то вроде временного резервуара.

– Не беспокойтесь, – сказал ему Даллас. – Разрез перестал кровоточить.

Эш внимательно изучал то место чужого организма, где прошел лазерный скальпель.

– Все зажило. Никаких следов раны. Поразительная способность к регенерации. Даже не скажешь, прикасались к нему или нет.

– Должен же быть какой-то способ отделаться от этой твари, – проговорила Ламберт, содрогнувшись от отвращения. – Меня тошнит, когда я вижу, что она спокойно присосалась к Кейну да еще просунула ему в горло эту чертову трубку.

– Вас затошнило бы еще больше, если бы эта тварь присосалась к вам, – съязвила Рипли.

Ламберт не поддержала тон уорент-офицера.

– Совсем не смешно, – парировала она.

– Повторяю, сэр, – обратился Эш к капитану, не глядя ему в глаза, – я не считаю мысль о необходимости удаления чужого организма удачной. Пока что наши попытки ни к чему не привели.

Даллас раздраженно взглянул на Эша – похоже, он хотел резко возразить, но передумал. Как всегда, только Эш оставался достаточно объективным. Даже сарказм был не свойствен его натуре.

– Итак, что же мы делаем? – захотела знать Ламберт.

– Ничего, – ответил Даллас. – Мы ничего не можем сделать. Мы попытались что-то предпринять и, как справедливо заметил Эш, едва не лишились корпуса корабля. Значит... Значит, мы возвращаем Кейна автодоктору и будем надеяться, что тот предложит что-то более разумное.

Даллас нажал кнопку. Послышалось негромкое жужжание, и медицинский стол с Кейном снова скользнул в нишу. Капитан щелкнул еще несколькими переключателями. На экранах появились рентгенограмма так и не пришедшего в себя Кейна и несколько схем и графиков. Ничего нового они не сказали и не предложили никакого решения.

Тем временем Эш сверял показания приборов:

– Его жизненно важные функции по-прежнему в норме, но появились новые свидетельства дегенерации тканей и других процессов распада.

– Значит, тварь приносит ему вред, – констатировала Ламберт.

– Не обязательно. Кейн уже довольно долго обходится без пищи и воды. Возможно, эти показания отражают обычно неопасное истощение организма человека. Ничто не говорит о том, что он резко ослабел – неважно, обусловлено это чужим организмом или другими обстоятельствами. Тем не менее мы должны поддерживать больного. Я предложил бы начать с внутривенного питания, пока мне не удастся точно выяснить, не ус-

ваивает ли чужой организм белки из тканей Кейна.

Эш включил еще один блок. В изоляторе отдались эхом новые звуки – это автодоктор приступил к питанию беспомощного Кейна и к переработке образующихся отходов.

– А это что такое? – поинтересовалась Рипли, указывая на медленно перемещающееся по экрану интроскопическое изображение. – Вот это пятно на его легких?

– Не вижу никакого пятна, – возразил Эш.

Даллас тоже всмотрелся в изображение.

– Кажется, я знаю, что имеет в виду Рипли. Эш, увеличьте изображение респираторной системы.

Офицер-исследователь выполнил распоряжение капитана. Теперь привлекшее внимание Рипли небольшое пятно проступило совершенно отчетливо: на грудной клетке Кейна лежала темная, совершенно непрозрачная заплата неправильной формы.

– Нельзя утверждать, что это пятно действительно находится на легких больного. – Пальцы Эша с удвоенной скоростью забегали по кнопкам. – С тем же успехом можно предположить, что это результат ошибки сканера или частичного повреждения его линзы под воздействием радиации. Такое случается часто.

– Попробуйте увеличить мощность излучения, – потребовал Даллас. – Посмотрим, может быть, таким путем удастся улучшить разрешение.

Эш настроил приборы на новый режим, но, несмотря на все его усилия, темное пятно оставалось все таким же неопределенным, лишенным четкой формы и деталей.

– Повышать мощность излучения опасно; Кейн может получить огромную дозу радиации.

– Знаю. – Даллас по-прежнему пристально смотрел на загадочное пятно. – Если мы уже сейчас потеряли разрешающую способность, значит, мы так и не узнаем, что за чертовщина творится в организме Кейна.

– Я все устрою, сэр, – заверил капитана Эш. – Думаю, я смогу просветлить линзу. Достаточно будет ее заново отполировать.

– Но на время этой полировки мы останемся совершенно слепыми.

– Я не могу удалить пятно, не размонтировав сканер, – примирительным тоном сказал Эш.

– Тогда оставьте все как есть. Если только это пятно не разрастется так, что мы вообще ничего не увидим.

– Как прикажете, сэр. – Эш снова повернулся к своим приборам.

– Что же нам теперь делать, а? Просто сидеть и ждать? – спросил растерянный и расстроенный Брет.

– Нет, – ответил Даллас, вспомнив, что ему нужно заботиться не только о Кейне, но и о корабле. – Мы будем сидеть и ждать, а вы с Паркером пойдете работать...

7 – Что ты об этом думаешь?
Обливаясь потом, Брет устанавливал последние хрупкие соединения в тесном двенадцатом модуле. Рядом стоял, прислонившись к стене, не менее потный Паркер. Инженер и техник пытались сделать то, что обычно выполняли автоматический прибор для поиска неисправностей, снабженный дистанционным управлением, и компьютеризованный автоматический инструмент. Поскольку у них не было ни того, ни

другого, им приходилось устранять повреждения с помощью инструментов, совсем не предназначенных для работ такого рода.

И работа не та, и инструмент не тот, зло подумал Паркер. Тем не менее им надо было как-то закончить ремонт. Если не исправить и снова не запустить двенадцатый модуль, подъем корабля может занять черт знает сколько времени. Паркер готов был зубами грызть металл, лишь бы поскорее убраться с этой планеты.

Впрочем, сейчас была очередь Брета бороться с упорно сопротивлявшимися запасными блоками. В этом модуле заменяли не отдельные поврежденные детали, как в любом другом отсеке корабля, а целые блоки, куда они входили. Беда заключалась в том, что извлечь испорченные блоки, не повредив при этом еще более хрупкие соседние элементы двигателя и не нарушив его важнейшие функции, было невероятно трудно. Запасные блоки фабричного изготовления вставлялись на место без проблем, если только удавалось достаточно тщательно очистить это место от обуглившихся остатков.

- Кажется, готово, - сказал наконец Брет. - Попробуй.

Паркер отступил на шаг, нажал две кнопки на верхней панели и с надеждой перевел взгляд на стоявший рядом переносной монитор. Монитор не реагировал. Инженер нажал кнопки еще раз - и снова без всякого результата.

- Ничего.

- Проклятье. Я был уверен, что на этот раз все будет в порядке.

- Значит, не все. Я знаю, они кажутся вполне исправными, разве что кроме сорок третьего, а тот мы уже заменили. С этими проклятыми уско-

рителями всегда так: если от перегрузки несколько штук сгорят – лезь внутрь и проверяй все подряд, чтобы найти разгерметизировавшуюся. – Паркер помедлил, потом добавил: – Вот был бы у нас прибор для поиска неисправностей...

– Я бы тоже не возражал.

Из модуля доносились скрежещие звуки – это Брет металлическим инструментом царапал по пластику.

– Должно быть, неисправен соседний. – Паркер старался говорить уверенным тоном. – Слава Богу, нам не нужно проверять каждый блок. Мамаша сузила поле нашей деятельности. Скажи и на том спасибо.

– Скажу спасибо, – отозвался Брет. – Только тогда, когда мы снимемся с этой скалы и снова окажемся в гиперсне.

– Прекрати думать о Кейне, – сказал Паркер, в очередной раз нажав две кнопки, и выругался про себя. – Опять ничего, Брет, попробуй следующий блок.

– Верно. – Брет повернулся, снова поставил только что проверенный блок на прежнее место. Паркер покрутил несколько регуляторов на верхней панели в надежде, что таким образом ему удастся немного уменьшить число нуждавшихся в проверке блоков. В двенадцатом модуле было сто блоков, каждый из которых представлял собой крошечный ускоритель элементарных частиц. Одна мысль о том, что им придется вручную проверять все блоки, чтобы найти единственный неисправный, могла привести в бешенство любого.

В самый неподходящий момент из ближайшего громкоговорителя системы внутренней связи донесся знакомый голос:

- Как у вас дела?

О, черт, подумал Паркер. Опять Рипли. Эта проклятая женщина. Ладно, я расскажу ей, как у нас дела.

- Хреново, - коротко информировал он и, понизив тон так, чтобы Рипли его не слышала, добавил еще несколько крепких слов.

- Работай, не отвлекайся, - сказал Паркер своему товарищу.

- Верно.

- Что вы сказали? - переспросила Рипли. - Я не расслышала.

Паркер сделал несколько шагов к громкоговорителю, резким движением повернул усилитель внутренней связи.

- Вы хотите знать, как у нас дела? Здесь не дела, здесь тяжелая работа, много тяжелой, настоящей работы. Вам не мешало бы как-нибудь заглянуть сюда и узнать, что это такое.

Не задумываясь ни на секунду, Рипли спокойно ответила:

- На этом корабле самая тяжелая работа у меня.

В ответ Паркер издевательски расхохотался.

- Мне приходится слушать ваш бред, - пояснила Рипли.

- Оставьте меня в покое.

- Я оставлю вас в покое, когда будет запущен двенадцатый модуль, не раньше. Имейте это в виду.

Послышался щелчок. Рипли отключила связь раньше, чем Паркер успел произнести уже готовый ответ.

- Что случилось? - Брет высунулся из модуля. - Опять ругаешься с Рипли?

- Нет, обменялись любезностями, вот и все.

Брет неуверенно рассматривал вскрытый блок.

– Вроде все на месте. Давай попробуем еще раз.

Паркер снова нажал кнопки, снова бросил взгляд на монитор. Не трахнуть ли по нему кулаком, представив, что это вовсе и не прибор, а лицо некоего уорент-офицера? Конечно, на самом деле он ничего такого никогда бы не сделал. Вспыльчивый Паркер был достаточно разумен, чтобы понять – монитор ему очень нужен.

И Рипли тоже.

Эш начал новую серию тестов. Они должны были дать новую информацию о состоянии Кейна. Нельзя сказать, что эта информация была принципиально новой или особенно полезной, но офицера-исследователя любые новые данные приводили в восторг.

Кто бы ни заглянул в это время в изолятор, ему достаточно было бросить взгляд на главный экран, чтобы увидеть Кейна, так сказать, изнутри. Сам Кейн, естественно, не мог возмутиться столь бесцеремонным вторжением в его внутреннюю жизнь.

Вошла Рипли и быстро просмотрела основные данные. С тех пор, как она видела Кейна в последний раз, его состояние не изменилось. Она и не надеялась на изменения. Чужая тварь все так же закрывала все лицо помощника капитана.

Рипли ознакомилась с второстепенными показателями и присела рядом с Эшем. Тот, не отрываясь от приборов, приветствовал уорент-офицера чуть заметной улыбкой.

– Провожу ряд новых тестов, – сообщил Эш. – На случай непредвиденного.

– Чего именно?

– Не имею ни малейшего представления. Но если что-то произойдет, я хотел бы знать об этом возможно раньше.

– Есть новости?

– С Кейном? – раздумывая над ответом, Эш немного помолчал. – Все по-прежнему. Его состояние не меняется. Нет, я неправильно выразился. На самом деле ситуация даже улучшилась. Кейн находится в хорошем состоянии. Никаких изменений к худшему.

– А что с чужой тварью? Пока нам известно только, что она выделяет кислоту и быстро заживает свои раны. Что-нибудь новое вы узнали?

– Я уже говорил вам, – довольным тоном ответил Эш, – что выполнил ряд тестов и анализов. Поскольку сделать что-либо для Кейна не в наших силах, мне показалось разумным попытаться получить максимум сведений о чужом организме. Не исключено, что незначительный на первый взгляд факт в конце концов поможет нам снять этот организм с лица Кейна.

– Разумеется. – Рипли нетерпеливо заерзала в кресле. – Что же вы обнаружили?

– Наружный слой кожного покрова этого организма, по-видимому, построен из комплексов белков с полисахаридами. Во всяком случае мне это кажется наиболее вероятным. Конечно, сейчас трудно сказать наверняка, не взяв пробу для детального анализа, а попытка сделать даже ничтожно малый срез снова может привести к кровотечению. Это слишком рискованно; едкая жидкость может частично вывести из строя автодоктор.

– Действительно это рискованно, – сухо сказала Рипли. – Сейчас автодоктор – наш единственный шанс на спасение Кейна.

– Вот именно. Еще интереснее тот факт, что вторичный, то есть внутренний слой кожного покрова чужого организма постоянно теряет клетки, которые замещаются полярными органическими силикатами. Очевидно, существо имеет как бы двойную кожу, причем кислота располагается в промежутке между слоями. Кроме того, кислота циркулирует под довольно большим давлением.

Нам повезло, что Даллас сделал не слишком глубокий надрез. Иначе кислота забрызгала бы весь изолятор.

Это сообщение, казалось, произвело на Рипли должное впечатление.

– Изучение силикатного слоя, – продолжал Эш, – показало, что он обладает уникальной, чрезвычайно плотной молекулярной структурой. Не исключено, что на него не подействует даже лазерное излучение. Знаю, знаю, – поторопился объяснить Эш, заметив недоверчивый взгляд Рипли, – вам это утверждение может показаться нелепым. Но более плотного органического вещества я никогда не встречал. И высокоспецифичная ориентация этих клеток, и их уникальный состав противоречат всем законам известной нам биологии.

Возьмите, например, эти силикатные клетки. Они упрочнены химическими связями с металлами. В результате изучаемый организм приобретает невероятно высокую приспособляемость к самым неблагоприятным условиям окружающей среды.

– Ну, а помимо силикатов и двойной кожи, есть у вас что-нибудь новое?

– Что ж, у меня по-прежнему нет никакой гипотезы относительно механизма дыхания этого

создания, если, конечно, оно вообще дышит в том смысле, в каком мы привыкли понимать соответствующий физиологический процесс. По-видимому, чужой организм обладает способностью изменять состав атмосферы в непосредственной близости от себя; возможно, это обусловлено селективным поглощением необходимых газов через многочисленные поры кожного покрова. Можно с уверенностью сказать, что у этого организма вообще нет органа, напоминающего ноздри. Будучи своеобразным химическим реактором, он по своей эффективности превосходит все, о чем я когда-либо слышал. Некоторые из его внутренних органов в настоящий момент, кажется, вообще не функционируют, в то время как функции многих других остаются для меня загадкой.

Возможно, что кажущиеся неработающими органы являются частью системы защиты. Это мы увидим, если нам придется когда-либо еще раз спровоцировать защитную реакцию. – Эш замолчал, бросив на Рипли выжидающий взгляд. – Этого вам достаточно?

– Более чем, – ответила Рипли.

Нельзя было вносить Кейна на борт корабля, думала она. Нужно было оставить и его, и эту чужую тварь на планете, в крайнем случае – в шлюзе. В том, что они оказались на “Ностромо”, повинен только Эш.

Рипли незаметно наблюдала за офицером-исследователем, смотрела, как он управляется со своими приборами, как регистрирует информативные результаты и отбрасывает бесполезные. Из всего экипажа Эша менее, чем кого бы то ни было другого, можно было заподозрить в способности руководствоваться эмоциями, а не

здравым смыслом. Тем не менее именно Эш вопреки всем правилам, в нарушение инструкций принял неожиданное решение и открыл внутренний люк воздушного шлюза.

Здесь Рипли была вынуждена поправить себя. Даллас и Ламберт тоже требовали, чтобы их немедленно пустили на корабль, наплевав на все правила. Предположим, Эш подчинился бы приказу Рипли, и все трое остались бы в шлюзе. Что в таком случае было бы с Кейном? Возможно, единственным напоминанием о нем осталась бы запись в вахтенном журнале. Впрочем, для Рипли одной проблемой стало бы меньше: ей не пришлось бы смотреть в глаза выздоровевшему Кейну и объяснять, почему она пыталась не пустить его и других участников экспедиции на корабль.

Эш, обратив внимание на озабоченный вид Рипли, сочувственно спросил:

- Вы чем-то обеспокоены?

- Нет, - ответила Рипли и выпрямилась. - Сделайте для меня короткий вывод. Представьте себе, что я настолько глупа, насколько кажусь иногда самой себе. Что все это значит? Каково наше положение?

- В нашем положении и с нашими возможностями своеобразное сочетание химического состава и макроструктуры делает чужой организм практически неуязвимым.

Рипли кивнула.

- Так я и поняла, если верить вашим данным, - сказала она; Эш бросил на нее огорченный взгляд. - Извините. Хорошо, значит, эта тварь неуязвима, - продолжала Рипли, не сводя с Эша пристального взгляда. - Именно по этой причине вы проявили инициативу и впустили ее на корабль?

Как всегда, офицер-исследователь не ответил на вызывающий тон. В его голосе не чувствовалось и намека на обиду, когда он терпеливо объяснил:

– Я выполнял приказ капитана, совершенно недвусмысленный приказ. Помните?

Рипли пришлось сделать усилие, чтобы не сорваться на крик. Эш признавал только доводы разума.

– В отсутствие капитана и его помощника старшим по званию являюсь я. Я выполняю обязанности капитана, пока он сам или его помощник физически не ступят на борт корабля.

– Да, разумеется. Вероятно, я просто забыл об этом. На мгновение разум уступил место эмоциям, – проговорил Эш, не отводя глаз от приборов.

– Черта с два. Вы никогда ничего не забываете.

Эти слова заставили Эша оторваться от приборов и повернуться к Рипли.

– Вы полагаете, что знаете меня. Все вы так думаете. У вас не возникает ни малейших сомнений: вы хорошо знаете, что я за человек. Рипли, позвольте мне кое-что объяснить. Да, открывая внутренний люк шлюза, я отдавал себе отчет в собственных действиях. Но относительно того, кто и когда выполняет обязанности капитана, что ж, я могу забыть точно так же, как и любой другой. У меня очень хорошая память, в этом вы правы, но и она может иногда меня подвести, как и память любого человека. Даже электронный мозг, например наша Мамаша, изредка теряет след информации.

Так я и поверила, думала Рипли. Забывчивость... только почему-то странная, избиратель-

ная забывчивость... И все же, возможно, Эш говорил правду. Посмотри, сказала себе Рипли, ты уже испортила отношения чуть ли не со всем экипажем. Паркер и Брет давно испытывают к тебе далеко не нежные чувства. Теперь не хватает еще сделать своим врагом и Эша.

Но Рипли не в силах была побороть подозрения. Она уже почти решилась вывести Эша из себя.

– Вам удалось также забыть основное правило карантина вашего же научного отдела, то самое правило, которое вдавливают в головы будущим астронавтам еще в училище.

– Нет, это правило я не забыл.

Наконец-то, подумала Рипли. Этому она могла поверить.

– Понятно, – сказала она. – Вы не забыли, – Рипли помедлила, чтобы придать своим словам больший вес. – Вы просто вполне сознательно их нарушили.

– Вы полагаете, что я поступил так с легким сердцем? Что я не учел возможных последствий такого шага?

– Нет, Эш. Такое мне и в голову не могло прийти.

Эш опять-таки не поддался на провокацию.

– Мне совсем не нравилось мое решение, но я считал, что у меня нет выбора, – спокойным, тихим голосом объяснил он. – Интересно, как бы вы поступили с Кейном? Мне казалось, что единственным шансом сохранить ему жизнь было срочное помещение в изолятор, где заботу о нем немедленно взял бы на себя автодоктор. Действительно, состояние Кейна скоро стабилизировалось. Всю заслугу я склонен приписать машине и неотложному лечению, в частности,

своевременно введенным антисептикам и внутривенному питанию.

- Эш, вы начинаете противоречить самому себе. Минуту назад вы сказали, что жизнь Кейну сохраняет чужая тварь, а не автодоктор.

- По-видимому, чужой организм действительно вносит свой вклад в поддержание жизни Кейна, но сейчас он делает это в привычной для человека атмосфере и в соответствующем окружении. Мы понятия не имеем, что этот организм мог совершить, если бы он остался на Кейне в условиях планеты. По крайней мере здесь у нас есть возможность наблюдать за состоянием нашего товарища и своевременно вмешаться, если окажется, что чужой организм оказывает вредное воздействие. Ничего подобного мы не смогли бы сделать, если бы оставили Кейна вне корабля, - Эш замолчал, щелкнул переключателем, проверил показания. - Кроме того, таков был приказ.

- Вы хотите сказать, что независимо от ситуации вы будете слушать Далласа, а не меня?

- Я хочу сказать, что капитан всегда остается капитаном, и тот факт, что он находится в метре от меня в воздушном шлюзе, не кажется мне достаточным основанием для того, чтобы я не выполнял его приказы.

Рассерженная и на Эша, и на себя, Рипли отвернулась.

- Нарушив правило карантина, вы рисковали жизнью не только Кейна, но и всего экипажа.

Кресло Эша бесшумно сдвинулось; он ввел запрос в компьютер, нарочито серьезно и долго изучал полученный ответ, потом, не поворачиваясь к Рипли, заговорил:

– Вы полагаете, мне было легко принять такое решение? Вероятно, я лучше вас знаю правила карантина, относящиеся к чужим формам жизни. Мне пришлось выбирать между правилами и жизнью человека.

Возможно, я должен был оставить Кейна умирать на планете или в воздушном шлюзе корабля. Возможно, я подвергал опасности жизни всех членов экипажа. Но я уверен в одном: правила и инструкции составляются в комфорте и полной безопасности, а применяться они должны на неисследованных планетах, где постоянно приходится руководствоваться только собственным разумом и собственными чувствами. Так я и поступил.

Пока что чужой организм даже не угрожал никому из нас, исключая Кейна, конечно. Признаю, он может проявить агрессивность позднее. В таком случае он столкнется с готовой оказать эффективное сопротивление группой из шести человек, а не с неподготовленным одиночкой, блуждающим в темных отсеках незнакомого космического корабля. Я предпочитаю такой риск – при условии, что мы получим шанс сохранить жизнь Кейна.

Пальцы Эша снова забегали по клавиатуре компьютера.

– Я не оспариваю ваше право на личные чувства и переживания, – сказала Рипли вставая. – Я хочу подчеркнуть только одно: вы не имеете морального права и не обладаете достаточной властью, чтобы, руководствуясь своими чувствами, подвергать риску всех нас. Возможно, мы не согласились бы на такой риск.

– Теперь это уже не имеет значения. Кейн на борту корабля... и, между прочим, жив и

почти здоров. Дальнейшие события будут развиваться здесь. Бесполезно обсуждать, что могло бы быть, если бы раньше мы поступили иначе. Это пустая трата времени.

- Значит, такова ваша официальная позиция как офицера-исследователя космического корабля? Не могу сказать, что она взята прямо из устава.

- Рипли, вы повторяетесь. Почему? Чтобы спровоцировать меня? Я по собственной инициативе уже описал все свои действия в вахтенном журнале. Теперь все зависит от того, какое решение примет Компания. Да, такова моя официальная позиция. Запомните, первой заповедью науки является защита и улучшение жизни человека. Я никогда не нарушал эту заповедь.

- Нет, не нарушали. Но ваши представления о лучшей человеческой жизни могут отличаться от представлений других.

Почему-то последнее замечание в отличие от предыдущих, даже более резких заставило Эша повернуться и раздраженно посмотреть на Рипли.

- Я отношусь к своим обязанностям офицера-исследователя с не меньшей ответственностью, чем вы - к обязанностям уорент-офицера. Для вас этого должно быть достаточно. Я устал от вас. Если у вас есть конкретные обвинения, предъявите их Далласу. В противном случае занимайтесь своим делом, а я буду выполнять свои обязанности.

Эш снова повернулся к своим бесценным приборам.

Рипли кивнула.

- Что ж... как вам будет угодно.

Она повернулась и направилась к выходу. У

нее осталось неприятное чувство неудовлетворенности, хотя причина этого была неясна ей самой. Ответы Эша казались достаточно убедительными, на них было трудно возразить. Но Рипли беспокоило не это.

Тот факт, что Эш нажал кнопку и впустил экспедицию на борт корабля, противоречил не только правилам и инструкциям, но и чему-то гораздо большему. Этот поступок совершенно не согласовался ни с одной из черт характера Эша, находился в вопиющем противоречии с его показным профессионализмом в любой другой ситуации. Конечно, знакомство Рипли с Эшем было непродолжительным, но и у нее, и у любого другого члена экипажа создалось такое впечатление, что для Эша не было ничего выше свода официальных правил и инструкций, определяющих все поведение офицера-исследователя космического корабля.

Эш уверял, что его поступок был вызван только стремлением спасти жизнь человека. Она стояла на букве закона. Может быть, она была неправа? Интересно, согласился бы Кейн с ее решением?

Расстроенная, Рипли направилась на капитанский мостик. В ее голове роилось множество разрозненных мыслей, удивительных совпадений, фактов, но не хватало чего-то, что помогло бы связать все это воедино...

Теперь на борту "Ностромо" большинству членов экипажа оставалось только ждать. Ждать, когда Паркер и Брет закончат свою работу, когда изменится состояние Кейна.

На мостике Ламберт играла с Джонсом в веревочку. Люди считали, что эта веревочка предназначена только для развлечения Джонса, но

кот придерживался другого мнения. Он был уверен, что развлечение людей входит в его обязанности. Похоже, им доставляло огромное удовольствие наблюдать, как кот пытается поймать белую веревку, которую они дергали своими большими неуклюжими лапами.

Ламберт считала игру воспитанием кота. Джонс же считал ее воспитанием людей. Он был очень добросовестным котом и прилагал все усилия, чтобы заставить Ламберт улыбнуться. Эти люди иногда бывают такие серьезные... Для Джонса это была тяжелая работа. Но он был очень сознательным котом. К радости людей он трудился и трудился, мечтая тем временем и о теплой, жирной мышце.

Брет выглянул из-под консоли.

— Как твоё мнение? — обратился он к своему напарнику.

Паркер настроил контрольное устройство, смахнул пот со лба.

— Почти в норме. Ещё совсем немного, и мы закончим. Может быть, теперь Рипли будет довольна.

Брет хмыкнул.

— Ты разве не знаешь? Рипли никогда не бывает довольна.

Из-за фильтрующей решетки, за которой работал техник, послышалось гудение.

Паркер бросил взгляд на молчавший громкоговоритель внутренней связи и проворчал:

— Если после такой работы мы не получим полную долю, я буду жаловаться. Мы заслужили двойную оплату. Может быть, нам полагается доплатить ещё и за опасность. Я бы на месте Компании на этот раз не стал возражать, не то мы обратимся в союз. Хватит валять дурака.

— Верно, — откликнулся Брет.

Из трубы, в которой была установлена решетка, высунулась его рука.

— Здесь нужен герметик номер три.

Паркер порывлся в грязной пластиковой коробке со множеством отделений, достал маленький серый квадратик с зеленой и красной надписями, передал его Брету и еще раз бросил взгляд на молчавший громкоговоритель.

Мелодия была примитивной, простоватой, да и старая, бессчетное число раз проигрывавшаяся запись потеряла свой прежний блеск, но Даллас откинулся в кресле, закрыл глаза и не слышал ничего, кроме музыки — совсем как в старинном доме звукозаписи. В такт он тихонько постукивал ногой.

Зажужжал сигнал внутренней связи — раз, второй, третий. Только после третьего сигнала капитан обратил на него внимание. Покорно вздохнув, он, приглушив звук, включил систему внутренней связи.

— Даллас слушает.

— Говорит Эш. Мне кажется, вам следует взглянуть на Кейна. С ним кое-что произошло.

Даллас мгновенно выпрямился. Обнадеживало то, что голос у Эша был не взволнованным, а скорее обескураженным.

— Что-нибудь серьезное?

— Интересное.

— Через минуту буду у вас.

Даллас встал, выключил проигрыватель, с сожалением проводил глазами затухающий зеленый огонек. Если верить Эшу, произошло что-то “интересное”. Это может означать все что угодно, совершенно не обязательно добрую весть. Утешало одно: если бы Кейн уже умер, Эш так не сказал бы.

Следовательно, помощник капитана еще жив... но находится в "интересном" состоянии.

Оказалось, что на самом деле Эш вообще не имел в виду Кейна. Он срочно вызвал капитана из-за чужого существа.

Даллас обнаружил Эша в коридоре рядом с изолятором; тот прижался носом к стеклянной двери и внимательно наблюдал за происходящим в изоляторе. Услышав шаги, он повернулся к капитану.

Неожиданно в другом конце коридора появилась Рипли.

- Что происходит? - спросила она, быстро переводя взгляд с одного на другого. - Я слышала по внутренней связи ваш разговор.

- Подслушивали? - Даллас пытливо посмотрел на Рипли.

Рипли поморщилась.

- На этом корабле больше нечего делать. Почему вы спрашиваете? У вас есть какие-то возражения?

- Нет. Просто интересуюсь.

Даллас тоже посмотрел сквозь толстое стекло, не обнаружил в изоляторе ничего интересного и снова обратился к Эшу:

- Так в чем дело?

- Кейн. Посмотрите на него внимательней, - сказал Эш.

Даллас медленно обвел взглядом по-прежнему неподвижного Кейна и только тогда заметил - точнее не заметил - то, о чем говорил Эш.

- Тварь исчезла, - констатировал Даллас.

Он оглядел изолятор, но нигде не нашел ее следов. Кейн лежал на медицинском столе все в той же позе. Его грудь равномерно поднималась и опускалась. Судя по всему, он дышал совер-

шенно нормально, без всяких усилий – несмотря на отсутствие чужой твари. Присмотревшись внимательней, Даллас заметил на лице своего помощника ободок темных пятнышек.

– Эта тварь что-то высадила на его лице? – Даллас старался не думать о том, что могло произойти с его товарищем, хотя в голову невольно приходили самые отвратительные мысли.

– Нет, – уверенно ответил Эш.

Далласу очень хотелось поверить Эшу. Ему приходилось верить, потому что хранящиеся в личном деле офицера-исследователя документы утверждали, что ни у кого из членов экипажа нет такого острого зрения.

– То, что вы видите, скорее впадинки, а не наросты. Думаю, это просто следы от присосок чужого организма. – Эш помедлил, потом добавил: – Если не считать этих впадинок, у Кейна не осталось никаких вредных последствий.

– О последствиях говорить еще рано, – вмешалась Рипли. – Дверь изолятора герметична, и эта тварь должна быть в изоляторе.

Рипли старалась держаться уверенно, хотя мысль о том, что под ее ногами может ползать эта похожая на паука тварь с единственным остекленевшим глазом, не просто пугала, но приводила ее в ужас, который ей совсем не хотелось обнаружить перед Эшем.

– Дверь мы открыть не можем, – рассудительно ответил Эш. – Нельзя же выпустить этот организм и предоставить ему возможность бегать по всему кораблю.

– С этим трудно не согласиться. – Через стекло Рипли обшаривала взглядом пол изолятора, но не нашла ничего, кроме блестящих металлических пластиковых деталей. – Схватить

эту тварь или убить ее на расстоянии мы тоже не можем. Что же нам делать?

- Когда мы пытались снять тварь с лица Кейна, - сказал Даллас, - мы порезали, поранили ее. Не исключено, что если мы не будем угрожать слишком явно, тварь не окажет сопротивления. Если повезет, мы сможем ее просто поймать.

Капитан невольно подумал о возможной официальной благодарности Компании, о практически гарантированной премии, а может быть, даже о повышении по службе. Потом он вспомнил про лежащего без сознания Кейна и ему стало ужасно стыдно.

Предложение поохотиться за чужой тварью заставило Рипли содрогнуться.

- Можете ловить, если у вас есть такое желание. Я посмотрю сквозь дверь.

- Думаю, это хорошая мысль, - охотно согласился Эш. - Этот организм - бесценный экспонат. Конечно, нам нужно постараться поймать его живым и неповрежденным.

Эш отступил на шаг от стеклянной двери, слегка прикоснулся к управляющей ею кнопке. В каком-то смысле медицинский изолятор был вполне подходящим местом для охоты на чужую тварь. Помещение изолятора было надежно защищено двойными стенами; если не считать воздушного шлюза, на "Ностромо" не было более надежного отсека.

Дверь чуть отошла в сторону. Эш посмотрел на Далласа, тот утвердительно кивнул. Эш еще раз нажал на кнопку, и дверь сдвинулась еще на несколько сантиметров. Теперь в образовавшуюся щель мог протиснуться человек. Первым вошел Даллас, за ним - очень осторожно - Рип-

ли. Эш проскользнул последним. Оказавшись в изоляторе, он тут же резко ударил по кнопке, и дверь плотно закрылась.

Прижавшись плечом к плечу и пока не осмеливаясь оторваться от двери, все трое внимательно обшаривали взглядом помещение. Нигде не было видно даже следов чужой твари. Даллас громко свистнул. Тварь на свист не отозвалась, зато Рипли нервно хихикнула.

Стараясь не выпускать из поля зрения укромные места, где могла бы спрятаться чужая тварь, Даллас подошел к столу с выдвижными ящиками – отличному месту для игры в кошки-мышки с человеком. Но при самом тщательном осмотре там удалось найти лишь медицинские инструменты и лекарственные препараты, лежавшие на своих местах в идеальном порядке.

Если люди намеревались ловить тварь не голыми руками, очевидно, им нужно было вооружиться чем-то достаточно прочным. Даллас схватил первый попавшийся ему на глаза подходящий предмет – большой поднос из нержавеющей стали. Он понимал, что если тварь почувствует серьезную угрозу, она пройдет сквозь поднос также легко и быстро, как и через его руку. Все же с увесистым подносом в руках капитан чувствовал себя уверенней. Он продолжил поиски.

Эш обследовал дальние углы изолятора. Рипли надоело стоять без дела. Она заблокировала дверь, подошла к медицинскому столу, на котором лежал Кейн, и заглянула под стол в надежде, что тварь, возможно, прицепилась к столу снизу. Рипли напряглась, готовая при виде маленького непрошенного гостя тут же броситься снова к двери. Нельзя сказать, что она очень

расстроилась, увидев, что на нижней поверхности медицинского стола ничего и никого нет.

Рипли выпрямилась и задумалась, где еще стоит искать тварь. Она сделала шаг в сторону и задела плечом полку. Что-то жесткое и твердое шлепнулось ей на плечо. Рипли инстинктивно повернула голову и с ужасом увидела на своем плече длинные когтистые пальцы-щупальца, а над ними тусклый, серый глаз.

Рипли почти потеряла дар речи. Она, вскрикнув, судорожно дернулась. Тварь тяжело шлепнулась на пол и неподвижно застыла.

На крик Рипли кинулись Даллас и Эш. Все трое окружили неподвижную тварь, по-прежнему не подававшую никаких признаков жизни. Пальцы-щупальца были плотно сжаты в кулак; теперь тварь еще больше напоминала сжатую кисть человеческого скелета. Иллюзию нарушали лишь хвост, немигающий единственный глаз и лишние пальцы.

Рипли положила правую руку на плечо – туда, куда только что упал этот монстр. Широко раскрытым ртом она жадно хватала воздух и никак не могла успокоиться – все еще ощущала вес твари на своем плече.

Рипли слегка пнула мерзкую тварь. Та не сопротивлялась и даже не шелохнулась. Единственный глаз заметно потускнел, а толстая кожа казалась высохшей и сморщившейся. Рипли еще раз пнула тварь, потом носком ботинка перевернула ее на “спину”. На туловище-ладони безвольно лежала трубка, снова ставшая совсем короткой; очевидно, тварь втянула ее в себя.

– Думаю, она сдохла, – сказал Даллас.

Без всякого сожаления он еще с минуту смотрел на дохлую тварь, потом повернулся к Рипли:

– С вами все в порядке?

Рипли с трудом заставила себя говорить.

– Да-а. Эта тварь мне ничего не сделала. Думаю, она сдохла задолго до того, как упала на меня.

Она подошла к открытому шкафу с инструментом, выбрала длинные хирургические щипцы, прикоснулась ими к скрученным пальцам-щупальцам, к остекленевшему глазу. Тварь не реагировала. Даллас держал наготове поднос. Рипли осторожно взяла щипцами окаменевшую тварь и бросила ее на поднос. Даллас тотчас закрыл поднос металлической крышкой.

Все перешли к ближайшему столу. Чужую тварь осторожно сняли с подноса и положили на плоскую поверхность. Эш включил яркое освещение, которое только подчеркнуло мертвенную бледность ее кожи. Эш выбрал небольшой острый щуп и потыкал им несопротивляющееся дохлое существо.

– Обратите внимание на эти присоски. – Щупом как указкой он провел по ряду небольших углублений, опоясывавших внутреннюю поверхность тела-ладони. – Не приходится удивляться, что мы не смогли оторвать этот организм от Кейна, ведь он прицепился к нему всеми этими присосками, пальцами-щупальцами и к тому же обвил мощным хвостом шею.

– А где у него рот? – поинтересовался Даллас. Ему пришлось сделать немалое усилие, чтобы заставить себя не смотреть на единственный тусклый глаз твари; даже мертвый, он обладал какой-то гипнотической силой.

– Должно быть, функции рта выполняет вот этот трубкообразный орган, тот самый, который был введен в горло Кейну. Но никаких признаков процесса питания мы не видели.

Эш перевернул щупом дохлую тварь на спину и щипцами ухватился за трубку. Ему удалось немного вытащить ее из тела-ладони. На воздухе трубка быстро приняла ту же окраску, что и все тело.

– При контакте с воздухом трубка быстро отвердевает, – констатировал Эш.

Он подвинул маленькую тварь к сканеру, расположил ее точно под объективами, настроил прибор и нажал несколько кнопок. На крошечных экранах появились числа и слова.

– Вот и все, – сообщил он через несколько минут. – Это конец. Организм мертв. Он не подает никаких признаков жизни. Конечно, мы знаем о нем очень немного, но этого вполне достаточно, чтобы определить, жив он или нет.

Рипли перевернула плечами.

– Отлично. Теперь давайте его выбросим.

Эш недоумевающе смотрел на Рипли; он не верил своим ушам.

– Вы шутите, конечно. Понимаю. Очень смешно.

Рипли отрицательно покачала головой.

– Какие здесь, к черту, могут быть шутки?

– Но... наш долг доставить этот организм, пусть даже мертвый, на Землю. – Эш говорил почти взволнованно. – Это первый контакт человека с подобным организмом. Никаких аналогов нигде и никогда не было зарегистрировано, никому не пришло в голову даже высказать гипотезу о возможности существования подобных организмов. Он должен быть подвергнут тщательнейшему изучению.

– Прекрасно, – сказала Рипли. – Поскорее изучайте его, а потом мы эту дрянь выбросим.

– Нет, нет. Для этого нужна современная биологическая лаборатория со всем соответству-

ющим оборудованием. Я могу лишь в самых общих чертах описать его строение и состав. У меня нет и быть не может даже предположений о таком важном моменте, как, например, его эволюция.

Мы не имеем права выбросить из люка, как обычные отбросы, одно из величайших ксенобиотических открытий последнего десятилетия. Я протестую – как человек и как ученый. Уверен, Кейн поддержал бы меня.

– Эта тварь кровоточила кислотой, чуть ли не продырявила насквозь корабль, – настаивала Рипли, кивком головы показав на предмет своей ненависти. – Одному Богу известно, что она способна сделать даже мертвая.

– Но теперь организм не опасен. Вы сами видите, он мертв и не причиняет вреда, – возражал Эш. – По-видимому, едкая жидкость уже абсорбирована мертвыми клетками и потеряла свою активность. Повторяю, организм не причиняет нам вреда.

– Пока не причиняет.

Эш умоляюще посмотрел на Далласа:

– Организм никак не прореагировал, когда мы кололи его куда угодно, даже в глаз. Приборы говорят, что он мертв, и я думаю, можно с полным основанием допустить, что он не превратился в зомби. Даллас, мы обязаны сохранить этот бесценный образец.

Капитан промолчал, и Эш продолжил:

– Кроме того, если нам не удастся вывести Кейна из коматозного состояния, медикам, которые будут лечить его на Земле, потребуется тот организм, который вызвал это состояние. Выбросив уникальный организм, мы, возможно, выбросим и секрет оживления Кейна.

Наконец Даллас заговорил:

- Вы - офицер-исследователь корабля. Это ваша сфера, вам и принимать решение.

- Считайте, что решение уже принято. - Эш почти с нежностью посмотрел на свое приобретение. - Я буду хранить его в специальном сосуде для консервации живых организмов. Тем самым мы предупредим возможность оживления. Уверен, мы с ним справимся.

- Вероятно, так же думал Кейн, - пробормотала Рипли.

Даллас строго посмотрел на нее. Рипли отвела взгляд, но продолжала:

- Итак, можно считать, что будущее этой твари обеспечено. А что будет с Кейном? - Она показала на медицинский стол.

Эш подошел к столу, осмотрел помощника капитана, уделив особое внимание его лицу со следами присосок, и включил сразу несколько медицинских приборов. Автодоктор зажужжал и вскоре начал выдавать результаты.

- У него повышенная температура тела.

- Сильно?

- Не очень. Ничего такого, с чем бы не смог справиться его организм. Сейчас машина введет жаропонижающее. Он все еще без сознания.

- Это я заметила, - съязвила Рипли.

Эш повернулся к ней.

- Вы могли и не заметить. Он может, например, спать, а это совсем другое состояние.

С языка Рипли уже был готов сорваться ответ, но ее опередил рассерженный Даллас:

- Прекратите эту перебранку.

Не хватало только ссор между членами экипажа, подумал он. Как будто мало других забот. Конечно, такие конфликты никак нельзя

было назвать неожиданными, если учесть, какое нервное потрясение они только что перенесли. И все же Даллас мог позволить только такие споры, которые помогли бы разрядить обстановку. Открытого антагонизма следовало избегать любой ценой. У капитана просто не было времени разбираться еще и с противоборствующими группами.

Чтобы отвлечь внимание Рипли и Эша друг от друга, капитан решил переменить тему:

- Итак, Кейн без сознания и с несколько повышенной температурой. Что-нибудь еще вы можете нам сообщить?

Эш снова повернулся к приборам.

- Больше ничего существенного приборы не показывают. Жизненно важные показатели Кейна по-прежнему в норме.

- Ваш прогноз на более длительный срок?

Эш заколебался.

- Я не медик. "Ностромо" не такой большой корабль, чтобы в составе его экипажа был врач.

- Или не настолько важный для Компании. Это мне известно. Но вы ближе нас всех к медицине. Я хотел бы услышать ваше мнение. Я не собираюсь заносить его в вахтенный журнал и уж тем более позднее предъявлять вам претензии. Черт возьми, я не могу предъявить вам никаких претензий, - Даллас медленно перевел взгляд на Кейна, своего помощника и друга.

- Не хотел бы показаться чрезмерным оптимистом, - обдумывая каждое слово, ответил Эш, - но судя по его состоянию и по данным приборов медицинского контроля, я бы сказал, что он может поправиться.

Даллас с облегчением улыбнулся и медленно кивнул.

- Такой ответ меня устраивает. О большем я не могу вас просить.

- Надеюсь, вы правы, - добавила Рипли. - Мы часто расходимся с вами во мнениях, но сейчас я молю Бога, чтобы вы оказались правы.

Эш пожал плечами.

- Мне очень хотелось бы сделать для Кейна нечто большее, но, как я уже говорил, это не моя специальность, а скорее сфера деятельности автодоктора. Именно в этот момент приборы дают ряд очень обнадеживающих результатов, но пока машина не знает, от чего ей следует лечить Кейна. Нам остается набраться терпения и ждать, когда машина выяснит, что с ним сделал чужой организм. Только тогда она сможет назначить курс лечения и приступить к нему, - объяснил Эш и неожиданно для всех расстроено добавил: - Мне очень жаль, что я не дипломированный врач. Не в моих правилах быть полностью зависимым от машин.

Рипли удивилась:

- Впервые в жизни слышу, чтобы вы недоброжелательно отозвались о машине.

- Идеальных машин не бывает. Они должны быть более гибкими. На корабле желательно иметь полностью оборудованный госпиталь, а не только этого крохотного автодоктора. Он не предназначен для таких сложных ситуаций, как та, в которую попал Кейн с этим... чужим организмом. Возможно, проблема для него окажется в принципе неразрешимой. Как и любая другая машина, автодоктор эффективен только в пределах заложенной в нем информации. Мне катастрофически не хватает медицинских знаний.

- Точно так же, - продолжала Рипли, - я

впервые слышу, чтобы вы признали ограниченность собственных знаний.

– Ни один человек не может знать всего, а потому сожаление об ограниченности знаний вполне естественно. По-моему, это относится к любому разумному живому существу, – парировал Эш и снова перевел взгляд на Кейна. – Сожаление такого рода многократно усиливается, когда человек сталкивается с чем-то, что находится вне пределов нашего опыта и понимания. Вот и сейчас у меня не хватает знаний, чтобы решить проблему, и оттого я чувствую себя беспомощным.

Эш осторожно ухватил чужую тварь хирургическими щипцами за пару щупалец, перенес ее в большой прозрачный сосуд и нажал кнопку на его крышке, обеспечив герметичность. Одновременно сосуд наполнился желтоватым сиянием.

Рипли напряженно следила за каждым движением Эша. Она была почти уверена, что чужая тварь вдруг оживет, растворит стекло сосуда и бросится на них. Только убедившись, что отныне тварь может угрожать ей разве только в ночных кошмарах, Рипли направилась к выходу из изолятора.

– Не знаю, как вы, – бросила она через плечо, – а я ничего не имела бы против чашки кофе.

– Хорошая мысль, – согласился Даллас и повернулся к Эшу: – Вы не возражаете, если мы оставим вас на несколько минут.

– Вы хотите сказать, не боюсь ли я остаться наедине с этим организмом? – Эш показал на герметичный сосуд и улыбнулся. – Я – ученый. Такие предметы и явления пробуждают во мне любознательность, а не страх. Со мной все будет в полном порядке, благодарю вас. Если что-

то изменится или произойдут какие-то сдвиги в состоянии Кейна, я немедленно сообщу.

– Договорились. – Даллас присоединился к ожидавшей его Рипли. – Пойдемте выпьем кофе.

Дверь изолятора плотно закрылась за капитаном и уорент-офицером. Они отправились на капитанский мостик, оставив Кейна на попечение автодоктора, а автодоктора – на попечение Эша...

8 Кофе помог если не успокоиться, то хотя бы смочить пересохшее горло. Тем временем “Ностромо” жил своей жизнью, и его совершенно не интересовала дохлая чужая тварь, сохраняемая в специальном сосуде в изоляторе. Капитанский мостик заполнили привычные шумы и запахи.

Рипли никак не могла успокоиться.

– Что вас тревожит? – спросил Даллас. – Вы все еще кипите из-за того, что Эш открыл шлюз и впустил нас?

Расстроенная Рипли ответила вопросом на вопрос:

– Как вы могли дать ему право принимать такие решения?

– Я уже говорил вам, – терпеливо ответил Даллас, – это я принял решение внести Кейна на борт, а не... Ах, вы имеете в виду сохранение этой дохлой твари?

– Да, – утвердительно кивнула Рипли. – О шлюзе говорить в любом случае уже поздно. Возможно, в этом я была не права. Но держать на борту эту тварь – мертвую или живую, мне все равно, – после того что она сделала с Кейном...

Даллас попытался успокоить Рипли:

- У нас нет никаких оснований утверждать, что чужая тварь причинила какой-то вред Кейну, разве что послала его в нокаут. Приборы говорят, что все остальное у него в норме. Что же касается этой твари, оставить ее на борту или выбросить... я всего лишь пилот, я только веду этот корабль.

- Вы капитан этого корабля.

- Это только своего рода почетное звание, которое в определенных ситуациях не дает решительно никаких полномочий. Паркер может без меня принимать любые решения, касающиеся состояния силовых установок и двигателей корабля. Во всем, что относится к области науки, последнее слово за Эшем.

- Как же так получилось? - Теперь в голосе Рипли звучало скорее любопытство, чем горечь.

- Так же, как и все остальное. По распоряжению Компании. Прочтите свое наставление, там все сказано.

- И с каких пор установилась такая практика?

Далласу начал надоедать этот допрос.

- Рипли, бросьте притворяться, будто вы ничего не понимаете. "Ностромо" - не военный корабль. Вы знаете не хуже меня, что у нас только одна практика - что нам скажет Компания, то мы и делаем. Так обстоит дело и с независимостью различных отделов, например научного. Если бы я не подчинялся этим правилам, я бы вообще не летал, по крайней мере на кораблях Компании.

- Что с вами случилось? Мечты об огромной премии за открытие поблекли перед перспективой потери товарища?

- Можете быть уверены, - резко ответил

Даллас, – что здоровье Кейна для меня дороже любой премии. К сожалению, сейчас об этом поздно говорить. Мы здесь, и что случилось, того уж не поправить.

Послушайте, оставьте меня в покое, договорились? Я – маленький человек, космический извозчик, и тем зарабатываю себе на жизнь. Если бы мне хотелось стать настоящим исследователем, чтобы мотаться по всей Вселенной в погоне за жирным куском, я вступил бы в Отряд освоения дальнего космоса. Тогда я успел бы уже раз десять потерять голову. Слава... Нет, благодарю. Это не для меня. Я буду счастлив, если вернется мой помощник. Больше мне ничего не надо.

На этот раз Рипли не стала возражать. Несколько минут она молча раздумывала, а когда снова заговорила, в ее тоне уже совсем не чувствовалось упрека.

– Вы часто летали с Кейном?

– Достаточно, чтобы хорошо узнать друг друга, – не поднимая головы, тихо ответил Даллас.

– А как насчет Эша?

– Опять вы за свое? – вздохнул Даллас; к сожалению, бежать от Рипли было некуда. – Что именно вас интересует?

– То же самое. Вы сказали, что хорошо знаете Кейна. А Эша вы знаете? Вы летали с ним прежде?

– Нет, – ответил Даллас; пока вопрос Рипли не пробудил в нем никаких подозрений. – Это наш первый совместный полет. Пять последних рейсов – разных, коротких и дальних, с самым различным грузом – я летал с другим офицером-исследователем. А на Тедусе за два дня до старта его вдруг сняли и назначили Эша.

Рипли многозначительно смотрела на капитана.

- Ну и что из того? - бросил Даллас. - Моего старого уорент-офицера тоже заменили, вместо него прислали вас.

- Я не доверяю Эшу.

- Нормальная реакция. Что касается меня... Я не доверяю никому, - парировал Даллас.

Пора сменить тему, подумал капитан. Пока он не мог сказать про Эша ничего плохого. Отличный специалист, правда, держится немного особняком. Но когда большую часть времени все проводят в гиперсне и пробуждаются лишь на время старта и посадки, то иметь добрые личные отношения вовсе не обязательно. Лишь бы выполнял свои обязанности, а что он за человек - наплевать, рассуждал про себя Даллас. Пока сомневаться в компетентности офицера-исследователя капитану не приходилось.

- Почему до сих пор не закончены ремонтные работы? - спросил Даллас.

Рипли бросила взгляд на хронометр, что-то прикидывая в уме.

- Должны были уже кончить. Наверно, им остались только кое-какие мелочи. Ну и еще нужно все проверить, конечно.

- Почему вы не сообщили мне раньше?

- Я уверена, что у них еще осталась работа, иначе они доложили бы сами. Послушайте, неужели вы думаете, что я выгораживаю Паркера?

- Нет. Что еще нам нужно сделать?

Рипли ввела запрос в свой компьютер и тут же получила ответ.

- Пока мы полностью лишены связи на уровнях В и С. Там безнадежно повреждены все сканеры, их нужно менять.

- Меня не интересуют уровни В и С, там

все равно смотреть не на что. Я и без сенсоров знаю, что там происходит. Что-нибудь еще?

- Во время посадки вышли из строя резервные силовые установки. Помните, сколько хлопот они нам доставили?

- Но главные установки в порядке?

Рипли утвердительно кивнула.

- Тогда резервные силовые установки - это чепуха. Без них мы можем взлететь, перейти в гиперпространство, лечь в холодильные камеры и спокойно проспать весь путь до дома. Это лучше, чем без толку болтаться здесь.

- Вы уверены? Я хочу сказать, вы уверены, что разумно взлетать без резервных?

- Возможно, не очень разумно. Но я хочу убраться с этой планеты, и чем скорее, тем лучше. С этим сигналом бедствия мы сделали все, что могли. Во всяком случае спасти здесь точно некого - разве только Кейна. Пусть Компания отправляет сюда специальную экспедицию, оснащенную соответствующим образом, и пусть ученые хоть сто лет копаются в том брошенном корабле. Я сыт по горло. Давайте запускать нашу птичку в небо.

На капитанском мостике каждый занял свое место. О Кейне и дохлой чужой твари на время забыли, забыли обо всем, кроме подготовки к старту. Теперь это снова была единая команда. Личные обиды и субъективные мнения отошли на задний план, уступив место единому желанию - оторвать буксир от планеты и вывести его в спокойное, чистое космическое пространство.

Эш вернулся из изолятора и тоже занял свое место.

- Главные двигатели включены, - доложил он.
- Понятно, - отозвалась Ламберт.
- Сэр, резервная силовая установка и резервные двигатели по-прежнему не работают, - напомнила Рипли. Нахмурившись, она недовольно смотрела на красный световой сигнал на своей верхней приборной панели.

- Да, знаю. Штурман, маршрут выбран?

Ламберт возилась со своими приборами.

- Выход на орбиту рассчитан и введен в машину. Его надо еще согласовать с положением нефтеперерабатывающей установки и резервуаров. Ответ будет готов через минуту. Вот он, - доложила Ламберт и нажала одну за другой несколько кнопок.

На табло над рабочим местом капитана зажглись яркие цифры.

- Отлично. При необходимости мы внесем коррективы, когда оторвемся от планеты. Приготовиться к старту.

Двигатели космического корабля подняли тучи пыли. "Ностромо" задрожал. Рев двигателей заглушил шум урагана, эхом отразился от вулканических образований и сотряс острые базальтовые скалы.

- Корабль готов к старту, - доложила Рипли.

Даллас повернулся к Эшу:

- Состояние корабля?

Эш еще раз просмотрел показания приборов.

- Пока все в порядке. Надолго ли, не знаю.

- Так надолго, чтобы мы успели взлететь, - сказал Даллас и включил микрофон внутренней связи. - Паркер, как дела в машинном отделении? Мы сможем стартовать без резервных двигателей?

Если им не удастся преодолеть притяжение

планеты с помощью одних главных двигателей, придется сразу переходить в гиперпространство. Это Даллас хорошо понимал. Но достаточно побыть одну-две секунды в гиперпространстве, чтобы оказаться далеко за пределами звездной системы. Тогда снова нужно будет искать эту планету, сближаться с ней и брать на буксир свой груз. Такие поиски потребуют дополнительное время, причем работать придется всему экипажу, а всеобщее бодрствование означает лишний расход драгоценного воздуха. Каждая минута без гиперна отнимала его многие литры, а мощность регенерирующих установок корабля была ограниченной. Когда воздух станет непригодным для дыхания, придется возвратиться в холодильные камеры независимо от того, найдут они свою нефтеперерабатывающую установку и резервуары с нефтью или нет.

Даллас представил себе плывущий высоко над ними гигантский завод, попробовал прикинуть, сколько столетий им придется выплачивать штраф из своих весьма скромных заработков, чтобы компенсировать Компании потерю груза.

Ответ Паркера если не утешил, то по крайней мере обнадежил капитана:

– Пока машины в порядке. Но учтите, мы их только кое-как подлатали. Сделать полный ремонт можно только в доке.

– Корабль не развалится?

– Должен выдержать, если при взлете мы не встретим слишком мощные вихревые потоки. Иначе могут полететь новые блоки... и тогда, считайте, наша песенка спета. Второй раз мы их неотремонтируем.

– Так что взлетайте аккуратней, – добавил Брет, не поднимаясь со своего рабочего места.

– Понял вас. Постараемся быть внимательнее. Нам нужно только выйти в зону невесомости, а потом уже ничто не мешает нам добраться до Солнца через гиперпространство. Пусть тогда эти проклятые блоки лопаются, как мыльные пузыри. Но пока мы не выйдем на орбиту, держите их в целостности и сохранности как угодно – даже если вам придется затыкать дыры своими руками.

– Сделаем, что от нас зависит, – сказал Паркер.

– Понял. Мостик передачу закончил, – сказал Даллас и повернулся к уорент-офицеру.

Рипли теперь приходилось работать за двоих – за себя и за Кейна.

– Поднять корабль на сто метров. Убрать опоры, – приказал Даллас, не отрывая глаз от своих приборов. – Я буду держать корабль в точке.

– Высота сто метров, – доложила Рипли через минуту.

Двигатели взревели еще громче, корабль оторвался от выжженной, продуваемой всеми ветрами планеты и повис точно на высоте ста метров над ее поверхностью. Под кораблем бушевала пыльная буря. Поддерживавшие “Ностромо” массивные опоры сложились и аккуратно спрятались в корпус корабля.

Глухой удар подтвердил сообщения компьютеров.

– Опоры втянуты, – доложила Рипли. – Закрываем экраны.

На гнезда, в которых укрылись опоры, надвинулись металлические крышки, надежно изолировавшие их от пыли и атмосферы чужой планеты.

– Приготовиться! – скомандовал Эш.

– Понял вас. Кейна нет, так что, Рипли, все в ваших руках. Поднимайте корабль.

Рипли, заняв место помощника капитана, с силой нажала на двойной рычаг. Рев двигателей мог оглушить кого угодно, но, к сожалению, на планете не было ни одного существа, которое, услышав этот звук, восхитилось бы достижениями человеческого гения. Слегка задрав нос, “Ностромо” устремился в небо.

– Ускоряемся, – сказала Рипли и нажала еще несколько кнопок. – Поехали.

Корабль встал почти вертикально и ринулся вверх, с каждым мгновением увеличивая скорость. Мощные ветры пытались ухватить “Ностромо” за его металлическую шкуру, но им не удавалось ни замедлить полет, ни изменить его курс.

Внимание Ламберт было приковано к одному прибору.

– Высота тысяча метров. Поднимаемся. Легли на курс. Выходим на орбиту через пять целых тридцать две сотых минуты, – доложила штурман и про себя добавила: если не развалимся еще раньше.

– Пока все идет нормально, – пробормотал Даллас, с удовлетворением отметив, что на экране в нужной точке перекрестились две линии. – Включить искусственное тяготение.

Ламберт щелкнула переключателем. У экипажа было такое ощущение, будто корабль натолкнулся на невидимое препятствие. Исчезающее притяжение оставшейся далеко внизу крохотной планетки уступило место мощному искусственному тяготению, и этот переход, как обычно, вызвал у Далласа неприятное чувство.

– Искусственное тяготение включено, – доло-

жила Ламберт, как только ее организм начал приспосабливаться к резкому изменению силы тяжести.

Глаза Рипли перебегали с одного прибора на другой. Она заметила небольшое отклонение и поспешила его исправить.

– Неравномерная тяга по оси корабля. Изменяю соотношение, – сообщила она, легонько ударила по переключателю и с удовольствием следила за возвращающейся в нужное положение подрагивающей стрелкой. – Отклонение компенсировано. Теперь легли на курс. Все в порядке.

Даллас уже готов был поверить, что “Ностромо” без осложнений выйдет на орбиту, как вдруг капитанский мостик резко тряхнуло. Вещи астронавтов полетели на пол, за мгновение в сознании каждого из них пронеслись тысячи мыслей. Резкий толчок не повторялся.

– Что это было, черт возьми? – удивился Даллас.

Как бы в ответ на его вопрос загудел сигнализатор системы внутренней связи.

– Паркер, это вы?

– Да. У нас опять неприятности.

– Серьезные?

– Перегрев четверки по правому борту. Судите сами, серьезно это или нет.

– Можете исправить повреждение?

– Вы смеетесь? Я заглушил всю четверку.

– Опять нужно корректировать неравномерность тяги, – недовольно объявила Рипли.

– Делайте все что угодно, только продержитесь, пока мы не выйдем на орбиту, – выкрикнул Даллас в микрофон.

– А чем же, по-вашему, мы здесь занимаемся?

Громкоговоритель замолчал.

Даже находящиеся на капитанском мостике члены экипажа заметили, что звук работающих двигателей немного изменился. Все смотрели только на свои приборы, боясь заглянуть друг другу в глаза, чтобы не увидеть в них отражение собственного страха.

Хотя и с меньшей скоростью, "Ностромо" по-прежнему легко преодолевал мощный облачный слой. За этим слоем лежал долгожданный открытый космос, там плыл по орбите груз буксира.

В отличие от относительно спокойной обстановки на капитанском мостике в машинном отделении кипела лихорадочная деятельность. Согнувшись в три погибели, обливаясь потом и проклиная все на свете, Брет опять полез в трубу.

- Нашел? - спросил стоявший рядом Паркер.

- Да. Думаю, нашел. Пыль снова забивает эти чертовы заборные устройства. Теперь перебивается второе.

- Я думал, мы надежно закрыли его от пыли.

- Я тоже так думал. Видно, опять соскочил защитный экран. Эти проклятые машины слишком нежные.

- Они и не предназначались для полетов сквозь тучи пыли, - напомнил Паркер коллеге. - Продержаться бы еще пару минут, тогда мы успели бы проскочить.

Еще один сильный удар сотряс капитанский мостик. По-прежнему все сидели на своих местах, не сводя глаз с приборов. Даллас хотел было вызвать машинное отделение, но решил, что сейчас этого делать не стоит, у инженеров и без того хватает хлопот. Если бы Паркеру

было что сообщить, он бы сам связался с капитаном.

Давай, ну давай же, умолял про себя капитан. Поднимайся же скорей. Он поклялся непременно добиться для Паркера и Брета той самой премии, о которой они ему все уши прожужжали - если только им удастся заставить работать главные двигатели еще хотя бы пару минут. Стрелка на одном из приборов показывала, что гравитационное притяжение планеты быстро уменьшается. Еще минуту, еще какую-то ничтожную минуту, умолял капитан, машинально поглаживая ближайшую стенку корабля.

Наконец "Ностромо" прорвал сплошной облачный слой и вышел в открытое пространство. Еще через пятьдесят секунд на приборной панели Далласа стрелка индикатора гравитационного притяжения планеты упала до нуля.

На капитанском мостике раздались не предусмотренные уставом искренние радостные возгласы.

- Выбрались! - выкрикнула Рипли, откинувшись на мягкую спинку кресла. - Черт побери! Все-таки мы пробились!

- Когда нас потрянуло первый раз и мы начали терять скорость, я думал, мы так и не выйдем на орбиту, - хриплым от волнения голосом признался Даллас. - Я уже представил себе, как все ближайшие холмы будут усеяны обломками "Ностромо". Конечно, всегда можно сразу перейти в гиперпространство, но тогда мы потеряли бы наш драгоценный груз.

- Вы излишне драматизируете события, - серьезно возразила Ламберт. - В крайнем случае мы могли бы снова произвести посадку и остаться на той планете. Тогда включился бы наш

автоматический сигнал бедствия. Мы отдыхали бы в гиперсне, а каким-то другим счастливицам пришлось бы срочно просыпаться и спасать нас.

Пока ничего не говори о премиях, предупредил себя Даллас. Приятно удиви их, когда они проснутся на околоземной орбите. Но сейчас те двое из машинного отделения заслужили по меньшей мере устную благодарность. Он включил микрофон внутренней связи.

– Отличная работа. Как корабль?

– Теперь, когда мы выбрались из облачного слоя, двигатели мурлычат не хуже Джонса, – ответил Паркер.

На мгновение голос инженера заглушил резкий щелчок. Даллас нахмурился, не сразу сообразив, что означает этот звук. Потом догадался: наверно, Паркер рядом с микрофоном открыл банку с пивом.

– Все шло как по маслу, – довольно продолжал инженер. – Уж если мы что-то поставили, оно будет стоять вечно.

Громкоговоритель донес до капитанского мостика булькающий звук. Можно было подумать, что Паркер тонет.

– Конечно, – согласился Даллас. – Отличная работа. Отдыхайте. Вы... Вы оба заслужили отдых. Да, кстати...

– Что?

– Когда мы выйдем на околоземную орбиту и вы будете докладывать вашему отделу о своей работе, держите пиво подальше от микрофона.

Булькающие звуки прекратились.

Довольный Даллас выключил микрофон и, не обращая ни к кому конкретно, сказал:

– Подсчитаем заработанное и разбредемся по домам. А Ламберт загонит “Ностромо” в гараж.

Угол подъема корабля начал уменьшаться. Че-

рез несколько минут загудело сигнальное устройство над рабочим местом штурмана.

- А вот и наш груз, - сообщила Ламберт товарищам. - Точно там, где и должен быть.

- Хорошо, - отозвался Даллас, не отрываясь от приборов. - Подводите корабль. Приготовиться к стыковке.

Загудели двигатели, и космический буксир на мгновение застыл на одной высоте с транспортом - огромной горой из металла и пластика. Рипли щелкнула переключателем, и буксир повернулся кормовой частью к темной громаде нефтеперерабатывающей установки.

- Корабль занял позицию для стыковки, - доложила она.

- Сближайтесь, - приказал Даллас, внимательно наблюдая за показаниями приборов. Его правая рука застыла над рядом красных кнопок.

- Сближаемся, - докладывала Рипли, следя одновременно за двумя экранами. - Расстояние сокращается. Двадцать... пятнадцать... стыковка! - Она резко щелкнула тумблером.

Даллас одну за другой нажал красные кнопки.

- Главная силовая установка отключена, двигатели компенсированы. Корабль инерционно устойчив. Включить гиперсиловую установку.

- Гиперсиловая включена, - сообщила Рипли. - "Ностромо" связан с транспортом.

Гиперсиловая установка должна была генерировать гиперполе такого объема, чтобы в нем смогли разместиться и буксир, и резервуары с нефтью, и нефтеперерабатывающая установка. Гиперполе будет перемещаться в пространстве вместе с буксиром и грузом, надежно отгородит их от внешнего мира и непостижимым образом позволит им путешествовать быстрее света.

– Установить курс на Землю, – торжественно распорядился Даллас. – А потом, Рипли, раско-чегаривайте нашу главную топку до четырехкратной скорости света.

– С удовольствием.

– Курс рассчитан и введен в машину, – доложила Ламберт через минуту, а про себя добавила: ноги мои ноги, уносите меня скорей отсюда.

Рипли включила гипердвигатели. Крошечная планетка и навечно прикованный к ней чужой корабль моментально исчезли, как будто их никогда и не было. “Ностромо” быстро преодолел барьер скорости света. Вокруг корабля и его груза образовалась сияющая корона. Располагавшиеся по курсу корабля звезды стали голубыми, а те, что остались за кормой, приобрели ярко-красный цвет.

“Ностромо” мчался к Земле, и все шестеро членов экипажа облегченно вздохнули. Вместе с ними домой возвращалось и то, что когда-то было Кейном...

В столовой четверо членов экипажа, не торопясь, потягивали кофе, чай, а кто и что другое – в зависимости от вкусов и привычек. Их психическое состояние еще несколько минут назад можно было сравнить с натянутой до предела струной. А теперь один перебросил ноги через подлокотник кресла, другой развалился, блаженно расслабившись.

Ламберт все еще оставалась на капитанском мостике; она могла позволить себе расслабиться лишь после окончательной проверки курса корабля. Эш спустился в изолятор, понаблюдать за Кейном. Помощник капитана и его состояние теперь стали главной темой разговоров.

Паркер отхлебнул горячего чаю, слишком громко причмокнув губами, и своим обычным безапелляционным тоном заявил:

– Лучше всего его просто заморозить. Затормозить эту чертову болезнь.

– Мы же понятия не имеем, как скажется замораживание на его здоровье, – возразил Даллас. – Не исключено, что в холодильной камере ему станет хуже. Что помогает при земных заболеваниях, сейчас может только ухудшить состояние Кейна.

– Но, черт возьми, это все же лучше, чем вообще ничего не делать, – развивал свою мысль Паркер, размахивая чашкой. – Между прочим, автодоктор до сих пор тоже так поступал: ничего не делал. Эш правильно сказал, что автодоктор сейчас просто не в состоянии справиться с болезнью Кейна, какой бы она ни была. Этот медицинский компьютер предназначен только для лечения таких простых штук, как боязнь невесомости или переломы. Все мы согласны, что Кейну нужна высококвалифицированная медицинская помощь.

– Которую, как вы только что сказали, мы ему оказать не можем.

– Правильно. – Паркер развалился в кресле. – Совершенно верно. Поэтому я и предлагаю заморозить его до тех пор, пока мы не вернемся домой и им не займется врач, специалист по болезням других миров.

– Верно, – добавил Брет.

Рипли недоумевающе покачала головой.

– Брет, что бы Паркер ни говорил, вы всегда добавляете “верно”. Вы сами обращали на это внимание? – спросила она.

– Верно, – улыбнулся Брет.

Рипли повернулась к инженеру.

– Паркер, а вы что думаете по этому поводу? Ваш подчиненный ходит за вами по пятам и говорит одно слово – “верно”. Настоящий попугай.

Паркер посмотрел на Брета:

– Действительно, Брет, завязывай со своим “верно”. Ты что, попугай?

– Верно.

– О, Бога ради, прекратите, – вмешался Даллас и тут же пожалел о нечаянно сорвавшихся с языка словах. Немного легкомысленной болтовни пошло бы всем только на пользу, особенно сейчас, а он затыкает им рты. Должен ли он вести себя именно так? Между членами экипажа давно установились неофициальные отношения, все были равны, никто не претендовал на роль босса и не требовал беспрекословного подчинения. Так почему же Даллас вдруг почувствовал необходимость напомнить им, что капитаном здесь является он?

Может быть, потому что они только что были в критической ситуации, когда кто-то должен считаться “ответственным”. Надоела мне эта ответственность, признался себе Даллас. Паршивая работа. Он охотно поменялся бы местами с Рипли или Паркером. Особенно с Паркером. Инженеры могут уединиться в своей каморке в машинном отделении, и им плевать на все, что их не задевает самым непосредственным образом. Если силовые установки и двигатели корабля работают нормально, то они не отвечают ни за что и ни перед кем – только друг перед другом.

Неожиданно Далласу пришло в голову, что ему вовсе не нравится принимать решения. Видимо, поэтому он и был капитаном старого бук-

сира, а не новенького лайнера. Еще бóльшим откровением стала мысль, что, быть может, именно по этой причине он никогда не жаловался на судьбу. На буксире капитан большую часть времени проводит в гиперсне, ровным счетом ничего не делая, только смотрит сны – и получает за это деньги. А самое главное, в гиперсне не нужно принимать никаких решений.

Скоро, утешил себя Даллас, скоро все они возвратятся в свои комфортабельные индивидуальные коконы. Там в их вены будут введены иглы, по ним потечет снотворное средство, их сознание отключится от реальности и унесется в ту благословенную страну, где не нужно принимать никаких решений и где их не подстерегают неприятные сюрпризы негостеприимной Вселенной.

Вот только допьем кофе, сказал себе Даллас.

– Кейну придется проходить карантин, – рассеянно заметил он, смакуя кофе маленькими глотками.

– Да, и всем нам тоже, – отозвалась Рипли.

Эта мысль испортила настроение. Оно и понятно: им предстояло проделать такой непростой путь к Земле только для того, чтобы потом провести долгие недели в изоляторе, пока медики окончательно не убедятся, что ни один из них не несет с собой ничего похожего на тот организм, который надолго уложил Кейна. Рипли размечталась о зеленой траве под ногами и о голубом небе, о пляже в прекрасном городке на эль-сальвадорском берегу; в том райском уголке не было ни одного многоэтажного здания. Расставаться с такими мечтами не хотелось.

В столовую вошла уставшая и подавленная Ламберт. Все повернулись к ней.

– Как вам понравится, если я немного испорчу вам настроение? – сказала она.

– Начинайте с меня, – ответил Даллас, внутренне уже готовый к неприятному известию. Он знал, с какой целью осталась Ламберт на капитанском мостике.

– Если мои расчеты верны, то учитывая время, затраченное на непредвиденное отклонение от маршрута, на пребывание на той планетке и на выход на прежний маршрут...

– Будьте добры, покороче, – прервал ее Даллас. – Все мы знаем, что “Ностромо” отклонился от маршрута, уловив тот сигнал. Сколько нам до Земли?

Ламберт налила себе кофе, упала в кресло и с досадой сказала:

– Десять месяцев.

– Боже, – испуганно отозвалась Рипли, изучая дно своей чашки. Мечты о голубом небе, траве и пляже померкли, растворившись в бледном сине-зеленом тумане. Конечно, в гиперсфере десять месяцев мало отличались от одного, но человеку свойственно мыслить в реальном масштабе времени. Рипли предпочла бы услышать от штурмана, что им потребуется меньше времени, ну хотя бы месяцев шесть.

Зажужжал сигнал внутренней связи. Даллас включил громкоговоритель.

– Что случилось, Эш?

– Идите скорее сюда, взгляните на Кейна.

Слова Эша по своему смыслу должны были бы выражать тревогу, но в его тоне ощущалась скорее радостная растерянность.

Даллас встал. Его примеру последовали и другие.

– Что-то изменилось в его состоянии? Насколько серьезно?

– Будет проще и яснее, если вы сами на него посмотрите.

Все дружно бросились в коридор. На столе остывал недопитый кофе.

Пока Даллас бежал до изолятора, в его мыслях пронеслись тысячи самых ужасных картин, подсказанных разыгравшимся воображением. Какие кошмарные последствия мог оставить чужак в организме его помощника? Даллас представил себе, как по стенам изолятора по-хозяйски ползают полчища крохотных серых тварей, зловеще поблескивая единственным глазом, или как гниющий труп несчастного Кейна поедает неизвестный прожорливый грибок.

Задышавшись от быстрого бега по коридорам и трапам, астронавты добрались наконец до медицинского изолятора. Оказалось, что по стенам изолятора не ползают размножившиеся чужие твари, а тело помощника капитана не украшают колонии грибков или каких-либо других паразитов.

Однако когда Эш сказал, что состояние Кейна изменилось, он явно преуменьшил происшедшие изменения.

Помощник капитана сидел на медицинском столе. Его глаза были открыты, взгляд был чистым и вполне осмысленным. Он повернул голову навстречу вбежавшим в изолятор взволнованным, задыхающимся астронавтам.

– Кейн? – Ламберт не верила своим глазам. – С тобой все в порядке? – Выглядит он хорошо, ошеломленно думала она. Как будто вообще ничего не было.

– Вы что-нибудь хотите? – спросила Рипли, когда Кейн не ответил на вопрос Ламберт.

– Во рту все пересохло, – сказал он.

Даллас вдруг понял, кого напоминал ему

Кейн в теперешнем состоянии – человека, только что вышедшего из состояния глубокой амнезии. Помощник капитана казался живым и здоровым, но он как бы всему удивлялся без особых на то причин. Впечатление было такое, будто он с трудом приводит в порядок свои мысли.

– Можно немного воды?

Эш быстро подошел к шкафчику, достал чашку с водой, передал ее Кейну. Тот осушил чашку залпом. Даллас машинально отметил, что координация движений у его помощника не нарушена. Движение руки, подносящей чашку ко рту, было выполнено автоматически, без раздумий и колебаний.

Даллас испытывал одновременно огромное облегчение и беспокойство. Ситуация казалась неправдоподобной. С Кейном, должно быть, что-то не так, думал он.

– Еще, – сказал Кейн.

Пока все его действия свидетельствовали о том, что он полностью владеет собой и поступает совершенно сознательно.

Рипли нашла большой стакан, наполнила его до краев и передала Кейну. Тот мгновенно осушил стакан, как будто лет десять скитался по пустыням Пиолина, и, тяжело дыша, упал на подушку.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Даллас.

– Ужасно. Что со мной произошло?

– Вы не помните? – уточнил Эш.

Значит, удовлетворенно подумал Даллас, аналогия с амнезией была даже ближе к истине, чем он предполагал.

Кейн слегка поморщился – больше от долгого бездействия мышц, чем по какой-либо более серьезной причине – и глубоко вздохнул.

- Ничего не помню. Едва могу вспомнить собственное имя.

- Разрешите... Исключительно для отчета... и для истории болезни, - с профессиональным интересом спросил Эш. - Как ваше имя?

- Кейн. Томас Кейн.

- Это все, что вы помните?

- Пока что все. - Кейн медленно обвел взглядом столпившихся вокруг него товарищей по экипажу. - Все ваши лица мне знакомы, но пока я не могу никого назвать по имени.

- Скоро назовете, - заверил его Эш. - Вы вспомнили, как вас зовут, и вы помните лица. Это неплохое начало, оно свидетельствует о том, что вы лишь частично утратили память. Так сказать, легкая форма амнезии.

- У вас что-нибудь болит? - спросил Паркер. Как ни странно, но первый разумный вопрос задал именно он.

- Абсолютно все. Я чувствую себя так, как будто меня били палкой лет шесть, - ответил Кейн. Он опять приподнялся, свесил ноги и улыбнулся. - Боже, как же я голоден. Как долго я был без сознания?

Даллас, все еще не вполне веря своим глазам, не отводил взгляда от казавшегося вполне здоровым Кейна.

- Пару дней. Вы уверены, что совершенно ничего не помните из того, что с вами произошло?

- Ничего, совершенно ничего.

- Расскажите нам, что последнее вы запомнили? - спросила Рипли.

- Не знаю.

- Вы были вместе с Далласом и Ламберт на неизвестной планете. Вы исследовали планету. Помните, что там случилось?

Кейн наморщил лоб, отчаянно стараясь пробиться сквозь пелену густого тумана, плотно заслонявшего все его воспоминания. Они оставались мучительно недостижимыми, все попытки связать их с действительностью были труднейшим, почти безнадежным процессом.

– Помню какой-то кошмарный сон, будто меня кто-то душил. Где мы сейчас? Все еще на планете?

Рипли отрицательно покачала головой.

– Нет. С радостью могу сообщить, что мы уже не на планете. Мы в гиперпространстве, возвращаемся домой.

– Готовимся вернуться в холодильные камеры, – с удовольствием добавил Брет. Сейчас он не меньше других мечтал о спасительном гиперсне, когда не нужно думать ни о чем, когда можно будет забыть о случившемся, как о ночном кошмаре.

Глядя на воскресшего Кейна, не верилось, что именно он принес на корабль омерзительную чужую тварь, ту самую, которая теперь неподвижно лежала в герметичном сосуде. Но тварь реально существовала, в этом было трудно убедиться, бросив взгляд на сосуд.

– С большим удовольствием присоединюсь к вам, – охотно сказал Кейн. – У меня кружится голова, и я так устал, что готов перейти в гиперсон и без холодильной камеры. – Он обвел беспокойным взглядом изолятор. – Правда, сейчас я страшно хочу есть. Прежде чем заснуть, мне просто необходимо основательно подкрепиться.

– Я тоже здорово проголодался, – сказал Паркер, а нескромно заурчавший желудок подтвердил его слова. – Выходить из гиперсна на

пустой желудок вдвойне неприятно. Лучше всего ложиться спать после сытного обеда. Тогда легче просыпаешься.

– Не буду спорить, – согласился Даллас; он понял, что сейчас самое время устроить небольшой праздник. В отсутствие спиртного небольшой торжественный обед перед сном придется как раз кстати. – Можем пообедать всей командой. Последний раз перед сном...

9 В столовой к чашкам с кофе и чаем добавились тарелки. Каждый заказал свое любимое блюдо. Астронавты ели не спеша – не столько потому что наслаждались пищей, приготовленной автоповаром, сколько из-за того, что наступил торжественный момент – снова вся команда была в полном составе.

Один лишь Кейн с невероятной прожорливостью поглощал одно за другим синтетические мясные и овощные блюда. Он уже расправился с двумя обычными порциями и принялся за третью, ни на йоту не снижая темпа. В центре стола устроился Джонс; он деликатно ел из своей тарелочки, демонстративно не обращая внимания на бесстыдное человеческое обжорство.

Наконец Кейн на секунду оторвал голову от тарелки. Не переставая жевать и размахивая ложкой, он заговорил:

– Когда мы вернемся домой, я первым делом наемся доотвала приличной пищи. Меня уже тошнит от этой синтетики. Не знаю, что там говорится в инструкциях Компании, только эта дрянь воняет регенерацией. Сколько не сып сюда специй и приправ, все равно вонь остается.

– Мне приходилось довольствоваться пищей и

похуже, – задумчиво заметил Паркер. – Впрочем, и лучшую я тоже едал.

Ламберт неодобрительно покосилась на инженера. Вилка с бифштексом, который на самом деле не был бифштексом, застыла в воздухе.

– Для человека, которому не нравится эта пища, вы слишком быстро ее поглощаете, как будто завтра наступит конец света, – сказала она.

– Да нет, вы меня не поняли, я хотел сказать, что меня она вполне устраивает, – объяснил Паркер, цепляя вилкой новую порцию.

– Вы это серьезно? – не отрываясь от своей тарелки, Кейн бросил на инженера недоверчивый взгляд, будто усомнился в его здравом рассудке.

– Да, устраивает. – Паркер старался говорить так, чтобы ни у кого не создалось впечатление, будто он оправдывается. – В каком-то смысле можно считать, что эта пища выросла на нас.

– Выросла, – парировал Кейн, – действительно выросла. Вы отлично знаете, на чем она растет.

– Знаю, – ответил Паркер. – Ну и что? Теперь это вполне приличная пища. Уж не вам бы об этом говорить, вы ее глотаете с завидным аппетитом.

– Мне простиительно, – оправдывался Кейн, отправляя в рот очередной кусок синтетического бифштекса. – Я умираю от голода, – он оглядел всех сидящих за столом. – Кто-нибудь знает, амнезия в самом деле влияет на аппетит?

– При чем тут, черт возьми, амнезия, – вмешался Даллас, лениво ковыряя вилкой все в той же первой порции. – В нише автодоктора вы получали только питательные растворы. Сахаро-

зу, глюкозу. Внутривенно. Этого достаточно, чтобы поддерживать жизнь, но сыт этим не будешь. Ничего удивительного, что вы проголодались.

– Да, – согласился Кейн, отправляя в рот очередной кусище. – У меня такое ощущение, как будто я... как будто я... – Он замолчал, его лицо исказила гримаса боли, сменившаяся выражением смущения и отчасти страха.

К Кейну наклонилась Рипли.

– Что с вами? Что-то не так? Вам что-то попало в пищу?

– Нет... Не думаю. Судя по вкусу, пища как пища. Не думаю... – Кейн снова замолчал, не закончив фразы. Его лицо было напряжено, он застонал.

– Тогда в чем же дело? – спросила обеспокоенная Ламберт.

– Не знаю. – Лицо Кейна снова исказилось от боли; сейчас он напоминал боксера, пропустившего сильнейший удар в живот. – Какие-то приступы, спазмы... и все хуже и хуже.

Астронавты с нескрываемой тревогой смотрели, как помощник капитана корчится от боли и страха. Не в силах больше сдерживаться он громко застонал, обеими руками крепко ухватившись за край стола. От напряжения суставы его пальцев побелели, на руках вздулись вены. Кейн дрожал всем телом, как от холода, хотя в столовой было достаточно тепло.

– Постарайтесь дышать глубже, – порекомендовал Эш.

Других советов не последовало.

Кейн попробовал выполнить рекомендацию Эша, но глубокий вдох перешел в пронзительный вопль.

- Боже, как больно! Больно! Больно! - выкрикнул Кейн, неуверенно приподнялся, не осмеливаясь оторвать дрожащие руки от стола. - О-о-о-о!

- Что такое? - беспомощно бормотал Брет. - Что болит? Что-нибудь в...

Гримаса смертельной агонии, исказившая лицо Кейна, заставила Брета замолчать быстрее, чем самый грозный окрик. Помощник капитана безуспешно попытался встать из-за стола и снова упал в кресло. Он уже не контролировал свои движения. Его глаза налились кровью, он издал долгий вопль, от которого у его товарищей мороз пробежал по коже. Эхо многократно повторяло вопль, не щадя нервы астронавтов.

- Смотрите, его рубашка... - пробормотала Рипли.

Ее тоже парализовал страх, но уже по другой причине. Рукой она показывала на поднимающуюся грудную клетку помощника капитана.

На рубашке Кейна появилось красное пятно. Оно быстро расплывалось, и скоро вся нижняя часть груди помощника капитана превратилась в сплошное кровавое месиво. Тут же последовал омерзительный звук рвущейся ткани, на секунду заглушивший даже его крики. Рубашка лопнула, как спелый арбуз, и разошлась, а из образовавшейся дыры высунулось что-то вроде головы или черепа размером с кулак. Голова корчилась и извивалась, будто вслед за ней должно было показаться тело змеи. Казалось, она вся покрыта множеством острых, залитых кровью зубов. Розовая слизь покрывала отвратительно бледную кожу. Никаких других наружных органов, даже глаз, не было видно. Мерзкая тварь издавала тошнотворное зловоние.

Все инстинктивно отшатнулись от стола, раздалась панические возгласы ужаса, заглушившие даже крики Кейна. Прежде других на появление чужой твари среагировал Джонс; шерсть на нем встала дыбом, он выгнул спину дугой, грозно зашипел и в два прыжка исчез из столовой.

Неожиданно зубастая голова стремительно взлетела. Казалось, из груди Кейна вырвалась кровавая струя. Голова и шея чужой твари сидели на небольшом плотном торсе, покрытом такой же белой кожей. Мощные когтистые конечности позволили твари прыгнуть неожиданно далеко. Она грузно шлепнулась на стол среди тарелок и чашек, оставляя за собой следы крови и слизи. За тварью тянулись обрывки внутренних Кейна. Кошмарное создание показалось Далласу похожим на внезапно ожившую общипанную индейку, у которой вместо шеи торчали два ряда острых зубов.

Прежде чем люди успели прийти в себя и что-то предпринять, чужая тварь изогнулась, со скоростью ящерицы спрыгнула со стола и исчезла в коридоре.

Несколько минут в гробовой тишине слышно было только тяжелое дыхание астронавтов. Никто не решался ни двинуться, ни сказать хотя бы слово. Мертвый Кейн лежал в кресле; его голова была откинута назад, рот широко открыт. Даллас почувствовал облегчение: значит, ни ему, ни кому другому не придется смотреть в глаза живому Кейну.

В груди помощника капитана зияла рваная рана. Даже издали Даллас заметил, как чужая тварь раздвинула внутренние органы человека, не нанеся ему никаких повреждений, чтобы создать для себя достаточно вместительную полость.

Посуда была беспорядочно разбросана по столу. Недоеденный обед был обильно залит кровью Кейна.

– Нет, нет, нет, нет!.. – снова и снова повторяла Ламберт, не сводя невидящего взгляда со стола.

– Что это было? – пробормотал Брет, уставившись на труп Кейна. – Ради Бога, скажите, что это было?

Рипли отвернулась; ее стошнило. На этот раз Паркер забыл все свои насмешки.

– Все это время тварь росла в Кейне, а он даже не подозревал об этом.

– Она использовала Кейна в качестве инкубатора, – спокойно теоретизировал Эш. – На Земле аналогичные взаимосвязи существуют между некоторыми видами ос и пауков. Оса сначала парализует паука, потом откладывает яйца на его теле. Когда выводятся личинки, они начинают пожирать...

– Бога ради! – завопила Ламберт; она наконец вышла из транса. – Ради всего святого, молчите!

Эш, казалось, обиделся.

– Я хотел всего лишь...

Потом он перехватил многозначительный взгляд Далласа, чуть заметно кивнул и сменил тему:

– Все происшедшее очевидно.

Даллас тоже чувствовал себя далеко не лучшим образом. Интересно, подумал он, неужели и у меня такой испуганный вид.. Он взял себя в руки и обратился к Эшу:

– Значит, то темное пятно на рентгенограмме действительно существовало. И линза была здесь ни при чем. Тварь уже жила в Кейне. Почему ваши приборы ничего не обнаружили?

– Тогда не было оснований, абсолютно никаких оснований подозревать что-либо в этом роде, – сразу ответил Эш. – Когда мы делали интроскопию, пятно было слишком маленьким, чтобы принимать его всерьез. И выглядело оно, будто и в самом деле было результатом дефекта линзы. В сущности, на линзе вполне могло быть соответствующее пятно.

– Не понимаю.

– Не исключено, что в отличие от первой формы – назовем ее “формой руки“, – которую мы имели возможность довольно детально исследовать, в новой форме чужой организм генерирует естественное поле, способное перехватывать и блокировать сканирующее излучение. Известно, что некоторые живые организмы способны продуцировать аналогичные поля. Если моя гипотеза верна, то это предполагает или особые биологические потребности, о которых мы не имеем ни малейшего представления, или сознательно проявляемый защитный эффект, выработанный для таких целей, о которых я предпочитаю не иметь никакого представления.

– В конце концов все сводится к тому, – резюмировала Рипли, вытирая рот чистой салфеткой, – что теперь у нас завелась другая чужая тварь, вероятно, не менее враждебно настроенная и вдвое более опасная.

Рипли вызывающе смотрела на Эша, но на этот раз офицер-исследователь не захотел или не смог возразить ей.

– Да, – согласился Даллас. – И она ползает по кораблю, где ей вздумается.

Капитан заставил себя подойти к телу Кейна и наклониться над ним. К нему присоединились другие члены экипажа. От обязанности зафиксировать смерть и обследовать тело не уклониться,

насколько бы неприятной эта обязанность ни была. Все обменялись красноречивыми взглядами. За бортом корабля проносилась бесконечная, грозная Вселенная, а коридоры, ведущие в тесную столовую, уже пропитались тошнотворным запахом смерти.

Паркер и Брет спустилась по трапу с верхнего служебного уровня и присоединились к остальным охотникам, усталым и обескураженным.

— Хоть какие-нибудь следы нашли? — Вопрос Далласа относился ко всем. — Необычный запах, кровь... — Он на секунду замешкался, потом продолжил: — Обрывки тканей Кейна?

— Ничего, — ответила Ламберт.

— Ничего, — эхом отозвался Эш, не скрывавший своего разочарования.

Паркер стряхнул пыль с рукавов.

— Ни черта не заметили. Эта проклятая тварь умеет прятаться.

— Ничего не видели, — подтвердил Брет. — Представить себе не могу, куда она могла подеваться. Правда, на корабле есть такие закоулки, куда тварь может залезть, а мы — нет. Но в этих каналах такая температура, что, думаю, там ни одна живность и пары минут не протянет.

— Не забываете, в каких условиях эта... э... — начал Даллас и повернулся к Эшу: — Как вы называли первую форму?

— Предличиночной. Но это сугубо условное название. Я понятия не имею, какие формы принимает этот организм в своем развитии.

— Да. Что ж, давайте не забывать, в каких условиях эта тварь жила в своем первом обличье. Мы уже знаем, что она чертовски вынос-

лива и обладает дьявольской приспособляемостью. Я не удивлюсь, если в конце концов окажется, что она свила гнездо прямо на крышке реактора.

– Если тварь и в самом деле окажется там, нам ее не достать, – заметил Паркер.

– Тогда будем надеяться, что она отправилась в другом направлении и где-нибудь мы ее обнаружим.

– Мы должны найти ее, – сказала Рипли. На ее напряженном лице ярче всего отражались страхи всего экипажа.

– А почему бы нам не перейти в гиперсон? – предложил Брет. – Мы бы закачали воздух в резервуары и удушили ее.

– Во-первых, мы не имеем ни малейшего понятия, как долго тварь в этой форме может обходиться без воздуха, – горячо возразила Рипли. – Не исключено, что ей воздух вообще не нужен. Не забудьте, мы видели только пасть, а ноздрей у нее не было.

– Ни одно существо не может жить без какой-то атмосферы, – ответил Брет, хотя его уверенности заметно поубавилось.

Рипли искоса взглянула на техника:

– Хотите поставить на карту свою жизнь? – Брет не ответил, и она продолжила: – И потом, ей придется обходиться без атмосферы очень недолго. Может быть, тварь умеет получать нужные ей газы из... из пищи? В холодильных камерах мы будем очень удобной пищей для хищника. Помните, как легко первая форма проникла через лицевой щиток Кейна? Кто поручится, что эта форма не сделает то же самое с нашими холодильными камерами? – Рипли отрицательно покачала головой. – Нет, я ни за что

на свете не полезу в камеру, пока мы не найдем и не убьем чудовище.

- Но мы же не можем его убить! - Ламберт зло топнула ногой. - Скорее всего, в этой твари та же едкая дрянь, что и в ее первой форме. Если это так, то стоит нам только попытаться прикончить ее лазерным лучом, как она начнет поливать своей кислотой все вокруг. А эта разновидность намного больше той "руки". Если она начнет тоже кровоточить кислотой, то появятся такие дыры, которые нам никак не залатать. К тому же все вы знаете, насколько опасна малейшая поломка при сверхсветовых скоростях и как чувствительны контуры, заложенные в главном корпусе корабля.

- Вот сука, - пробормотал Брет. - Если эту тварь нельзя убить, то что же мы будем делать, когда найдем ее?

- Нам необходимо, - ответила Рипли, - выследить ее, как-нибудь изловить и выбросить за борт.

Она повернулась к капитану в надежде, что тот поддержит ее предложение. Даллас раздумывал недолго.

- Более разумных предложений не вижу. Давайте попытаемся, - сказал он.

- Чем больше мы говорим и ничего не предпринимаем, тем меньше шансов, что от нашего решения будет что-либо зависеть, - высказал свое мнение Эш. - Запасы кислорода позволяют нам бодрствовать только ограниченное время. Очень ограниченное. Я настоятельно советую немедленно приступить к организованным поискам.

- Правильно, - быстро согласилась Рипли. - Прежде всего нам надо найти эту тварь.

– Нет, – вдруг изменившимся голосом сказал Даллас.

Все повернулись к нему.

– Сначала нам нужно сделать кое-что другое, – продолжил капитан.

Он кивнул в сторону открытой двери столовой, через которую было видно тело Кейна.

Среди различных запасов ткани нашлось как раз на грубый саван. Ниток и иголки на корабле не оказалось, поэтому Паркер запаял края лазерным лучом. Саван получился неказистым, а вся процедура похорон была скомкана и сокращена до предела. Возвращаясь от главного шлюза, астронавты утешали себя тем, что сделали все, что было в их силах.

Конечно, можно было заморозить тело Кейна до возвращения на Землю и там устроить настоящие похороны, но сразу после пробуждения через прозрачную крышку холодильной камеры они увидели бы обезображенное тело своего товарища. Поэтому единодушно было решено похоронить помощника капитана как можно быстрее в открытом космосе и постараться сразу забыть о нем.

Все возвратились на капитанский мостик и заняли свои места. На мостике царила атмосфера глубокой подавленности. Даллас, машинально проверив показания приборов, угрюмо буркнул:

– Внутренний люк закрыт.

Рипли утвердительно кивнула.

– Шлюз еще под давлением? – спросил капитан.

Рипли кивнула еще раз. Даллас помедлил, переводя взгляд с одного хмурого лица на другое. Никто не ответил ему взглядом.

– Кто-нибудь хочет что-нибудь сказать?

Говорить было нечего. Кейн мертв. У них был отличный товарищ, а теперь его нет. Никто из астронавтов не умел произносить речи.

Общее мнение выразила Ламберт:

– Давайте скорей кончать.

Эта фраза никак не походила на речь у гроба товарища, но и Далласа преследовала та же мысль – нельзя тратить драгоценное время. Он сделал знак наблюдавшей за ним Рипли.

Та нажала кнопку. Наружный люк воздушного шлюза скользнул в сторону, и остававшийся в шлюзе воздух вытолкнул тело Кейна в пустоту.

К счастью, похороны были недолгими, подумал Даллас. (Он упрямо называл всю эту процедуру “похоронами”, хотя, в сущности, они просто выбросили тело за борт.) Как бы там ни было, Кейн расстался с кораблем легче, чем с жизнью. Его предсмертный крик до сих пор звучал в ушах Далласа, отделаться от него было невозможно.

Капитан снова собрал экипаж в столовой. Почему-то казалось, что обсуждать положение будет легче, когда люди смотрят друг другу в лицо. К тому же вместе проще привести столовую в порядок и уничтожить следы кошмара.

– Я проверила наши запасы, – сообщила Рипли. – Со стимуляторами мы продержимся примерно неделю. Может быть, восемь дней, но никак не больше.

– А что потом? – Брет ущипнул себя за подбородок.

– Потом у нас кончатся запасы пищи и кислорода. Без пищи мы сможем обойтись довольно долго, без кислорода – не протянем и пары минут. Так что решать интересный вопрос, сможем

ли мы прожить на необработанной искусственной пище, нам все равно не придется.

При мысли о такой перспективе Ламберт скривилась:

- Спасибо, я лучше умру.

- Хорошо. - Даллас старался говорить уверенно. - Значит, вот чем мы располагаем. Нам предоставляется неделя активной деятельности. Это очень много. Больше чем достаточно, чтобы найти маленькую чужую тварь.

Брет, не поднимая головы, вернулся к своему предложению.

- Я все же считаю, что нам нужно попробовать ее удушить. Может быть, она сдохнет без воздуха. Мне кажется, это самый безопасный способ. Нам не нужно будет нападать на нее. Учтите, мы понятия не имеем, какие еще пакости приготовила эта разновидность твари.

- Мы уже говорили об этом, вы забыли? - напомнила Рипли.

- Говорили о таком варианте, когда мы будем в гиперсне в холодильных камерах. Теперь я предлагаю всем нам одеть скафандры и откачать воздух. Если мы будем настороже, тварь не сможет застать нас врасплох.

- Прекрасная мысль, - язвительно заметила Ламберт; судя по тону, она придерживалась прямо противоположного мнения.

- А что в ней плохого?

- В наших скафандрах воздуха хватит на сорок восемь часов, а до дома нам добираться десять месяцев, - объяснил Эш. - Если чужой организм способен обходиться без воздуха хотя бы сорок девять часов, то к тому времени мы окажемся в том же положении, что и сейчас. Мы только зря потеряем два дня.

– А в остальном отличная мысль, – сказала Ламберт. – Паркер, пошевелите мозгами вместе с приятелем, придумайте что-нибудь новенькое.

Инженеры не захотели так легко сдаваться.

– Возможно, нам удастся соединить баллоны скафандров с главными воздушными резервуарами. Брет и я – неплохие специалисты, если речь идет о практических задачах. Отрегулировать перепад давления будет непросто, но я уверен, мы что-нибудь придумаем. Сами знаете, мы можем что угодно сделать, если мы разозлимся.

– Наши молодцы могут все на свете, – заметила Рипли, не скрывая насмешки.

– Это в любом случае нецелесообразно, – сочувственно объяснил Эш инженерам. – Помните, мы говорили: вероятность того, что чужой организм способен долго обходиться без воздуха, очень велика. Но на самом деле проблема еще сложнее.

Если мы будем привязаны шлангами к главным резервуарам, то не сможем охотиться на чужой организм. Предположим, что ваша идея сработает. Но и в этом случае мы израсходуем столько воздуха, что к моменту нашего пробуждения его просто не останется. Холодильные камеры автоматически откроются в... абсолютно непригодной для дыхания атмосфере.

– А как насчет того, чтобы оставить какое-нибудь послание или сообщить по радио, чтобы нас встретили и накачали свежим воздухом сразу после выхода из гиперпространства? – не сдавался Паркер.

Эш засомневался.

– Это слишком рискованно. Во-первых, наш радиосигнал лишь на одну-две минуты опередит нас.

Чтобы аварийная команда успела встретить нас в момент выхода из гиперпространства, стыковаться с нами и заполнить "Ностромо" воздухом, не повредив его... Нет, думаю, это практически невозможно.

Но главное в другом. Даже если бы это было возможно, я согласен с Рипли в одном важнейшем вопросе: слишком рискованно ложиться в холодильные камеры, не будучи уверенными в том, что чужой организм мертв или по крайней мере находится под нашим контролем. А мы никак не можем быть в этом уверены, если проведем двое суток в скафандрах, а потом сразу бросимся к холодильным камерам.

- И все же, мне кажется, здравый смысл в нашем предложении есть, - проворчал Паркер.

- Давайте перейдем к более насущным проблемам, - нетерпеливо прервала спор Рипли. - Как мы найдем чужую тварь? Мы можем испробовать десятки способов ее уничтожения, но только в том случае, если будем знать, где она скрывается. На уровнях В и С мы слепы, не забыли? Там все сканеры вышли из строя.

- Значит, нам придется ее спугнуть. - Даллас сам удивился, насколько легко он сделал этот страшный, но неизбежный выбор. Впрочем, решение принято, и теперь следовало думать, как его выполнить.

- Идея неплохая, - согласился Эш. - Правда, легче сказать, чем сделать. Как, вы полагаете, мы должны поступить?

Даллас понимал, все почти хотели, чтобы он отказался от своего решения. Но другого пути не было.

- Правильный путь всегда не самый легкий. Есть только один способ быть уверенными в том, что мы не пропустили тварь, и при этом

израсходовать минимум времени и воздуха. Нужно тщательно прочесывать отсек за отсеком, коридор за коридором.

– Может быть, нам удастся сделать какой-нибудь переносной морозильник, – нерешительно предложила Рипли. – Если замораживать каждый отсек и коридор на расстоянии... – Заметив, что Даллас досадливо покачал головой, она замолчала и отвернулась. – Поймите меня правильно, я не перепугана насмерть, я просто хочу найти более рациональный, более безопасный подход. Я согласна с Паркером, что лучше было бы избежать прямого столкновения с этой тварью.

– Перестаньте оправдываться, Рипли. – Даллас ткнул себя в грудь пальцем. – Все мы напуганы до смерти. Я сам чуть не наложил в штаны. Теперь у нас просто нет времени, чтобы подготовиться к такой технически сложной операции. Мы слишком долго валяли дурака, все надеялись, что машина поможет Кейну. Настало время помочь самим себе. Помните, о нашей главной функции на борту корабля? Когда проблеме не может решить машина, начинается работа для нас.

Кроме того, я не могу отказать себе в удовольствии самому увидеть, как лопнет это маленькое чудовище, когда мы выбросим его из шлюза.

Нельзя сказать, чтобы речь капитана получилась вдохновляющей. Впрочем, Даллас и не собирался произносить речи. И тем не менее его слова подбодрили весь экипаж. Теперь они уже не боялись смотреть друг другу в глаза, не сидели, уставившись невидящими взглядами в пол или ближайшую стену. Послышались более уверенные возгласы.

– Отлично, – сказала Ламберт. – Где бы эта тварь ни пряталась, мы ее выкурим и выбросим из шлюза. Я хотела бы только знать: как мы ее доставим до него?

– Надо заманить ее в какую-то ловушку, – неуверенно сказала Рипли, перебирая в уме всевозможные варианты. Увы, способность чужой твари кровоточить кислотой перечеркивала все разумные планы.

– Должны быть неметаллические материалы, которые эта тварь не проест так быстро, – рассуждал вслух Брет, демонстрируя тот же ход мыслей, что и Рипли. – Например, трилоновая нить. Если сделать трилоновую сеть, можно будет отловить тварь, не нанося ей повреждений. Возможно, в тонкой сетке она будет меньше чувствовать угрозу, чем, скажем, в металлической коробке.

Брет вопросительно посмотрел на товарищей и добавил:

– Я бы быстро что-нибудь сообразил, сварил бы сетку в один момент.

– Он думает, мы собираемся ловить бабочек, – презрительно фыркнула Ламберт.

– Как мы загоним тварь в сеть? – спокойно спросил Даллас.

Брет подумал одну-две минуты.

– Конечно, нам придется вооружиться чем-то, что не вызовет у этой твари кровотечения. Ножи и всякие острые щупы исключаются. То же относится и к пистолетам. Я мог бы сделать несколько длинных металлических трубок, начиненных аккумуляторами или батарейками. У нас на складе пруд пруди и того и другого. Займет только несколько часов.

– И трубки, и сеть?

- Конечно. Тут ничего хитрого нет.

Ламберт не вытерпела:

- Сначала сетки для бабочек, теперь электропогонялки для скота. Почему мы должны выслушивать этот бред?

Даллас тщательно обдумал план, попытался представить себе, как он сработает в идеальном случае. Предположим, чужую тварь загнали в угол. Она угрожает зубами и когтями. Следует серия электрических ударов, достаточно сильных, чтобы ее разозлить, но в то же время не настолько мощных, чтобы поранить. Двое загоняют тварь электропогонялками в сеть и отвлекают ее внимание, а остальные тем временем тащат сеть к главному воздушному шлюзу. Может быть, чужая тварь прожжет сеть и высвободится. На этот случай нужно держать наготове вторую и третью сети.

Потом мешок с тварью забрасывается в шлюз, внутренний люк быстро закрывается, а наружный резко отбрасывается. Прощай, чужая тварь, лети назад к Арктуру. Прощайте, безумные кошмары. Здравствуйте, Земля и здравомыслие.

Даллас вспомнил последнее пренебрежительное замечание Ламберт и сказал, не обращая ни к кому конкретно:

- Мы слушаем его, потому что на этот раз он, возможно, прав...

“Ностромо“, ничего не ведающий о бешеной активности одних своих пассажиров и безучастный к покорному ожиданию других, по-прежнему мчался к Земле в несколько раз быстрее света. На изготовление сетей и электропогонялок Брет попросил несколько часов, но они с Паркером работали так, словно в их расположе-

нии были считанные минуты. Паркеру вдруг захотелось, чтобы ему досталась более сложная работа. Тогда у него не было бы времени на то, чтобы то и дело нервно оглядываться на темные закоулки, коридоры, шкафы и полки.

Тем временем всем остальным членам экипажа приходилось лишь ждать, когда будут готовы самодельные приспособления для охоты. Сверлившая мозг астронавтов мысль "Где спряталась чужая тварь?" постепенно уступала место мыслям типа: "А что сейчас делает чужая тварь?"

Впрочем, мысли одного из членов экипажа были заняты другим. Пока ему удавалось обдумывать проблему в одиночку, но теперь наступил момент так или иначе разрешить ее. У него были два выхода. Он мог обсудить ее со всем экипажем или только наедине с виновником. Если он выберет первый вариант и в результате окажется, что он неправ, — а он очень хотел, чтобы вся проблема была только плодом воображения, его чрезмерной подозрительности, — то он может нанести непоправимый ущерб моральному духу всего экипажа. Не говоря уже о том, что в конце концов вся история завершится рассмотрением в суде иска члена экипажа к капитану корабля.

Если же его подозрения оправданы, то так или иначе все скоро узнают это сами.

Эш сидел за главным приборным пультом изолятора и задавал вопросы медицинскому компьютеру. Изредка компьютер давал ответ. Эш поднял голову, дружески улыбнулся вошедшему Далласу и снова углубился в работу.

Какое-то время капитан молча стоял рядом с Эшем, изредка переводя взгляд с малопонятных показаний приборов на офицера-исследователя и

снова с него на приборы. Все же мелькавшие на экранах числа, слова и схемы понять легче, чем человека, подумал Даллас.

– Работаете или играете?

– Для игр у меня нет времени, – ответил Эш, глядя капитану в глаза.

Он нажал одну из кнопок, получил длинный перечень молекулярных структур для определенного гипотетического белка. Прикосновение к другой кнопке – и две выбранные Эшем структуры начали медленно вращаться в двух измерениях.

– Я соскреб пробы со стенок первой дыры, которую чужой организм, находившийся в форме руки, проел в полу изолятора. – Он показал на крошечный кратер справа от медицинского стола. – Я подумал, что здесь должно было остаться достаточно кислоты, чтобы, как говорят химики, было за что ухватиться. Если мне удастся выяснить ее структуру, то, возможно, Мамаша предложит конкретный нейтрализующий реагент. Тогда, если нам придется поранить нашего гостя, он может поливать своей жидкостью все вокруг – мы легко нейтрализуем всю эту кислоту.

– Великолепный план, – согласился Даллас, не сводя внимательного взгляда с Эша. – Если кто-то на борту корабля и может справиться с такой задачей, то только вы.

Эш равнодушно пожал плечами.

– Это моя работа.

Несколько минут оба молчали. Эш не видел оснований продолжать разговор. Даллас снова принялся за изучение показаний приборов, потом наконец сказал:

– Я хотел бы с вами поговорить.

– Я сообщу вам немедленно, как только мне удастся что-то обнаружить, – заверил его Эш.

– Я хочу поговорить не об этом.

Эш бросил на капитана заинтересованный взгляд, потом снова повернулся к приборам – на двух крохотных экранчиках появились новые данные.

– Мне кажется, сейчас важнее всего выяснение структуры этой кислоты. Думаю, вы должны это понимать. Давайте поговорим позже. Сейчас я очень занят.

Даллас немного помедлил, потом тихо, но твердо ответил:

– Меня не это интересует. Я хочу поговорить сейчас.

Эш щелкнул одним за другим несколькими переключателями, проследил за упавшими до нулевых отметок и замершими стрелками и повернулся к капитану:

– Я хочу спасти и вашу голову тоже. Но если разговор настолько важен, приступайте.

– Почему вы позволили чужой твари расти в Кейне?

Эш нахмурился.

– Я не уверен, что вы правильно поняли мои действия. Никто никому не позволял где-то “расти”. Все произошло само собой.

– Чепуха.

На Эша слова капитана, казалось, не произвели никакого впечатления. Он сухо сказал:

– Это едва ли можно назвать объективной оценкой ситуации, с какой стороны ни посмотреть.

– Вы знаете, что я имею в виду. Мамаша наблюдала за Кейном. Вы наблюдали за Мамашей. Это было разумно, потому что из всего экипажа корабля вы один обладаете достаточной квалификацией. У вас должны были возникнуть по меньшей мере подозрения относительно того,

что на самом деле происходит в организме Кейна.

- Послушайте, вы смотрели на темное пятно на экране вместе со мной.

- Вы полагаете, я поверю, будто у автодоктора не хватило мощности и разрешающей способности, чтобы разглядеть эту тварь?

- Здесь дело не в мощности и не в разрешающей способности, а в длинах волн. Чужой организм сумел экранировать именно тот диапазон, в котором работают сканеры автодоктора. Мы уже обсуждали, как и с какой целью может достигаться подобный эффект.

- Допустим, я соглашусь с вашим бредом насчет того, что чужая тварь способна генерировать защитное поле, предотвращающее возможность сканирования... Только допустим, я не говорю, что я согласен... Даже в этом случае Мамаша нашла бы способ понять, что происходит. Незадолго до своей ужасной смерти Кейн жаловался на голод. В столовой все мы были этому свидетелями. Не кажется ли вам, что причина его фантастического аппетита очевидна?

- И что же это за причина?

- Новая форма чужой твари высасывала из организма Кейна все белки, жиры и другие питательные вещества, чтобы строить собственное тело. На одном воздухе она до таких размеров не выросла бы.

- Согласен. Это очевидно.

- Тогда согласитесь и с тем, что подобную аномально высокую метаболическую активность не могли не заметить приборы, хотя бы по уменьшению массы тела Кейна, да и по другим показателям тоже.

- Что касается возможного уменьшения массы Кейна, - спокойно ответил Эш, - оно и не

могло быть обнаружено приборами. Фактически составные части организма Кейна трансформировались в компоненты чужого организма, а автодоктор регистрировал их суммарную массу как массу Кейна. Какие “другие показатели” вы имеете в виду?

Даллас старался скрыть свою беспомощность перед аргументами Эша, но это ему плохо удавалось.

– Не знаю, не могу назвать конкретно. Я всего лишь пилот. Медицина – не моя область.

– Не ваша, – многозначительно подтвердил Эш. – Это моя область.

– Но я и не полный идиот, – резко парировал Даллас. – Возможно, у меня не хватает слов, чтобы правильно выразить свои мысли, но я не слеп. Я вижу, что происходит.

Эш сложил руки на груди, отодвинулся от приборной панели и в упор посмотрел на Далласа.

– Что же именно вы видите?

Даллас несколько опрометчиво открыл свои карты:

– Вы хотите, чтобы чужая тварь осталась живой. Ради нее вы пожертвовали даже жизнью Кейна. Полагаю, для этого должны были быть веские основания. Эш, наше знакомство непродолжительно, но до сих пор все ваши поступки были тщательно продуманы. Уверен, и на этот раз вы не изменили своему правилу.

– Итак, вы говорите, что у меня были причины совершить тот безумный поступок, в котором вы меня обвиняете. Назовите хотя бы одну.

– Послушайте, мы работаем на одного хозяина, – сказал Даллас.

Он решил изменить тактику. Поскольку пря-

мое обвинение ни к чему не привело, капитан решил сыграть на отзывчивости Эша. Даллас подумал, что в этот момент он сам, возможно, похож на человека, одержимого навязчивой идеей. Разумеется, легче переложить всю вину с недостигаемой чужой твари на сидящего рядом Эша. У офицера-исследователя есть свои странности, но ведь не убийца же он, рассуждал капитан.

– Я просто хочу знать, – умоляюще произнес Даллас, – что у нас происходит.

Эш выпрямился, бегло посмотрел на приборы и лишь после этого ответил:

– Понятия не имею, о чем вы говорите. И меня не интересуют ваши нелепые догадки. Чужой организм – это особая, очень опасная форма жизни. Не стану отрицать, меня как ученого этот организм во многих отношениях восхищает. Но после того, как он причинил столько зла, я точно так же, как и вы, совсем не хочу, чтобы он остался живым.

– Вы в этом уверены?

– Да, совершенно уверен, – с искренним негодованием ответил Эш. – Если бы не стрессовая ситуация последних дней, вы тоже были бы в этом уверены. Давайте забудем об этом разговоре. Я обещаю забыть.

– Хорошо, – сказал Даллас, резко повернулся, вышел в открытую дверь и направился к капитанскому мостику.

Эш долго смотрел вслед капитану, думая о своем. Потом он снова переключил внимание на приборы – они терпеливее, их легче понять, чем человека.

Слишком много забот, слишком много, говорил себе Даллас. От них голова раскалывалась.

Вероятно, Эш правильно сказал, во всем виновата стрессовая ситуация. К тому же его беспокоило не только присутствие чужой твари, но и состояние каждого члена экипажа. Как долго он сможет выносить такую нагрузку? Как долго он должен стараться ее выносить? В конце концов, он всего лишь пилот.

Кейн был бы лучшим капитаном, рассуждал Даллас. Он легче относился к самым сложным проблемам, не принимал их слишком близко к сердцу. Но Кейн ему уже ничем не поможет.

Даллас включил внутреннюю связь. Ответ последовал немедленно:

– Машинное отделение.

– Говорит Даллас. Как у вас дела?

Паркер ответил уклончиво:

– Работаем.

– Черт возьми, не увиливайте от ответа! Докладывайте конкретно!

– Эй, Даллас, успокойтесь, сэр. Мы работаем, как можем. Сейчас Брет кончает собирать электрическую начинку для погонялок. Как вы думаете, мы будем загонять тварь в угол простыми металлическими палками или парой сотен вольт?

– Прошу прощения, – капитан и в самом деле чувствовал себя виноватым. – Продолжайте работать.

– Мы так и делаем. Не для себя, для всех. Машинное передачу закончило.

Громкоговоритель замолчал.

Это было совершенно ни к чему, упрекнул себя капитан. Так можно все окончательно испортить. Если капитан не в состоянии держать себя в руках, разве можно этого требовать от других?

После того невразумительного и бесполезного спора с Эшем Далласу ни с кем не хотелось общаться. Сначала нужно решить самому, прав ли он был в своих подозрениях или остался в дураках. Если учесть отсутствие у Эша какого-либо разумного мотива, то скорее всего верно последнее, раздраженно подумал Даллас. Если же Эш лгал, то у него это получалось превосходно. Далласу никогда не приходилось сталкиваться с человеком, в такой мере управляющим своими эмоциями.

На борту "Ностромо" было только одно место, где Даллас изредка мог уединиться и в то же время чувствовать себя в полной безопасности. Своего рода персональный склеп. Даллас пошел по коридору уровня В, не забывая время от времени осторожно осматривать темные закоулки, где могло бы спрятаться маленькое чудовище. К счастью, ничего подозрительного он не обнаружил.

Скоро он добрался до того места, где корпус корабля слегка выдавался наружу. Здесь был небольшой люк. Даллас нажал находившуюся рядом кнопку, дождался, когда люк полностью откроется. За люком находился небольшой отсек, в котором стоял крохотный спасательный челночный корабль. Отсек был слишком мал, чтобы его можно было считать настоящим шлюзом. Забравшись в спасательный корабль, Даллас устроился поудобней.

Он почти было прикоснулся к красной кнопке на приборной панели спасательного корабля, но в последний момент передумал. На мостике уже, наверно, обратили внимание на сигнал, говоривший о том, что коридор уровня В открыт. Если Даллас к тому же закроет люк отсека, то

тот, кто случайно заметит соответствующий сигнал, непременно заподозрит неладное. Поэтому капитан оставил внутренний люк открытым. Даже в открытом шлюзе он почувствовал заметное облегчение, отрешившись хотя бы на несколько минут от населявших "Ностромо" ужасов и неизвестности...

10 Даллас уже в который раз проверял, сколько у них осталось кислорода. Он очень надеялся, что произойдет чудо и к зловещим цифрам на счетчике вдруг справа добавится еще один ноль. Пока капитан смотрел на прибор, последняя девятка сменилась на восьмерку. Чуда не произошло. Из коридора донеслись громкие звуки шагов. Даллас вздрогнул, но, увидев Паркера и Брета, облегченно вздохнул.

Паркер бросил на пол охапку металлических трубок. Все они были одинаковыми, примерно вдвое толще человеческого пальца. Трубки звякнули, как будто были совершенно пустыми. И по этому звуку, и по внешнему виду они никак не напоминали грозное оружие. Довольный Брет стянул с плеча несколько метров сетки.

– Вот наше оружие. Все проверено и готово к бою.

Даллас кивнул.

– Я соберу экипаж.

Он подал сигнал сбора и в ожидании товарищей с сомнением рассматривал трубки. На капитанский мостик Эш явился последним – его отсек был дальше других от мостика.

– Значит, будем ловить тварь вот этим? – сказала Ламберт, кивнув в сторону кучки трубок. Ее тон не оставлял сомнений, какого мне-

ния она придерживается относительно эффективности самодельного оружия.

- Давайте попробуем, - сказал Даллас. - Пусть каждый возьмет по трубке.

Экипаж выстроился в линейку, и Брет вручил каждому по электропогонялке. На одном конце примерно полутораметровой трубки было сделано небольшое утолщение; здесь размещалась схема управления, и вместе с тем утолщение могло служить чем-то вроде рукоятки. Стараясь быстрее привыкнуть к новому оружию, Даллас несколько раз взмахнул трубкой как саблей. Трубка ему понравилась; во всяком случае она была легкой и удобной. Но главное ее преимущество заключалось в другом: с оружием в руках, каким бы примитивным оно ни было, Даллас чувствовал себя уверенней. Ему совсем не хотелось хватать тварь голыми руками, он предпочитал, чтобы его и это брызжущее кислотой или защищающееся еще каким-то невероятным образом чудовище что-нибудь разделяло. Присутствие электропогонялки действовало на капитана успокаивающе, хотя он отлично понимал, что это чувство обманчиво.

- В каждой трубке я разместил несколько аккумуляторов типа ОЗЗ, - объяснял Брет. - Аккумуляторы дают очень приличный разряд. Перезаряжать их не потребуется, если только не слишком долго, я хочу подчеркнуть - очень долго, держать нажатой кнопку разряда. - Он продемонстрировал устройство рукоятки. - В общем, пользуйтесь этим оружием смело.

Рукоятка и верхняя часть трубки надежно изолированы. Если вы прикоснетесь к нижней части включенной трубки, то почувствуете легкий удар. Почти весь заряд сконцентрирован на

сверхпроводящем элементе внутри трубки, который соединен с ее противоположным концом. Так что будьте осторожны и не вздумайте хватать трубку за заряженный конец.

– Нельзя ли продемонстрировать ее в действии? – спросила Рипли.

– Конечно, нет проблем, – сказал Брет и прикоснулся трубкой к укрепленному на стене трубопроводу. Из трубки вылетела небольшая голубая молния, раздался довольно громкий треск, и в воздухе запахло озоном. Брет улыбнулся. – Все трубки проверены, все в порядке. Заряда в них предостаточно.

– Напряжение как-нибудь регулируется? – поинтересовался Даллас.

Паркер отрицательно покачал головой.

– Мы наугад выбрали напряжение, которое, нам кажется, должно нанести твари болезненный, но не смертельный удар. Все равно об этой разновидности мы ничего не знаем. Впрочем, в любом случае у нас не было времени, чтобы устанавливать такие штучки, как регуляторы напряжения. Мы же не кудесники. Все трубки дают одинаковый разряд.

– Впервые слышу такое признание, – не удержалась Рипли.

Паркер раздраженно взглянул на нее.

– Разряд не убьет тварь, если только ее нервная система не намного чувствительнее нашей, – объяснил Брет. – В этом мы почти уверены. Ее предшественник был еще меньше, но чертовски крепок. – С поднятой трубкой Брет напоминал гладиатора перед выходом на арену. – Эта штука просто заставит тварь бегать быстрее. Конечно, я не умру от горя, если нам удастся убить малышку током.

– Может быть, из этого что-то и получится, – сдалась Ламберт. – Итак, мы решили, как поймать тварь. А что с другой проблемой – как ее найти?

– Об этом я уже подумал, – сказал Эш.

Все с удивлением повернулись к нему. Офицер-исследователь держал в руках миниатюрное устройство размером не больше обычного коммуникатора и при этом не сводил глаз с капитана. Даллас не мог заставить себя смотреть Эшу в глаза и предпочел сосредоточить внимание на приборе.

– Поскольку нам нужно найти чужой организм как можно быстрее, я решил соорудить кое-что на скорую руку. Брет и Паркер сделали великолепное оружие для борьбы с ним. А вот это – прибор для его обнаружения.

– Портативный искатель? – Рипли с восхищением смотрела на аккуратный, компактный прибор. Казалось, он изготовлен в фабричных условиях, а не собран в спешке в научном отсеке коммерческого буксира.

Эш утвердительно кивнул.

– Прибор предназначен для поиска движущихся предметов. Его рабочий диапазон невелик, но если в этот диапазон попадает любой движущийся предмет, прибор издает звуковой сигнал. С приближением движущейся цели громкость сигнала возрастает. Искатель снабжен и световым сигналом

Рипли взяла искатель, повертела его в руках, изучая с профессиональным интересом.

– Каков принцип его работы? Как мы отличим чужую тварь от человека?

– Отличить можно двумя способами, – с гордостью объяснил Эш. – Я уже говорил, что диа-

пазон действия прибора довольно мал. Это можно считать недостатком, но в нашем случае это превращается в преимущество, поскольку позволяет осуществлять поиски двумя группами, работающими довольно близко одна от другой.

Еще важнее то обстоятельство, что сенсором прибора является высокочувствительный измеритель плотности воздуха, которую изменяет любой движущийся предмет. Показания прибора скажут вам, в каком направлении движется предмет; для этого достаточно всегда держать приемное устройство сенсора в положении от себя.

Прибор не так хорош, как мне хотелось бы, но за время, которым я располагал, мне не удалось сделать ничего лучшего.

— Вы сделали очень многое, — вынужден был признать Даллас. — Думаю, этого больше чем достаточно. — Он взял прибор из рук Рипли. — Сколько приборов вы успели изготовить?

Вместо ответа Эш протянул Далласу еще один точно такой же искатель.

— Значит, мы сможем работать двумя группами. Отлично. Думаю, нет необходимости инструктировать вас. Что нужно делать, все знают не хуже меня. Обнаружившие чужую тварь ловят ее сетью, как-нибудь затаскивают в шлюз и немедленно выбрасывают за борт, пусть летит к созвездию Ориона. Если для того, чтобы быстрее открыть наружный люк, потребуется использовать взрывные болты, не раздумывайте ни секунды, взрывайте люк. Потом мы сможем выйти и в скафандрах.

Даллас направился к выходу, но у двери остановился и осмотрел тесный, забитый до отказа приборами капитанский мостик. Казалось совер-

шенно невероятным, чтобы тварь могла проскочить незамеченной, но уж если они принимались за тщательное прочесывание всего корабля, не следовало делать никаких исключений.

— Для начала давайте убедимся, что мостик чист.

Паркер взял один из искателей, включил его и обвел весь мостик, не сводя глаз с нацарапанной вручную шкалы на верхней поверхности прибора.

— Шесть движущихся объектов, — объявил он, закончив обследование мостика. — Все шесть располагаются примерно там, где стоите вы. Кажется, здесь чисто... если этот проклятый прибор работает.

Эш пропустил оскорбление мимо ушей.

— Он работает. Вы сами только что в этом могли убедиться.

Раздали электропогонялки, сети. Даллас оглядел сосредоточенные лица товарищей:

— Все готовы?

В ответ двое проворчали шепотом “нет еще”, и все улыбнулись. Кошмарная смерть Кейна стала понемногу забываться. Теперь они заранее подготовились к встрече с чужой тварью. Оставалось надеяться, что новое оружие не подведет.

— Система внутренней связи включена на всех уровнях, — сказал Даллас и направился к коридору. — Будем поддерживать постоянную связь. В первую группу входят Эш, Ламберт и я. Вторая группа — Рипли, Паркер и Брет. Рипли — вы старший во второй группе. Каждая группа получает по искателю.

— Как только увидите чужую тварь, ловите ее и тащите к шлюзу. Уведомить вторую группу можно и потом. Приступаем.

Все покинули мостик.

Никогда прежде коридоры уровня А не казались такими длинными и темными. Даллас знал их как свои пять пальцев и тем не менее сознание того, что в углах, закоулках или шкафах может прятаться смертельно опасное чудовище, заставляло его медленно и осторожно красться там, где при других обстоятельствах он бы уверенно прошел даже с закрытыми глазами.

Включили все осветительные приборы, но в коридорах стало не намного светлей. Здесь были установлены только служебные светильники; считалось, что они будут включаться лишь время от времени. К чему расходовать энергию для освещения каждого закоулка такой рабочей лошадки, как "Ностромо", если экипаж почти весь полет проводит в гиперсне? В важнейших отсеках во время взлета, посадки и редких аварийных ситуаций при полете света было достаточно. Даллас был рад, что в коридорах не крошечная тьма, хотя не помешало бы и более яркое освещение.

Ламберт и Даллас несли сеть, перегораживая ею как бреднем весь коридор. Капитан перехватил свой конец сети и резко дернул. У Ламберт от испуга широко раскрылись глаза, она повернулась к капитану, но поняв, что ничего не произошло, успокоилась, кивнула и вновь все внимание переключила на бесконечно длинный коридор впереди. Она шла как во сне в каком-то особом состоянии самогипноза. Ее сознание было настолько поглощено подстерегающими их опасностями, что она совершенно забыла, зачем держит в руках сеть. Нужно искать тварь за углами, в нишах и других укромных местах, а не в своем воображении. Наконец лицо Ламберт

снова приобрело осмысленное, настороженное выражение, а Даллас сосредоточил внимание на ближайшем повороте коридора.

За Далласом и Ламберт шел Эш. Он не сводил глаз с экранчика искателя, медленно поводя им из стороны в сторону, проверяя каждый сантиметр стен. Прибор молчал, если не считать тех редких случаев, когда Эш забирал им слишком влево или слишком вправо; тогда он обнаруживал капитана или штурмана. Искатель раздраженно гудел, пока Эш нажатием кнопки, не заставлял его замолчать.

У ведущего вниз винтового трапа все трое остановились. Ламберт наклонилась, крикнула:

– Эй, там, внизу! Что-нибудь нашли? У нас все чисто, как в душе младенца.

Брет и Паркер перехватили сеть, а шедшая впереди Рипли остановилась, оторвала взгляд от искателя и ответила:

– У нас тоже ничего.

На верхнем уровне Ламберт, Даллас, а за ними и Эш продолжили поиски. Все их внимание было сосредоточено на ближайшем повороте коридора. Такие повороты были особенно неприятны, за ними легко притаиться. Когда они миновали поворот и обнаружили перед собой лишь длинный пустой коридор, Ламберт почувствовала такое облегчение, как будто нашла святой Грааль.

Когда под экранчиком искателя замигал крохотный красный сигнал, прибор вдруг показался Рипли страшно тяжелым. Стрелка искателя задрожала. Рипли была уверена, что это дрожит сама стрелка, а не ее рука. Потом стрелка чуть заметно, на долю миллиметра, отошла от нулевой отметки и замерла.

Рипли убедилась, что искатель отзывается не на Паркера или Брета, и лишь после этого сказала:

– Стойте. Я что-то нашла.

Она сделала еще два-три шага вперед. Стрелка резко дернулась, красный сигнал стал ярче и уже не мигал. Рипли остановилась. Прибор регистрировал лишь незначительные движения объекта. Красный свет оставался таким же ярким.

Брет и Паркер обшаривали взглядами стены, пол и потолок коридора. Все помнили, как первая чужая тварь, хотя и дохлая, свалилась на плечо Рипли. Никому и в голову не приходило рассчитывать, что эта форма твари не способна ползать по стенам, поэтому астронавты не сводили глаз не только с пола, но и со стен.

– Откуда поступает сигнал? – спокойно спросил Брет.

Рипли нахмурившись склонилась над искателем. Стрелка прибора забегала по всей шкале. Поведение стрелки можно было бы понять, если бы чужая тварь свободно проходила сквозь стены. Рипли встряхнула прибор. Искатель вел себя все так же странно. И красный сигнал не затухал.

– Не знаю. Прибор сошел с ума. Стрелка бежит от одного края шкалы к другому.

Брет пихнул ногой сеть и выругался:

– Черт возьми! Неисправного искателя только нам и не хватало. Я этому Эшу покажу...

– Перестаньте, – потребовала Рипли. Она повернула искатель чувствительным элементом вниз; стрелка сразу застыла. – Прибор работает нормально. Просто он был сбит с толку. Вернее, я, а не прибор. Сигнал поступает снизу.

Все трое усталились на пол. Пока никакое

чудовище не прогрызало перекрытие и не падало на астронавтов.

– Под нами уровень С, – проворчал Паркер. – Там только подсобные отсеки. На корабле нет хуже места для поисков твари.

– Предлагаете туда не ходить?

Паркер посмотрел на Рипли, на этот раз совершенно беззлобно.

– Не смешно.

– Согласна, смешного мало, – сокрушенно сказала Рипли. – Идите впереди. Тот уровень вы знаете лучше меня.

Не отпуская сеть, Паркер и Брет спустились по редко использовавшемуся трапу. Уровень С был плохо освещен даже по скромным стандартам, принятым на “Ностромо”. У подножия трапа все трое остановились, чтобы глаза привыкли к полумраку.

Рипли случайно прикоснулась к стене и тут же с отвращением отдернула руку. Вся стена была покрыта толстым слоем чего-то вязкого и липкого. Старая смазка, догадалась она. Если бы подобное обнаружилось на лайнере, инспектор сразу же снял бы его с рейса. Но на таком корабле, как “Ностромо”, подобные мелочи никого не интересовали. Инспекторы сюда носа не кажут. А что до экипажа – какое ему дело до уровня, на который почти никогда никто не заглядывает?

Когда закончится этот рейс, сказала себе Рипли, обязательно подам рапорт о переводе на лайнер или вообще уволюсь из астронавтов. Правда, такое обещание она давала себе не первый раз. Но этот рейс на буксире точно будет последним, решила она.

Рипли направила искатель вниз. Ничего. Она приподняла прибор и просканировала коридор.

Красный огонек зажегся опять, а светящаяся стрелка сдвинулась с нулевой отметки.

– Ладно, пошли, – сказала Рипли.

Она уверенно последовала за Паркером и Бретом, потому что доверяла изготовленному Эшем прибору, потому что пока прибор работал безотказно и потому что у нее все равно не было выбора.

– Скоро будет развилка, – предупредил Брет.

Прошло несколько минут. Коридор разделился надвое. Рипли проверила искателем правую ветвь. Красный сигнал заметно ослабел. Она повернулась направо:

– Идем сюда.

Эта часть “Ностромо” освещалась еще более скудно. Отбрасываемые на стены редкими светильниками огромные тени пугали астронавтов, хотя для полетов в дальнем космосе отбирают только тех, у кого нет ни малейших признаков клаустрофобии. Металлические перекрытия отзывались на каждый шаг громким звоном, если только нога астронавта не попадала в грязную лужу.

– Даллас должен потребовать проведения технического осмотра, – с отвращением пробормотал Паркер. – Комиссия снимет с линии процентов сорок кораблей, тогда Компании придется раскошелиться на чистку.

Рипли, покачав головой, скептически посмотрела на инженера:

– Хотите пари? Компании легче и дешевле купить всю комиссию.

Паркер старался скрыть разочарование. Такая блестящая мысль, и тоже прахом. Хуже всего то, что логика Рипли, как обычно, была неуязвимой. Чем чаще Паркер сталкивался с этой жен-

щиной, тем большую неприязнь к ней испытывал и в то же время все больше восхищался ею.

– Если уж речь зашла о чистке и наведении порядка, – продолжала Рипли, – то почему здесь так темно? Я уже говорила, что на этом уровне я никогда не была, но теперь понимаю – здесь дальше своего носа никто ничего не увидит. Я надеялась, что вы починили двенадцатый модуль. Если это так, то даже тут должно быть куда более яркое освещение.

– Но мы в самом деле его отремонтировали, – протестуяще возразил Брет.

Паркер покосился на ближайшую приборную панель.

– Должно быть, переосторожничала система распределения нагрузки. Вы же знаете, во время аварии некоторые участки не получали необходимой мощности. Было достаточно сложно восстановить питание, не рискуя расплавить на корабле всю электропроводку. В затруднительных ситуациях системы сами ограничивают поступающую мощность, чтобы не было перегрузок. Впрочем, здесь система явно перестаралась. Это можно исправить.

Он подошел к панели и включил ручное управление. В коридоре стало немного светлей.

Они пошли дальше. Вдруг Рипли замерла, предостерегающе подняв руку:

– Подождите.

Паркер и Брет остановились так резко, что инженер едва не упал, а Брет почти запутался в сети. Никому и в голову не пришло улыбнуться.

– Близко? – прошептал Паркер, напрягая зрение, чтобы хоть что-то разглядеть в полутемном коридоре.

Рипли проверила положение стрелки, сравнила его с нацарапанной Эшем ручную шкалой, располагавшейся над освещенным экранчиком.

— Если верить этому прибору, цель в пятнадцати метрах от нас.

Не дожидаясь указаний, Паркер и Брет крепче ухватились за сеть. Рипли подняла электропогонялку и включила ее. С погонялкой в правой руке и с искателем в левой она стала осторожно продвигаться вперед. Трудно было представить, что три человека могут идти по коридору так бесшумно, почти не дыша.

Они продвинулись на пять метров... на десять... Рипли свело левую ногу, но усилием воли она отмахнулась от боли. Расстояние, судя по искателю, неумолимо сокращалось.

Теперь Рипли шла низко пригнувшись, готовая отпрыгнуть в любой момент, как только в темноте что-то шевельнется. Звуковой сигнализатор искателя был заблаговременно выключен. Рипли остановилась, когда прибор показал, что до движущейся цели осталось пятнадцать и две десятых метра. Здесь тоже царил полумрак, однако и такого освещения хватало, чтобы убедиться, что в зловонном коридоре не скрывается никакое живое существо.

Медленно поворачивая искатель из стороны в сторону, Рипли старалась не выпускать из вида и стрелку прибора, и дальний конец коридора. Стрелка чуть сдвинулась. Подняв голову, Рипли заметила в стене небольшой приоткрытый люк.

Паркер и Брет вслед за Рипли тоже обратили внимание на него. Они заняли такое положение, чтобы в случае чего накрыть люк сетью. Видя, что друзья приготовились, Рипли кивнула им, поставила искатель на пол, глубоко вздох-

нув, свободной рукой взялась за ручку люка, которая на ощупь показалась ей влажной и холодной. Потом, прислонясь спиной к противоположной стене коридора, нажала кнопку на рукоятке трубки и резко сунула ее в люк. Раздался оглушительный визг. Из люка молнией вылетело небольшое существо с горящими глазами. Оно попало точно в центр сети, и Паркер с Бретом моментально закрутили его в несколько слоев.

– Попался, попался! – победно кричал Паркер. – Поймали-таки гаденыша, мы...

Рипли вгляделась в сеть, и на ее лице отразилось глубочайшее разочарование.

– Черт возьми, – устало пробормотала она. – Утихомирьтесь, охотники. Взгляните на вашу добычу.

Выключив погонялку, она подняла искатель.

Паркер и Брет, недовольно ворча, разматывали сеть. Они быстро поняли, кого поймали. Из сети выпрыгнул насмерть перепуганный кот. Он злобно зашипел и исчез в коридоре прежде, чем Рипли успела крикнуть:

– Нет, нет, не выпускайте его!

Предупреждение запоздало. Далеко впереди в последний раз мелькнул комок рыжей шерсти.

– Да, вы правы, – согласился Паркер. – Надо было его придушить. Теперь он опять будет сбивать с толку искатель.

Рипли строго взглянула на инженера, но ничего ему не сказала, а повернувшись к менее кровожадно настроенному Брету, попросила:

– Поймайте Джонса. Мы решим, что с ним делать. Может быть, лучше держать его при себе или спрятать в контейнер, чтобы он не вводил в заблуждение прибор... и нас вместе с ним.

– Верно, – кивнул Брет и пошел назад по коридору, туда, где только что исчез Джонс. Рипли с Паркером медленно двинулись в противоположном направлении. Теперь Рипли приходилось не только нести искатель и погонялку, но и помогать инженеру тащить сеть.

Открытая дверь вела в довольно обширный отсек, где хранилось запасное оборудование. Брет в последний раз осмотрел коридор. Кота нигде не было. В то же время в отсеке между неплотно пригнанными коробками и ящиками с приборами и оборудованием было множество мест, где он мог скрываться. Если Джонса здесь не окажется, нужно будет снова присоединиться к Рипли и Паркеру, решил Брет. Но все же сначала стоило поискать здесь.

В отсеке царил такой же полумрак, как и в коридоре. Брет не проверял штабели коробок с приборами, небрежно разбросанные упаковки запасных твердотельных блоков, грязные ящики с инструментами. Светящиеся надписи указывали, где и что лежит.

Сейчас Паркер и Рипли, пожалуй, уже вне пределов слышимости, подумал Брет. Чем скорее он поймает этого проклятого кота, тем лучше.

– Джонс... кис-кис-кис. Иди сюда, Джонсик. Иди к Брету, кис-кис. – Он наклонился и осмотрел темную щель между двумя огромными коробками. В щели никого не оказалось. Выпрямившись, он вытер пот со лба – сначала над левым глазом, потом над правым.

– Будь ты проклят, Джонс, – тихо пробормотал Берт. – Где, черт тебя побери, ты прячешься?

Глубоко в отсеке послышалось поскребывание. За ним последовало очень тихое, но совершенно отчетливое кошащее мяуканье. Брет облегченно вздохнул и пошел на звук.

Рипли приостановилась, устало взглянула на экранчик искателя. Красный свет погас, стрелка неподвижно стояла на нулевой отметке, а звуковой сигнал уже давно не давал о себе знать. Правда, в какое-то мгновение стрелка чуть заметно дрогнула, потом снова замерла.

— Здесь никого нет, — сказала она своему единственному помощнику. — Скорее всего никогда никого и не было кроме нас и Джонса. — Она взглянула на Паркера. — Готова обсудить любые предложения.

— Предлагаю вернуться. Там мы по крайней мере поможем Брету ловить этого чертова кота.

— Не ругайте Джонса. — Рипли по привычке встала на защиту животного. — Он перепугался не меньше любого из нас.

Они повернули и пошли назад по зловонному коридору. На всякий случай Рипли оставила искатель включенным.

Брет пробирался между штабелями с оборудованием и стеной. Особенно далеко здесь не пройдешь, подумал он. Многочисленные стойки и опоры, поддерживавшие верхние уровни “Ностромо” со всей их начинкой, тесно переплетались, образуя настоящую сеть.

Брет уже был готов окончательно отказаться от дальнейших поисков, когда снова услышал знакомое мяуканье. Обогнув очередную опору, он увидел ярко горевшие в темноте два маленьких желтых глаза. На мгновение техник заколебался. Джонс был примерно такого же размера,

как и чужая тварь, высвободившаяся из груди Кейна, так что в темноте нетрудно было и ошибиться. После еще одного "мяу!" Брет почувствовал себя уверенней. Такой звук мог издавать только обычный домашний кот.

Техник с трудом продвинулся еще на несколько метров, наклонился, чтобы пролезть под балкой, и увидел рыжую шерсть и усы. Конечно, это был Джонс.

- Эй, киса... рад тебя видеть, пушистый чертенок, - сказал Брет и потянулся к коту.

Джонс угрожающе зашипел и попятился глубже в щель.

- Джонс, перестань. Иди к Брету. Сейчас не время для игр.

В этот момент сверху осторожно спускалось некое существо. Оно было не намного тоньше той балки, под которой только что пролез Брет. Существо двигалось совершенно бесшумно. Если бы Брет увидел его, он бы почувствовал, что за осторожными движениями кроется невероятная сила. Существо протянуло лапы и моментально обхватило шею Брета так, что одна лапа зашла за другую. Брет вскрикнул, инстинктивно потянулся руками к шее, стараясь высвободиться. Но... с таким же успехом он мог пытаться разорвать голыми руками стальное кольцо. Тварь потащила Брета вверх, и его ноги беспомощно повисли в воздухе. Под ногами техника стрелой промчался Джонс.

Кот мелькнул мимо Рипли и Паркера, которые в этот момент как раз входили в отсек, совершенно не готовые к сюрпризам. Скоро они стояли на том месте, где несколько мгновений назад безвольно болтались ноги Брета. В почти полной темноте они лишь мельком успели уви-

деть поднимающееся вверх неестественно изогнутое тело техника. Не более секунды над ним можно было разглядеть смазанный силуэт чужой твари, теперь чем-то похожей на человека, но определенно не человека. Большой и злобной твари. На мгновение в темноте сверкнули гигантские глаза – слишком большие даже для огромной головы. Тут же чужая тварь и техник исчезли в верхних уровнях “Ностромо”.

– Боже мой, – прошептал Паркер.

– А тварь подросла, – констатировала Рипли, с тоской глядя на свою электропогонялку и невольно сравнивая ее с огромным и мощным чужим существом. – И растет она быстро. Пока мы искали нечто размером с Джонса, оно превратилось в настоящее чудовище...

Только сейчас Рипли почти физически ощутила, в каком закоулке они стоят: темень, теснота, кучи массивных ящиков и коробок, толстые металлические опоры, бессчетное множество узких проходов между ними.

– Что мы здесь стоим? Тварь может вернуться. – Рипли подняла почти игрушечную электропогонялку и только сейчас поняла, насколько бесполезной она была бы в борьбе с такой огромной и сильной тварью.

Рипли и Паркер поспешно покинули отсек. Как им хотелось бы забыть последний короткий вскрик Брета... Паркер давно и хорошо знал техника, но этот последний крик товарища заставил его бежать, не отставая от Рипли...

11 Теперь на лицах астронавтов, собравшихся в столовой, уверенности поубавилось. Никто не пытался скрыть страх и тревогу, и меньше всех Рипли и Паркер. Увидев

своими глазами врага, с которым предстояло бороться, они потеряли надежду на успех.

Даллас изучал только что отпечатанную компьютером схему "Ностромо". Паркер, стоя у двери, время от времени испуганно поглядывал в коридор. Все молчали.

- Не знаю, как назвать эту чужую тварь, - прервал молчание инженер, - теперь это уже не тварь, а тварища. Она набросилась на Брета, как гигантская летучая мышь.

Даллас оторвался от схемы:

- Вы уверены, что тварь затащила Брета в канал?

- Она исчезла вместе с Бретом в одном из воздухопроводов системы охлаждения, - пояснила Рипли, в отчаянии сжимая руки. - Я своими глазами видела, как они исчезли там. В любом случае им больше некуда было скрыться.

- Да, здесь сомневаться не приходится, - подтвердил Паркер. - Тварища рыщет по всем воздуховодам. Поэтому-то мы и не могли засечь ее искателем.

- Значит, по воздуховодам. - Объяснение Рипли и Паркера, кажется, наконец дошло до капитана. - Что ж, в этом есть смысл. Джонс тоже любит гулять по воздуховодам.

Ламберт постаралась отвлечься чашкой кофе и лениво помешивала темную, густую жидкость.

- Возможно, Брет еще жив, - проговорила она.

- Иключено, - Рипли старалась быть объективной. - Тварь скрутила его, словно старую тряпичную куклу.

- Но для чего ей понадобился Брет? - пода-ла голос Ламберт. - Почему она утащила его, а не убила на месте?

- Возможно, она хочет сделать из него инку-

батор вроде того, который первая форма организма сделала из Кейна, – предположил Эш.

– А может, он нужен ей в качестве пищи. – Рипли содрогнулась.

Ламберт поставила чашку на стол.

– Как бы то ни было, с двумя тварь расправилась. Остались пятеро.

Паркер долго вертел в руках электропогонялку, потом повернулся и с силой швырнул ее об стену. Трубка погнулась и упала на пол. Щелкнув пару раз, она отключилась.

– Предлагаю сжечь проклятую тварь мощным лазером. Так у нас будет хоть какая-то надежда.

Даллас попытался успокоить инженера:

– Паркер, я хорошо понимаю ваши переживания. Мы все тоже любили Брета. Но теперь нам нужно постараться сохранить свои головы. Если эта тварь сейчас так велика, как вы говорите, то в ней должно быть столько кислоты, что ее вполне хватит, чтобы прожечь в корабле дыру размером с эту столовую. Не говоря уже о том, что эта кислота может натворить со схемами и приборами, которыми напичканы все отсеки. Мы не можем пойти на такой риск. Пока не можем.

– Пока? – Охватившая было Паркера злость постепенно уступала место сознанию собственной беспомощности. – Сколько еще человек должна сожрать эта гадина, чтобы вы поняли, что это единственный способ ее одолеть?

– Паркер, в любом случае из этого ничего не выйдет, – подал реплику Эш.

Инженер повернул к нему хмурое лицо.

– Что вы имеете в виду?

– Я хочу сказать, что при встрече с чужим организмом вы должны с первого выстрела по-

разить лазерным лучом его жизненно важный орган. Судя по вашему описанию, этот организм стал чрезвычайно подвижным, большим и сильным. Думаю, разумно предположить, что он обладает такой же способностью к регенерации своих тканей и органов, как и его первоначальная форма. Отсюда следует, что либо вы убьете его мгновенно, либо окажетесь в его лапах.

Это было бы достаточно сложной задачей, даже если бы вашим противником был обычный человек. А здесь, эта задача, боюсь, вообще неразрешима: ведь мы понятия не имеем, где у чужого существа жизненно важные органы. Больше того, мы даже не знаем, есть ли они у него вообще. Понимаете?

Эш старался говорить как можно мягче. Все знали, что Брет и Паркер были друзьями.

– Попробуйте представить, как будут развиваться события, – продолжал Эш. – Предположим, двоим из нас удастся встретиться с этим чужаком на открытом месте, где мы сможем произвести прицельный выстрел. Заметьте, это ни в коей мере не гарантировано. Предположим далее, что мы поразим его, скажем, шесть раз. После этого чужак разорвет нас в клочья. Все шесть ран он залечит достаточно быстро, чтобы самому остаться в живых, но не настолько быстро, чтобы не успеть выделить кислоту, которая наделает множество дыр в корабле. Возможно, будет выведена из строя система воздухообеспечения или освещения.

Если учесть все, что нам известно о чужаке, такой сценарий представляется весьма вероятным. А каков будет результат? Мы потеряем еще минимум двух товарищей, а состояние корабля станет намного хуже, чем сейчас.

Паркер мрачно выслушал Эша.

- Так что же нам делать, черт возьми? - после длительного раздумья спросил он.

- Сработать может только один план, - ответил ему Даллас, положив руку на схему. - Надо выяснить, в каком именно воздуховоде скрывается тварь, выкурить ее оттуда, загнать в воздушный шлюз и вышвырнуть в открытый космос.

- Загнать? - Паркер невесело рассмеялся. - Я же сказал вам: этот сукин сын - настоящий гигант. - Он презрительно плюнул на поломанную электропогонялку. - Такой игрушкой эту тварь не загонишь.

- Капитан говорит разумно, - сказала Ламберт. - Согласна, мы должны загнать тварь в шлюз. Вопрос в том, как это сделать?

Окинув взглядом хмурые лица товарищей, подала голос Рипли:

- Думаю, настало время, когда наш научный отдел должен сказать свое слово. Эш, у вас есть что сказать?

- Что ж, очевидно, чужой организм хорошо приспособился к богатой кислородом атмосфере. Возможно, с этим как-то связан быстрый рост организма, по крайней мере в его сегодняшней форме, - задумчиво проговорил Эш.

- В его сегодняшней форме, - эхом отозвалась Ламберт. - Вы хотите сказать, что тварь может превратиться еще во что-нибудь?

Эш развел руками:

- Мы так мало знаем об этом организме. Нужно быть готовыми ко всему. На наших глазах организм уже претерпел три превращения: яйца - в форму руки, формы руки - в то, что развивалось в Кейне, и последнего - в значительно

большую двуногую форму. У нас нет никаких оснований предполагать, что двуногая форма является последней в цепи последовательных трансформаций. – Эш помедлил и добавил: – Можно с полным основанием предположить, что очередная форма, которую примет чужой организм, будет еще больше и еще сильнее.

– Ободряюще звучит, – пробормотала Рипли. – Что еще?

– Очевидно, чужой организм не только обладает высокой приспособляемостью к составу атмосферы, но и неприхотлив в питании. Мы уже знаем, что он может обходиться неопределенно долго без пищи в атмосфере различного состава, возможно, даже в вакууме.

Едва ли не единственный фактор, о котором мы пока ничего не знаем, это способность чужого организма выдерживать резкие перепады температур. На борту “Ностромо” тепло. Учитывая среднюю температуру поверхности планеты, на которой мы впервые обнаружили организм, можно достаточно обоснованно исключить низкие температуры как средство устрашения или оружие борьбы, хотя к холоду начальная форма яйца, вероятно, устойчивее, чем сегодняшняя двуногая. Подобные прецеденты известны.

– Ладно, – сказала Рипли. – Так что же насчет температуры? Что будет, если мы ее повысим?

– Давайте подумаем, – ответил Эш. – Температуру всего корабля мы поднять не можем по той же причине, по которой не могли бы откачать весь воздух. Недостаточные запасы воздуха в скафандрах, ограниченная подвижность, полная беспомощность в холодильных камерах и так далее. Но большинство живых существ боится огня. Нет необходимости нагревать весь корабль.

– Можно натянуть проволоку в нескольких коридорах, заманить тварь за проволоку и включить высокое напряжение. Тогда она хорошо поджарится, – предложила Ламберт.

– Мы имеем дело не с животным, – возразил Эш. – А если и с животным, то чрезвычайно смышленным. Не думаю, что это существо слепо натолкнется на провод или что бы то ни было, блокирующее проход через коридор. Оно уже продемонстрировало нам свои способности, выбрав для перемещения по кораблю воздуховоды вместо коридоров.

Кроме того, некоторые примитивные организмы, например акулы, чувствуют электрическое поле. В общем, Ламберт, ваше предложение не годится.

– Возможно, тварь способна обнаруживать электрическое поле, которое генерирует тело человека, – мрачно сказала Рипли. – Может быть, именно так она и следит за нами.

Паркер засомневался:

– Я бы сказал, что тварь скорее полагается на зрение. Конечно, если то, что мы видели мельком, это и в самом деле глаза.

– Это могли быть и не глаза.

– Обладающий такими богатыми возможностями организм, вероятно, пользуется для самоориентации и выслеживания жертвы различными органами чувств, – предположил Эш.

– Все эти провода мне не нравятся в любом случае. – Лицо Паркера покраснело от волнения. – Не люблю я все эти тонкие штучки. Когда тварь вылетит из шлюза, я хочу быть рядом. Хочу своими глазами увидеть, как она сдохнет. – Он на минуту замолчал, потом уже более спокойным тоном добавил: – Я хочу ус-

лышать, как эта тварь завопит от боли и страха – как кричал Брет.

– Сколько времени вам потребуется, чтобы изготовить три-четыре огнемета? – спросил Даллас.

– Минут двадцать. На складе есть все детали. Проблема только в том, чтобы сделать их удобными и легкими.

– Можете обеспечить достаточную мощность огневой струи? Чтобы мы не попали в ситуацию вроде той, которую нам обрисовал Эш при использовании лазерного оружия. Нам нужен такой огнемет, который остановит тварь моментально.

– Не беспокойтесь. – Голос Паркера стал спокойным и жестким. – Я сделаю так, что огнеметом можно будет поджарить все что угодно за доли секунды.

– Возможно, это лучший выход, – подытожил капитан и обвел взглядом товарищей. – Другие предложения есть?

Других предложений не было.

– Хорошо. – Даллас резко встал. – Когда огнеметы будут готовы, начнем отсюда и будем продвигаться вниз до уровня С и того отсека, где тварь схватила Брета. Там и попробуем ее выследить.

Паркер засомневался:

– Тварь запросто протащила Брета между опорами и потом исчезла вместе с ним в воздуходе. Пытаться преследовать ее там бесполезно. Надо быть обезьяной, чтобы лазить по трубам, – он замолчал и выжидающе посмотрел на Рипли, но на этот раз та промолчала.

– Вы предпочитаете сидеть здесь и ждать, когда тварь сама придет к вам? – спросил Даллас. – Чем дольше мы заставим ее занимать оборонительную позицию, тем лучше для нас.

– Вы упустили одну мелочь, – сказала Рипли.

– Какую именно?

– Занимала ли эта тварь оборонительную позицию хотя бы одну минуту, – сказала Рипли, твердо глядя в глаза капитану.

Огнеметы оказались более неуклюжими, чем электропогонялки, и не произвели серьезного впечатления, но Паркер заверил, что если уж электропогонялки делали все, что от них требовалось, то огнеметы выполнят свою задачу не хуже. На этот раз, однако, инженер отказался демонстрировать оружие в действии, поскольку, объяснил он, пламя огнемета способно повредить перекрытия.

Для всех самым убедительным доказательством эффективности нового оружия был тот факт, что Паркер вверил ему и собственную жизнь. Для всех, но не для Рипли. Она начала подозревать всех и вся. Она всегда страдала излишней подозрительностью, а события последних дней только подливали масла в огонь. Теперь Рипли уже не только боялась чужой твари, но и всерьез опасалась за свое психическое состояние.

Конечно, думала она, как только им удастся найти и убить чужую тварь, за психику можно будет не беспокоиться. Но удастся ли?

Небольшая группка людей осторожно пробиравась из столовой на уровень В. Они подошли к очередному трапу, когда оба искателя бешено загудели. Эш и Рипли моментально отключили звуковую сигнализацию. Неотрывно следя за стрелками приборов, они прошли всего лишь метров десять, когда услышали другой, еще более громкий звук – скрежет разрываемого металла.

- Спокойно. - Даллас поудобнее перехватил огнемёт.

Он завернул за угол. Здесь скрежет стал еще громче. Даллас понял, где находится источник этих звуков.

- Пищевая кладовая, - прошептал он, повернувшись к товарищам. - Тварь там, в кладовой.

- Вы только послушайте, - в ужасе пробормотала Ламберт. - Господи, должно быть, эта тварь стала настоящим гигантом.

- Не маленькая, - тихо согласился Паркер. - Я видел ее, вы же помните. И сильная. Она потащила Брета, как... - он замолчал на полуслове; при мысли о Брете всякое желание разговаривать пропадало.

Даллас поднял огнемёт соплом кверху.

- С другой стороны кладовой есть отдушина, связанная с воздуховодом. Тварь через нее туда и попала, - сказал он и повернулся к Паркеру. - Вы уверены, что эта штука работает?

- Я ее делал, разве не так?

- Вот поэтому-то мы и беспокоимся, - съязвила Рипли.

Они двинулись вперед. Скрежет металла не прекращался. Все пятеро расположились полукругом у входа в кладовую. Даллас посмотрел на Паркера, потом на тяжелую дверную ручку. Инженер нехотя взялся на нее. Даллас отступил на два шага, взяв огнемёт на изготовку.

- Давай! - тихо приказал он.

Паркер рывком распахнул дверь и отпрыгнул в сторону. Даллас нажал спусковую кнопку неуклюжего оружия. Из огнемёта вырвался удивительно широкий конус оранжевого пламени, он закрыл весь дверной проем и заполнил все помещение кладовой. Нестерпимый жар заставил

астронавтов попятиться. Только Даллас, не обращая внимания на перехвативший дыхание жар, быстро сделал несколько шагов вперед, нажал на спуск второй раз, потом третий, прошел еще дальше, резко повернулся налево, потом направо, готовый в любой миг выстрелить в любом направлении.

Несколько минут, пока кладовая не охладилась настолько, что туда можно было войти, прошли в напряженном молчаливом ожидании. Даже и через десять минут дымящиеся остатки того, что еще недавно было запасами продуктов, были раскалены, и астронавтам приходилось пробираться с большой осторожностью, чтобы не обжечься, прикоснувшись случайно к банкам или стенам.

Кладовая как таковая прекратила свое существование. Разрушение, начатое чужой тварью, было завершено огнеметом Далласа. Черные потеки на стенах наглядно демонстрировали мощностъ огнемета. В тесном помещении стоял устойчивый мерзкий запах обуглившихся упаковочных материалов и синтетической древесины.

И все же в пламени огнемета сгорело не все. Можно было разглядеть доказательства разрушительной деятельности чужой твари. На полу в беспорядке валялись упаковки самых разных форм и размеров, вскрытые способом, явно не предусмотренным фирмами-изготовителями.

С толстостенных металлических "жестянок" (называемых так скорее по традиции, а совсем не потому, что они были из жести) металл был содран, как кожура с апельсина. Было ясно, что чужая тварь оставила на долю огнемета не так уж много.

С включенными искателями, держа наготове

огнеметы, астронавты бродили среди того, что совсем недавно было их пищей. Поднимавшийся вверх ядовитый дым жег глаза.

Тщательный осмотр всех мало-мальски больших груд испорченных продуктов не дал того результата, на который так надеялись астронавты.

На борту "Ностромо" хранились только искусственные и потому более или менее однородные по составу пищевые продукты. Значит, любая найденная ими кость могла принадлежать только чужой твари. Больше всего походили на кости, пожалуй, лишь крепежные ленты с некоторых больших коробок.

Общее напряжение спадало. Рипли и Ламберт прислонились к все еще горячей стене, не обращая внимания на жар.

– Так мы ее и не поймали, – разочарованно пробормотала Рипли.

– Куда же она могла скрыться? – недоумевала Ламберт.

– Туда. – Рипли показал наверх.

Все повернулись к Далласу. Тот стоял у дальней от входа стены, за грудой обгоревшего черного пластика.

– Вот куда смылась тварь. – Он показал огнеметом на стену.

Все подошли ближе. Даллас стоял возле вентиляционного отверстия. Рядом на полу валялись обломки решетки, обычно закрывавшей его.

Сняв с пояса переносной фонарь, Даллас направил луч в воздуховод. Фонарь осветил только гладкие металлические стенки.

– Теперь тварь у нас в руках, – возбужденно сказал капитан.

– О чем вы говорите? – не поняла Ламберт.

Даллас повернулся к товарищам и объяснил:

– Вы еще не поняли? Этот воздуховод может оказать нам большую помощь. Другой его выход находится рядом с главной шлюзовой камерой. На всем пути до шлюза имеется еще только одно достаточно большое отверстие, через которое чужая тварь могла бы уйти. Это отверстие мы можем прикрыть. Потом огнеметами загоним тварь в шлюзовую камеру и выбросим ее в космос.

– Да-а, – протянула Ламберт, всем своим видом показывая, что она не разделяет энтузиазма капитана. – Проще простого. Только и всего – ползти по воздуховоду в крошечной темноте, пока не упруешься твари прямо в морду. Потом останется лишь надеяться, что она испугается огня.

Даллас помрачнел.

– Вы хотите сказать, что участие человека делает наш план не очень надежным? Но план должен сработать, если только чужая тварь боится огня. Это наш единственный шанс. Нет необходимости загонять тварь в угол и надеяться, что пламя уничтожит ее достаточно быстро. Я думаю, она будет отступать... прямо до воздушного шлюза.

– Все это так, – согласилась наконец Ламберт. – Осталось решить одну небольшую проблему: кто полезет в воздуховод?

Даллас обвел глазами оставшихся в живых товарищей в поисках самой подходящей кандидатуры для смертельно опасной игры в пятнашки. Эш – самый хладнокровный и спокойный, но Даллас все еще не мог отделаться от подозрений. К тому же он обещал найти нейтрализующее средство для той кислоты, которую выделяет тварь. Значит, его посылать нельзя.

Ламберт на первый взгляд решительности хватает, но в критической ситуации она растеряется первой. А вот что касается Рипли – та в момент встречи с тварью должна проявить себя прекрасно. Впрочем, Даллас не был уверен, согласится ли она. Наверно, согласится... Но имеет ли он право рисковать ее жизнью?

Паркер... Инженер всегда играл роль крепкого парня. Жаловался он много, но не чурался любой работы, а уж если что делал, то делал, как надо. Достаточно вспомнить электропогонялки, а теперь еще и огнеметы. Кроме того, чужая тварь утатила его друга. Наконец, он лучше любого из нас знает все тонкости обращения с огнеметами.

– Что ж, Паркер, вы всегда хотели получить полную ставку плюс всю премию.

– Ну и что? – насторожился инженер.

– Вы полезете в трубу.

– Почему я?

Даллас хотел было привести целый ряд доводов, но потом решил ограничиться самым простым аргументом:

– Просто я хочу, чтобы вы получили право на полную долю, вот и все.

Паркер отрицательно покачал головой и отступил на шаг.

– Ничего не выйдет. Можете взять мою долю себе. Можете забрать все, что я заработаю за этот рейс. – Он дернул головой в сторону воздуховода. – Туда я ни за что не полезу.

– Я пойду, – просто сказала Рипли.

Даллас пристально посмотрел на нее. Рано или поздно она должна была вызваться, подумал он. Интересная женщина. Он всегда ее недооценивал. Все ее недооценивали.

– Это исключено, – ответил капитан.

- Почему? - Рипли, казалось, даже обиделась.

- Действительно, почему? - вставил Паркер. - Если она сама этого хочет, почему бы и нет?

- Потому что я принял другое решение, - не допускающим возражения тоном ответил Даллас.

Капитан еще раз посмотрел на Рипли. Ему показалось, что она и обижается, и смущается одновременно. Она так и не поняла, почему капитан отказал ей. Ладно, это неважно. Возможно, когда-нибудь он ей объяснит. Если прежде удастся объяснить самому себе.

- Вы займете позицию у воздушного шлюза, - сказал Даллас Рипли. - Эш, вы остаетесь здесь и прикрываете этот выход на тот случай, если тварь каким-то образом окажется позади меня или проползет мимо. Вы, Паркер, и Ламберт будете прикрывать другой выход из этого воздуховода, тот, о котором я уже говорил.

Все смотрели на капитана с пониманием. Теперь не приходилось сомневаться, кто же полетит в воздуховод.

Задыхаясь от быстрого бега, Рипли примчалась в коридор, где находился вход в правый воздушный шлюз. Она бросила взгляд на искатель: движущихся объектов поблизости не было. Она прикоснулась к находившейся рядом красной кнопке. Массивный люк с негромким жужжанием скользнул в сторону. Когда он открылся полностью и жужжание прекратилось, Рипли включила микрофон внутренней связи:

- Воздушный шлюз по правому борту открыт.

Паркер и Ламберт примерно в это же время добрались до названного Далласом места. Забранное решеткой вентиляционное отверстие, казавшееся таким мирным, располагалось ближе к потолку.

– Значит, если тварь выберет этот путь, она будет вылезать здесь, – сказал Паркер.

Ламберт кивнула и пошла к ближайшему микрофону внутренней связи сообщить, что они заняли позицию.

В помещении кладовой Даллас выслушал доклады сначала Ламберт, потом Рипли, задал уточняющие вопросы и, подтвердив получение ответов, отключил микрофон. Эш вручил ему огнемёт. Даллас, отрегулировав оружие, сделал два коротких контрольных выстрела.

– Работает. Паркер сам не знает, насколько он хорош как механик, – заметил капитан. Обратив внимание на вопросительное выражение на лице Эша, он спросил: – В чем дело?

– Все в порядке. Вы приняли решение. Комментировать приказы – не мое дело.

– Но вы же ученый. Так что валяйте, комментируйте.

– То, что я хотел бы сказать, не имеет никакого отношения к науке.

– Сейчас не время ходить вокруг да около. Говорите.

Эш пристально, с неподдельным изумлением рассматривал капитана.

– Почему в воздуховод должны лезть именно вы? Почему вы не послали Рипли? Она сама выразила желание, и она достаточно компетентна.

– Мне не следовало даже предлагать никому, кроме самого себя, – ответил Даллас, проверяя уровень горючего в огнемёте. – Это была моя ошибка. В создавшейся ситуации виноват прежде всего я. Я позволил Кейну спуститься в шахту на брошенном корабле. Теперь настал мой черед. Я достаточно долго заставлял рисковать других. Настало время рискнуть самому.

- Вы - капитан, - возразил Эш. - В такой ситуации капитану нужно быть прагматиком, а не героем. Вы поступили совершенно правильно, послав в шахту Кейна. Почему же сейчас вы приняли другое решение?

Даллас улыбнулся. Не часто удастся уличить Эша в непоследовательности.

- Не вам говорить о том, что правильно, а что нет. Ведь именно вы открыли люк и впустили нас на корабль. Не так ли?

Эш промолчал, и капитан закончил:

- Так что не учите, что мне нужно делать.

- Если мы потеряем вас, оставшимся придется труднее. Особенно сейчас.

- Вы только что упомянули, что считаете Рипли достаточно компетентной. В этом я с вами согласен. Сейчас на корабле она старшая по званию после меня. Если я не вернусь, она справится с обязанностями капитана не хуже меня.

- Я не согласен.

Это была пустая трата времени. Не говоря уж о том, что пока они препирались, тварь могла уйти очень далеко. Далласу надоели бессмысленные споры.

- Вас трудно переубедить. Это мое решение, и оно окончательное.

Он повернулся, поставил правую ногу в отверстие воздуховода, потом, просунув вперед огнемёт, убедился, что оружие не соскальзывает по слегка уходящей вниз поверхности.

- Так ничего не получится, - пробормотал он, всматриваясь в темноту. - Даже пригнувшись, здесь не пройдёшь, - он вытащил ногу. - Придется пробираться ползком.

Даллас нагнул голову и нырнул в отверстие.

Шахта воздуховода оказалась более тесной, чем он предполагал. Трудно было представить, как могло ловко и быстро развернуться здесь такое большое существо, о каком говорили Паркер и Рипли. Ладно, вперед! Оставалось надеяться, что дальше воздуховод сузится настолько, что удирающая второпях тварь где-нибудь плотно застрянет. Тогда бы задача решалась значительно проще.

Сзади донесся голос Эша:

– Как у вас дела?

– Не слишком здорово, – сообщил Даллас, выбирая наиболее удобное положение. – Воздуховод достаточно широк, чтобы быть максимальным неудобным.

Он включил переносной фонарь, нервно пошарил рукой и немного успокоился, обнаружив, что портативный микрофон на месте. Луч фонаря осветил пустой, совершенно прямой канал воздуховода, уходивший немного вниз. Даллас знал, что потом наклон станет чуть круче. Чтобы добраться до воздушного шлюза у правого борта, ему предстояло проползти вдоль всего корабля, одновременно спустившись уровнем ниже.

– Рипли, Паркер, Ламберт... вы меня слышите? Нахожусь в шахте воздуховода, готов к спуску.

Ламберт крикнула в настенный микрофон:

– Слышим вас хорошо. Постараюсь следить за вами, как только вы окажетесь в диапазоне действия нашего искателя.

Стоявший рядом Паркер поднял огнемёт и свирепо посмотрел на закрывающую вентиляционный ход решетку.

– Паркер, – проинструктировал Даллас инженера, – если тварь попытается вылезти у вас,

загоняйте ее назад в воздуховод. Я буду гнать ее вперед.

- Понял.

- Шлюз готов, - доложила Рипли. - Он открыт и ждет гостя.

- Гость идет, - ответил Даллас.

Он осторожно пополз, внимательно всматриваясь вперед и не убирая пальца со спусковой кнопки огнемёта. Здесь диаметр воздуховода не превышал метра. От постоянного соприкосновения с твердым металлом сразу заболели колени. Нужно было одеть сверху еще один комбинезон, подумал он. Впрочем, теперь уже поздно. Назад он не пойдет.

- Как у вас дела? - прозвучало в наушниках.

- Нормально, - ответил капитан обеспокоенному Эшу. - Не волнуйтесь за меня. Следите за вашим выходом на тот случай, если тварь как-то проскользнет мимо меня.

Он миновал первый изгиб вентиляционной шахты, постарался возможно точнее представить себе схему системы вентиляции "Ностромо". К сожалению, тогда, в столовой, запоминать ее во всех деталях было некогда. Вентиляционные шахты едва ли можно отнести к важнейшим системам корабля. Теперь же слишком поздно сожалеть, что он не уделил больше времени работе со схемами.

Впереди показался крутой поворот. Тяжело дыша, Даллас остановился, приподнял сопло огнемёта. Ничто не говорило о том, что за этим изгибом кто-то прячется, но лучше не рисковать. Судя по указателю оружие было заряжено почти до отказа. Не лишне дать знать чужой твари, что ее здесь ждет, подумал Даллас. Мо-

жет быть, это заставит ее ползти вперед, и ему не придется столкнуться с ней нос к носу.

Даллас прикоснулся к красной кнопке. Из сопла вырвался конус пламени. В тесном воздуховоде огнемет проревел оглушительно громко, и лицо и руки Далласа опалил нестерпимый жар. Он снова двинулся вперед, стараясь не прикасаться незащищенными руками к раскалившемуся металлу. Жар ощущался даже сквозь достаточно плотную ткань комбинезона. Впрочем, на такие мелочи Даллас не обращал внимания. Он думал только о лежавшем перед ним отрезке воздуховода, стараясь не пропустить малейшее движение, малейший посторонний запах.

Во вверенном ей отсеке Ламберт задумчиво рассматривала зарешеченное отверстие в стене. Отступив на несколько шагов, она щелкнула настенным переключателем. Послышалось гудение, и металлическая решетка скользнула в сторону, открыв в стене большой проем.

- Вы с ума сошли? - Паркер недоуменно смотрел на штурмана.

- Если тварь завернет сюда, - объяснила Ламберт, - я хотела бы заранее знать о ее приближении. За решеткой слишком темно. Я предлагаю ее снять.

Паркер хотел было возразить, но передумал. Лучше расходувать силы на наблюдение за выходом из воздуховода, неважно, открыт ли он или закрыт. Тем более что в любом случае здесь командовала Ламберт.

Глаза Далласа заливал соленый, жгучий, словно муравьиный уксус, пот, мешающий наблюдению. Ему пришлось остановиться, чтобы вытереть лицо. Впереди показался еще один изгиб, за которым угол наклона воздуховода уве-

личивался. Даллас помнил, что примерно в этом месте и должен быть спуск, но это его не обрадовало. Теперь ему придется не только не спускать глаз с шахты, но и прилагать усилия, чтобы не скатиться вниз вместе с огнеметом.

Даллас дополз до начала спуска, направил огнемет вниз и сделал еще один короткий выстрел. В ответ не послышалось воплей, не донесся запах опаленной плоти. Значит, чужая тварь еще далеко. Интересно, подумал Даллас, не ползет ли в этот момент разозленная или испуганная тварь по воздуховоду в поисках выхода? А может быть, она развернулась, затаилась и готовится встретить своего надоедливового преследователя самыми невероятными методами защиты.

В воздуховоде стало слишком жарко, и Даллас все больше ощущал усталость. Однако не исключена и другая возможность, размышлял он. Что, если чужая тварь нашла какой-то другой способ выбраться из шахты? В таком случае все его усилия будут напрасными. Разрешить сомнения можно было только одним путем. Даллас двинулся вперед, выставив огнемет перед собой.

Колебание стрелки искателя первой заметила Ламберт. Примерно с минуту ей пришлось изрядно понервничать, пока она не убедилась, что сигнал исходит именно от капитана.

– Искатель вас уже обнаружил, – сообщила она ему, когда он был еще довольно далеко.

– Отлично, – отозвался Даллас. Когда знаешь, что товарищи следят за каждым твоим шагом, ползти становится немного легче. – Не упускайте меня из виду.

Показался очередной изгиб. Даллас никак не мог взять в толк, откуда здесь столько поворотов и довольно крутых изгибов, но был совершенно уверен, что пока находится в главной шахте вентиляционной системы. По пути ему не попался ни один боковой канал, в который могло бы влезть любое живое существо чуть больше Джонса. Хотя чужая тварь уже продемонстрировала свою способность протискиваться через очень узкие отверстия, Далласу не верилось, что она сможет сжаться так, что пролезет через вспомогательный воздуховод диаметром не больше десяти сантиметров.

Следующий изгиб воздуховода оказался особенно трудным. Длинный, жесткий ствол огнемета не помогал преодолевать поворот. Тяжело дыша, Даллас остановился, чтобы решить, как двигаться дальше.

– Рипли.

Сразу обратив внимание на необычный тон капитана, она бросилась к микрофону.

– Я здесь. Слышу вас хорошо. Что-нибудь не так? У вас такой голос... – Рипли осеклась. Какой еще может быть голос у человека, который ползет по воздуховоду и каждую секунду ждет встречи с чужой тварью.

– У меня все в порядке, – сказал Даллас. – Просто устал. Потерял форму. После нескольких недель в гиперсне мышечный тонус понижается, какие бы специальные меры ни принимались.

Даллас изогнулся так, чтобы было лучше видно все происходящее впереди.

– Надо надеяться, что эта шахта не будет тянуться бесконечно. Здесь становится жарковато.

Этого и следовало ожидать, сказал себе капитан. Кондиционеры, охлаждающие воздухово-

ды, не в состоянии справиться с суммарным эффектом нескольких выстрелов из огнемета.

- Пошел дальше. Будьте наготове.

Наконец Даллас вылез из тесной шахты. Если бы в этот момент кто-то посмотрел на него, то непременно обратил бы внимание на выражение облегчения на его лице. Шахта вышла в один из главных воздухопроводов "Ностромо", большой двухъярусный туннель, разделенный узким переходным мостиком без поручней. Даллас с удовольствием выпрямился.

Тщательный осмотр главного воздуховода не дал никаких результатов. Сюда доносилось только равномерное гудение кондиционеров. Мостик вел к ремонтному разветвлению. Даллас направился к нему, еще раз осмотрел помещение. Насколько было видно, большая камера была пуста. Пока я стою на мостике, подумал Даллас, тварь на меня не нападет. Отличное место, чтобы передохнуть пару минут. В отдыхе он очень нуждался. Даллас сел на мостик, мельком заглянул под него и включил микрофон.

- Ламберт, какой сигнал вы зарегистрировали? Я в одном из главных воздухопроводов, в ремонтном разветвлении. Здесь кроме меня никого нет.

Ламберт еще раз в замешательстве посмотрела на искатель, потом, озабоченно взглянув на Паркера, сунула прибор ему.

- Вы можете понять, что он показывает?

Паркер осмотрел прибор, понаблюдал за стрелкой.

- Нет. Это игрушка Эша, а не моя. Впрочем, согласен, тут что-то не так.

- Ламберт? - еще раз вызвал штурмана Даллас.

- Ламберт слушает. Теперь я не могу сказать точно. - Ламберт встряхнула искатель; показания прибора от этого не стали понятней. - Кажется, прибор регистрирует двойной сигнал.

- Чепуха какая-то. Вы видите два отдельных показания?

- Нет. Одно, но какое-то совершенно невероятное.

- Возможно, что-то мешает прибору, - сказал Даллас. - Здесь поток воздуха закручивается так, что может сбить с толку ваш наспех собранный искатель. Он ведь измеряет изменение плотности воздуха. Пойду дальше. Будем надеяться, что при движении показания станут более понятными.

Даллас встал. Он не заметил, что из-под мостика, на котором он только что сидел, высунулась мощная, когтистая лапа. Капитан сделал шаг, и лапе не хватило нескольких сантиметров, чтобы дотянуться до его левой ноги. Так же бесшумно лапа снова скрылась под мостиком.

Даллас дошел до середины камеры и остановился.

- Ламберт, теперь лучше? Я прошел вперед. Прибор регистрирует мое движение?

- Ваше движение регистрируется, здесь все в порядке, - взволнованно ответила Ламберт. - Но я по-прежнему вижу двойной сигнал. Мне кажется, это два различных сигнала. Я не понимаю, какой сигнал соответствует вам, а какой...

Даллас резко обернулся, внимательно осмотрел пол, потолок, стены камеры, широкую шахту, из которой он только что выполз, потом уз-

кий мостик и остановил взгляд на том месте, где он сидел минуту назад.

Даллас опустил сопло огнемёта. Если теперь, когда он прошел часть камеры, более сильный сигнал соответствовал ему, то источник второго сигнала должен быть... Даллас положил палец на красную спусковую кнопку огнемёта.

За спиной капитана из-под мостика снова появилась мощная лапа и потянулась к его локтю...

Источником более сильного сигнала была чужая тварь.

Рипли стояла рядом со входом в воздуховод, наблюдая за ним и одновременно за открытым люком шлюза. Издалека донесся странный звук, похожий на звон. Сначала она подумала, что звенит у нее в ушах — она и раньше часто слышала непонятные звуки. Однако звон повторился. На этот раз он был громче и сопровождался эхом. Он определенно доносился из глубины воздуховода. Рипли судорожно сжала в руках огнемёт.

Звон прекратился. Вопреки голосу рассудка она придвинулась чуть ближе к отверстию в стене, не опуская сопла огнемёта.

И в этот момент Рипли услышала другой звук, на этот раз до боли знакомый. Человеческий вопль. Она узнала голос.

Забыв все тщательно разработанные планы, все правила, все доводы рассудка, она подбежала вплотную к отверстию.

— Даллас... Даллас!

Крика больше не последовало. Теперь издалека доносились только приглушенные звуки ударов. Скоро стихли и они. Рипли посмотрела на искатель. Стрелка постепенно двигалась к

нулевой отметке, красный сигнал тоже быстро ослабевал. Как тот вопль.

Рипли бросилась к микрофону.

– Боже мой! Паркер, Ламберт! – закричала она.

– Мы здесь, – отозвалась Ламберт. – Рипли, что случилось? Я только что потеряла сигнал.

Рипли хотела что-то ответить, но язык отказывался повиноваться. Потом она вспомнила о своих новых обязанностях, взяла себя в руки, выпрямилась, хотя в этот момент никто не мог ее видеть.

– Мы только что потеряли Далласа...

12 Четверо оставшихся в живых членов экипажа “Ностромо” снова собрались в столовой. Теперь столовая не казалась слишком тесной. Впрочем, для четверки неожиданный простор столовой был ненавистен: он напоминал о том, о чем они хотели бы как можно скорее забыть.

Паркер держал в руках два огнемета. Один из них он бросил на свободный стол.

Рипли мрачно посмотрела на Паркера.

– Где он был? – спросила она.

– Лежал на полу в главном воздуховоде под узким мостиком, – невесело объяснил инженер. – Никаких следов Далласа, ни крови, ничего.

– А чужая тварь?

– Тоже никаких следов. Только в системе кондиционирования большая дыра. Прямо в металле. Не думал, что тварь настолько сильна.

– Никто из нас не думал. И Даллас тоже. С того самого момента, когда мы принесли тварь на борт корабля, она всегда опережала нас по меньшей мере на два шага. Такое положение нужно менять. Отныне мы будем считать, что

тварь может буквально все, даже превращаться в невидимку.

– Невидимые живые организмы нам не известны, – поправил ее Эш.

Рипли оглянулась на офицера-исследователя.

– Ни один из известных нам живых организмов не может разорвать и металлическую обшивку толщиной в три сантиметра, – возразила она. На этот раз Эш промолчал. – Настало время осознать, что представляет собой наш противник.

На несколько минут в столовой воцарилась тишина.

– Рипли, теперь капитан у нас – вы, – сказал наконец Паркер; он смотрел Рипли прямо в глаза. – Что касается меня, я не возражаю.

– Хорошо, – сказала Рипли и ответила Паркеру не менее внимательным взглядом.

На этот раз и слова и тон Паркера были лишены даже намек на обычный сарказм. Впервые он оставил свои вечные издевки.

Что же теперь? – спросила себя Рипли. На нее выжидающе смотрели три ее товарища. От нее ждали приказов. Она отчаянно попыталась найти какое-нибудь блестящее решение, а нашла только неуверенность в себе, страх и растерянность. Сомневаться не приходилось, точно такие же чувства испытывали и ее товарищи. Сейчас она гораздо больше понимала Далласа, но теперь это уже не имело значения.

– Тогда решено. Если ни у кого нет лучших предложений, будем действовать в соответствии с прежним планом.

– И кончим, как Даллас, – сказала Ламберт и отрицательно покачала головой. – Спасибо, мне это не подходит.

- У вас есть лучшее предложение?

- Да. Оставить корабль. Всем пересестись на спасательный челночный кораблик и убраться отсюда к чертовой матери. Постараться долететь до околоземной орбиты, там нас подберут. В крайнем случае добраться хотя бы до каких-нибудь более населенных регионов космоса, где кто-то услышит наш SOS.

Ламберт ответил Эш. Он говорил очень тихо, как бы нехотя, подчеркивая тем самым, что его вынуждают объяснять простые вещи.

- Вы забываете одно очень важное обстоятельство. Даллас и Брет имели шанс остаться в живых. Согласен, то, что произошло, в данной ситуации вполне могло произойти, но ни в коей мере не было неизбежностью. Мы не имеем права бросить корабль, пока не будем убеждены, что у нас нет другого выхода.

- Эш прав, - согласилась Рипли. - Мы должны предпринять еще одну попытку. Сейчас мы знаем, что чужая тварь прячется в воздуховодах. Предлагаю тщательно обследовать уровень за уровнем. На этот раз мы будем заваривать за собой все отверстия, все вентиляционные ходы, пока не загоним тварь в угол.

- С таким планом я согласен, - сказал Паркер и покосился на Ламберта. Та подавленно промолчала и опустила голову.

- Что у нас с оружием? - обратилась Рипли к инженеру.

Паркер проверил запас горючего в огнеметах.

- Питающие линии и сопла пока достаточно чистые. Насколько я видел, работают огнеметы хорошо. - Жестом он показал на лежавший на столе огнемёт Далласа. - Этот можно дозаправить. - Паркер помрачнел, помолчал минуту. - Горючего капитан израсходовал изрядно.

- Тогда лучше дозаправить. Эш, вы пойдете с Паркером.

Паркер бросил ничего не выражающий взгляд на научного сотрудника.

- Справлюсь сам.

Эш согласно кивнул. Паркер подхватил свой огнемёт, повернулся и вышел.

В ожидании его все трое мрачно молчали. Воцарившаяся тишина действовала Рипли на нервы, и она повернулась к Эшу:

- Какие-нибудь другие соображения? Свежие идеи, предложения, советы? От вас лично или от Мамаши?

Пожав плечами, Эш ответил извиняющимся тоном:

- Ничего нового, к сожалению. Пока собираем информацию.

Рипли в упор смотрела на Эша.

- В это я не могу верить. Вы хотите сказать, что во всей огромнейшей памяти Мамаши нет ничего, что могло бы подсказать нам, как лучше бороться с этой тварью?

- Вам это кажется странным? - ответил Эш. - Не забывайте, мы имеем дело не с обычным диким зверем. Вы сами сказали, что это существо способно на все. Оно определенно обладает зачатками разума: по меньшей мере такими же, как у собаки, а возможно, даже и большими, чем у шимпанзе. К тому же оно продемонстрировало нам свою способность к обучению. Впервые попав на борт "Ностромо", оно быстро научилось незамеченным перемещаться по всему кораблю. Подобных хищников человек еще не знал. Ничего удивительного, что все наши попытки победить это подвижное, сильное и коварное существо оканчивались неудачей.

- Вы говорите так, как будто уже готовы сдаться.

- Я всего лишь констатирую очевидное.

- "Ностромо" - современный, хорошо оснащенный корабль, способный перемещаться через гиперпространство и выполнять множество функций. И вы хотите убедить меня, что всех его ресурсов недостаточно, чтобы победить одно большое животное?

- Прошу прощения, капитан. Я изложил вам свою оценку ситуации так, как я ее понимаю. Очевидно, моя оценка вам не нравится, но факты остаются фактами. Днем человек с ружьем может охотиться на тигра и вправе рассчитывать на успех. Уберите солнечный свет, посадите человека в джунглях ночью, пусть его окружает неизвестность, - и к нему вернутся все первобытные страхи. Тогда преимущество будет на стороне тигра. Вот и мы действуем в темноте собственного незнания.

- Очень поэтично, но совершенно бесполезно.

- Еще раз прошу прощения, - безразличным тоном сказал Эш. - Что прикажете мне делать?

- Попробуйте переоценить хотя бы некоторые из "фактов", о которых вы так образно рассказали. Возвращайтесь к Мамаше и продолжайте задавать ей вопросы до тех пор, пока не получите удовлетворяющие нас ответы, - приказала Рипли.

- Хорошо. Я сделаю все, что от меня зависит. Хотя не могу понять, на что вы рассчитываете. Мамаша не умеет скрывать информацию.

- Попробуйте менять систему вопросов. Вспомните, мне удалось кое-чего добиться с помощью ЕСIU. Я имею в виду тот сигнал бедствия, который оказался вовсе не сигналом бедствия.

- Помню. - Эш с уважением посмотрел на Рипли. - Возможно, вы правы.

Эш ушел. Ламберт опустилась на стул. Рипли подвинула кресло и села рядом.

- Ламберт, постарайтесь рассуждать здраво. Вы же знаете, Даллас принял бы точно такое же решение. Он никогда не покинул бы корабль, не убедившись, что на нем никого не осталось в живых и что другого выхода нет.

Ламберт осталась при своем мнении.

- Я знаю одно: вы приказываете нам остаться, и тварь по одному сожрет всех нас.

- Обещаю вам, Ламберт, как только выяснится, что у нас ничего не получается, я прикажу всем покинуть "Ностромо". Я первой перейду в спасательный челночный корабль.

Неожиданно у Рипли мелькнула странная мысль, на первый взгляд совершенно неуместная и даже нелепая в такой ситуации, но тем не менее каким-то необъяснимым образом связанная со всеми ее сегодняшними тревогами и заботами. Она покосилась на Ламберт. На этот вопрос нужно получить правдивый ответ, иначе его не имело смысла задавать. В конце концов Рипли решила, что Ламберт, возможно, стала бы увиливать от ответа на иные вопросы, но на этот, скорее всего, ответит прямо.

Конечно, сам по себе ответ - неважно, положительный или отрицательный - еще ничего не значил. Просто в мыслях Рипли начала созреть одна идея, пока только идея, без всяких выводов.

- Ламберт, вы когда-нибудь спали с Эшем?

- Нет, - ответила Ламберт, не колеблясь и не раздумывая ни секунды. - А вы?

- Тоже нет.

Несколько минут они молчали. Ламберт заговорила первой:

— У меня всегда было такое впечатление, — как бы между прочим заметила она, — что его это не особенно интересует.

Для Ламберт весь разговор на этом и закончился. Что касается Рипли, то тема была почти исчерпана — почти, но не совсем. Она сама не смогла бы объяснить, почему продолжает возвращаться снова и снова к одной и той же мысли, отделаться от которой было невозможно, она мучила ее, и Рипли сама не могла понять почему.

Паркер, проверив уровень сжиженного метана в первом баллоне, убедился, что тот практически полон. Затем то же он проделал со вторым резервуаром, поднял оба тяжелых баллона и направился к трапу.

Как и внизу, на безлюдном уровне В Паркер почувствовал себя неуютно. Чем скорее он присоединится к остальным, подумал Паркер, тем увереннее будет себя чувствовать. Признаться, он уже жалел, что отказался от сопровождающего. Нужно быть полным идиотом, чтобы вызваться идти за баллонами в одиночку. Он пошел быстрее, стараясь не замечать тяжести громоздких, неудобных баллонов.

Паркер повернул за угол и остановился, едва не выронив ношу из рук. Впереди был виден люк, ведущий в главную шлюзовую камеру, а дальше, но не намного, мелькнула какая-то тень. Или ему это только показалось? В такой ситуации может привидеться что угодно. Паркер моргнул, стараясь точнее сориентироваться в полутьме.

Он уже готов был идти дальше, когда тень мелькнула еще раз. Похоже, тень отбрасывало нечто высокое и массивное. Быстро оглянувшись, Паркер заметил рядом один из пультов внутренней связи. Рипли и Ламберт должны быть еще на капитанском мостике, подумал он и быстро нажал кнопку под микрофоном.

Из громкоговорителя над рабочим местом Рипли донеслись какие-то непонятные звуки. Сначала Рипли решила, что это всего лишь обычные электростатические помехи, потом ей показалось, что она разобрала два-три слова.

- Рипли слушает.

- Говорите тише! - требовательно прошептал в микрофон инженер.

Движущаяся тень исчезла. Если чужая тварь его услышала...

- Я ничего не слышу, - сказала Рипли и обменялась с Ламберт недоуменными взглядами. Все же, когда Рипли взяла микрофон снова, она понизила голос. - Повторите... Почему нужно говорить шепотом?

- Чужая тварь, - чуть слышно прошептал Паркер. - Она у главного шлюза по правому борту. Да, именно сейчас! Медленно открывайте внутренний люк. Когда я скажу, быстро его закрывайте и моментально отбрасывайте наружный люк.

- Вы уверены?..

Паркер не дослушал.

- Я вам сказал, тварь в наших руках! Делайте, что я говорю, - он заставлял себя не кричать. - Теперь открывайте. Медленно.

Рипли колебалась, хотела было что-то сказать Ламберт, но та только энергично кивнула. Даже если Паркер ошибается, в худшем случае

они потеряют немного воздуха. Если же он знает, что говорит, то... Рипли решительно щелкнула переключателем.

Уровнем ниже от них Паркер старался слиться со стенами. Послышалось негромкое жужжание. Внутренний люк сдвинулся в сторону. Чужая тварь, выйдя из тени, осторожно двинулась к люку. Внутри шлюза мигали световые сигналы. Один из них, изумрудно-зеленый, был особенно ярким. Чужая тварь с любопытством смотрела на сигнал, понемногу приближаясь к порогу шлюза.

Ну давай же, входи, черт бы тебя побрал, беззвучно умолял инженер. Посмотри на этот изумительный зеленый огонек. Правильно, молодец. Ты не хочешь взять его на память? Только входи в шлюз и бери. Два-три шага - и зеленый огонек твой навсегда. Господи, пусть она сделает эти два шага!

Не сводя глаз с мигающего зеленого индикатора, чужая тварь как загипнотизированная шагнула в шлюз. Вот она уже вся там. Но не углубилась, стоит, можно сказать, почти на пороге, и разве можно угадать, когда ей надоест это развлечение или она вдруг что-то заподозрит?

- Давайте, - шепнул Паркер в микрофон, - давайте.

Рипли приготовилась включить тумблер экстренного закрытия люка. Ее рука уже потянулась к нему, когда совершенно неожиданно, как гром среди ясного неба, громко завыл аварийный сигнал. Рипли и Ламберт замерли, посмотрели друг на друга; каждая увидела в глазах другой отражение собственных страхов. Рипли включила тумблер.

Чужая тварь тоже услышала аварийный сигнал. Она напряжинилась и резко отскочила назад, одним прыжком преодолев порог и внутренний люк. Люк закрылся на долю секунды позднее, успев зажать лишь одну ее конечность.

Из поврежденной конечности закапала пенящаяся жидкость. Тварь издала странный звук, как будто кто-то мычал или стонал под водой, рывком высвободилась, оторвав намертво зажатую конечность, и бросилась по коридору. Ослепшая и обезумевшая от боли, она налетела на инженера, приподняла его, отбросила в сторону и скрылась за поворотом. Над потерявшим сознание Паркером зажглась зеленая надпись **“ВНУТРЕННИЙ ЛЮК ЗАКРЫТ”**.

Металл внутреннего люка продолжал пузыриться и растворяться, когда распахнулся наружный люк. Содержавшийся в шлюзе воздух моментально улетел в космос, и внутренний люк покрылся инеем.

– Паркер? – снова и снова повторяла в микрофон обеспокоенная Рипли. Она несколько раз щелкнула переключателем, отрегулировала громкость. – Паркер? Что там происходит?

В этот момент ее внимание привлек мигающий зеленый сигнал над ее рабочим местом.

– Что там? – наклонилась к ней Ламберт. – Получилось?

– Сама не знаю. Внутренний люк закрыт, а наружный отброшен.

– Значит, все должно было получиться. А что с Паркером?

– Не знаю. Он не отвечает. Если бы получилось, он должен был бы орать так, что все громкоговорители давно бы вышли из строя.

Наконец Рипли решилась.

– Я иду вниз. Посмотрю, что там случилось. Остаетесь за меня.

Рипли резко, рывком встала, помчалась к коридору В. Дважды она чуть не упала. Первый раз споткнулась о надстройку, пошатнулась и с большим трудом удержала равновесие. О чужой твари она почти не думала. Ее мысли занимал человек, Паркер. На борту “Норстромо” человек теперь стал редкостью.

Рипли сбежала по трапу в коридор В, рванулась к главному воздушному шлюзу. Коридор был пуст. Только на полу возле шлюза лежало что-то бесформенное. Это был Паркер.

Рипли склонилась над инженером. Он только начал приходить в себя.

– Что случилось? Выглядите вы хуже некуда. Что?..

Паркер попытался что-то сказать, но язык не повиновался ему. Инженеру удалось лишь рукой показать на воздушный шлюз. Рипли замолчала, повернула голову туда, куда показал Паркер, и увидела пенящийся кратер в люке шлюза. Наружный люк был еще открыт. Наверно, тварь уже улетела за борт, подумала Рипли. Она привстала.

Кислота проела внутренний люк насквозь.

Послышался хлопок. Это сквозь щель прорвалась струя воздуха. Вокруг Паркера и Рипли закружился небольшой смерч. С каждой секундой свист уносящегося в космический вакуум воздуха “Ностромо” становился громче. В нескольких нишах вдоль стен коридора зажглись мигающие ярко-красные сигналы: ОПАСНАЯ РАЗГЕРМЕТИЗАЦИЯ.

Снова завывла аварийная сирена – на этот

раз громче и в нужный момент. По всему кораблю, начиная с поврежденного отсека, автоматически захлопывались аварийные переборки. Паркер и Рипли были бы надежно изолированы от входа в шлюз, если бы герметичная переборка коридорного отсека не наткнулась на баллон с метаном.

Уносящийся в космический вакуум драгоценный воздух создал небольшой ураган, а Рипли отчаянно пыталась найти хоть что-то, хоть какой-то подходящий инструмент. Под руками абсолютно ничего не оказалось, кроме второго метанового баллона. Им, как молотом, Рипли принялась выбивать застрявший баллон. Если треснет хоть один из них, достаточно будет малейшей искры – а искры не избежать, когда стучишь металлом о металл, – чтобы взорвались оба баллона. Впрочем, если не выбить застрявший баллон, то полное вакуумирование отсека тоже моментально убьет их.

Резкое понижение давления не прибавляло сил. Из носа и ушей Рипли уже сочилась кровь. Снова стали кровоточить и раны Паркера.

Рипли из последних сил стукнула импровизированным молотом по застрявшему баллону, и тот неожиданно легко вылетел. Переборка герметично закрылась, и завывание уносящегося в космос воздуха прекратилось. Еще несколько минут в изолированном отсеке кружился воздух.

На капитанском мостике Ламберт с ужасом увидела, как над ее приборной панелью зажглись зловещие слова: КОРПУС ПОВРЕЖДЕН – АВАРИЙНЫЕ ПЕРЕБОРКИ ЗАКРЫТЫ. Она включила микрофон внутренней связи.

– Эш, захватите с собой кислород. Встреча-

емя на пути к главному шлюзу у последней закрытой переборки.

— Понял вас. Иду.

Пошатываясь, Рипли с трудом поднялась на ноги. В разреженной атмосфере отсека отчаянные попытки наполнить легкие кислородом не приносили облегчения и не прибавляли сил. Она искала систему снятия автоматической блокировки, имевшуюся в каждой переборке, так как помнила: там должна быть кнопка, которая откроет переборку и соединит их с соседним герметично закупоренным отсеком, полным свежего воздуха.

Рипли уже готова была нажать красную кнопку, как вдруг с ужасом обнаружила, что стоит у переборки, ведущей не вдоль коридора В, а в лишенный воздуха отсек, примыкающий к шлюзу. Она попыталась взять себя в руки, побрела к другой переборке. На то, чтобы добраться до нее и нащупать панель управления, ушло еще несколько минут, еще несколько литров драгоценного кислорода. Мысли Рипли начинали путаться, распадаться на бессвязные фрагменты. Воздух становился пьянящим; почему-то казалось, что он пахнет розами и сиренью.

Рипли нажала кнопку. Переборка не сдвинулась ни на миллиметр. Еще через минуту она сообразила, что выбрала не ту кнопку. Ноги отказывались ее держать. Тогда Рипли почти легла на переборку, чтобы набраться сил для следующей попытки. В отсеке оставалось все меньше кислорода..

В иллюминаторе переборки показалось чье-то лицо, расплывчатое, искаженное, но все же чем-то знакомое. Кажется, когда-то, очень давно, она была знакома с этим человеком. Кажет-

ся, эту женщину звали Ламберт. У Рипли совсем не оставалось сил, и она начала медленно, не отрывая рук от переборки, оседать на пол.

Ее почему-то очень рассердило, когда ушла и эта последняя опора. Переборка поднялась, и Рипли упала, сильно ударившись головой об пол. На нее обрушился поток чистого воздуха, невообразимо освежающего и сладкого. С глаз стала спадать пелена, хотя мозг еще долго испытывал последствия кислородного голодания.

Когда Ламберт и Эш вошли в отсек, звуковой сигнал возвестил о повышении внутреннего давления до нормы. Офицер-исследователь поспешил к Паркеру, который от недостатка кислорода снова потерял сознание и лишь теперь медленно приходил в себя.

Глаза Рипли были открыты, взгляд становился вполне осмысленным, но тело отказывалось ей повиноваться. Она лежала, неловко раскинув руки и ноги, как не очень удачно сделанная тощая кукла. Каждый неглубокий вздох давался ей с трудом.

Ламберт поставила один из кислородных баллонов рядом с Рипли, положила ей на лицо прозрачную маску, закрывавшую нос и рот, и повернула вентиль. Рипли сделала вдох и закрыла глаза от удовольствия. Более прекрасного запаха она не ощущала ни разу в жизни. Не меняя неудобной позы, она несколько минут вдыхала наслаждаясь почти чистый кислород.

Наконец Рипли сняла маску, все еще не поднимаясь с пола, вдохнула воздух. Давление в отсеке восстановлено, отметила она. Когда давление достигло заданного уровня, переборки автоматически открылись.

Чтобы восстановить состав и давление воздуха

на корабле, пришлось пожертвовать запасом из главных резервуаров. Скоро им придется столкнуться и с этой проблемой, подумала Рипли.

— С вами все в порядке? — спрашивал Эш Паркера. — Что же здесь произошло?

Паркер стер с верхней губы запекшуюся кровь, сосредоточился, пытаясь привести мысли в порядок.

— Я буду жить, — сказал он, не отвечая на последний вопрос офицера-исследователя.

— Что с чужим существом? — опять спросил Эш.

Паркер покачал головой, поморщился, почувствовав неожиданную боль.

— Тварь мы упустили. Завыла аварийная сирена, и она успела выскочить в коридор. Внутренний люк зажал у нее руку или как вы это там называете, и тварь оторвала ее, знаете, как ящерица оставляет хвост, и смылась.

— Почему бы и нет, — прокомментировал Эш, — с такой врожденной способностью к регенерации тканей?

Разочарование звучало в каждом слове и каждом жесте инженера, когда он продолжил:

— Этот оборотень уже был в наших руках. Точно говорю, был в наших руках. — Он помедлил, потом добавил: — Когда тварь оторвала себе конечность, она забрызгала своей едкой кровью все вокруг. Я имею в виду оторванную конечность. Думаю, на самой твари рана зажила быстро — к счастью для нас. Кислота проела люк насквозь, вот и началась разгерметизация. — Дрожащей рукой инженер показал на переборку, отделявшую весь коридор от примыкающего к люку отсека. — Должно быть, дыру в люке видно даже отсюда, через иллюминатор.

– Теперь это уже не имеет значения, – сказал Эш и, подняв голову, обратился ко всем: – Кто включил аварийную сирену?

Рипли не сводила глаз с офицера-исследователя.

– На этот вопрос ответите вы, – сказала она.

– Что вы имеете в виду?

Рипли вытерла кровь с лица и презрительно фыркнула:

– Полагаю, аварийная сирена включилась сама. Это самое логичное объяснение, не правда ли? Временная неисправность, небольшое, совершенно случайное совпадение?

Эш выпрямился, холодно посмотрел на Рипли из-под полуопущенных век. Прежде чем предъявить обвинение, она убедилась, что оставшийся баллон с метаном у нее под рукой. Но Эш не сделал ни единого угрожающего движения. Все же Рипли не могла до конца понять офицера-исследователя.

Если он виновен, то должен был напасть на нее, пока она еще не оправилась, а Паркер был почти совсем беспомощен. Если нет, ее слова должны были взбесить его, и он мог бы поступить точно так же. Он же не сделал ровным счетом ничего, а к такой реакции Рипли не успела подготовиться.

Все же первые слова, которые произнес в ответ Эш, не были совсем неожиданными. Вопреки обыкновению, на этот раз он был заметно рассержен.

– Если вы хотите что-то сказать, то говорите прямо. Мне надоели эти бесконечные намеки. Или обвинения.

– Вас никто не обвиняет.

– Как бы не так!

Недовольный, Эш замолчал. Рипли тоже замолчала надолго, потом показала на Паркера:

– Заберите его в изолятор и подлечите. Сла-

ва Богу, с такими травмами наш автодоктор в состоянии справиться.

Эш помог инженеру подняться, положил его правую руку себе на плечо и осторожно повел по коридору. Проходя мимо Рипли, Эш не обернулся.

Только когда Паркер с Эшем скрылись за поворотом, Рипли подняла руку. Ламберт помогла ей встать и с беспокойством заметила, что капитан нетвердо стоит на ногах. Рипли улыбнулась, отстранила поддерживавшую ее руку.

- Со мной все в порядке. - Она попыталась оттереть пятна на комбинезоне. - Сколько кислорода мы потеряли в результате этого маленького приключения? Мне нужны точные данные.

Ламберт не ответила и по-прежнему изучающе смотрела на капитана.

- Что-нибудь не так? Почему вы так на меня смотрите? Количество кислорода - это теперь секретные сведения?

- Не надо на меня набрасываться, - примирительно ответила Ламберт. - Вы обвинили Эша. Не могу в это поверить. Но вы в самом деле обвинили его в том, что он включил сирену, чтобы спасти чужую тварь. - Она медленно покачала головой. - Почему?

- Потому что, я думаю, он лжет. И я докажу это, если только мне удастся добраться до записей.

- Что докажете? Даже если вы как-то подтвердите, что именно он включил сирену, все равно вы никогда не сможете утверждать, что это не было нелепой случайностью.

- Интересный момент был выбран для этой случайности, вам не кажется? - Рипли несколько секунд помолчала, потом спросила: - Вы все же считаете, что я ошибаюсь, не так ли?

- Не знаю. - Ламберт устала и не хотела

продолжать спор. – Я больше ничего не знаю. Да, думаю, вы неправы. Или неправы, или сошли с ума. Зачем нужно Эшу или кому бы то ни было защищать чужую тварь? Я бы убила ее так же, как она убила Далласа и Брета. Если, конечно, она их убила.

– Благодарю, – сказала Рипли. – Всегда лучше знать, на кого можно положиться, а на кого – нет.

Рипли повернулась и решительно направилась по коридору к трапу.

Ламберт посмотрела ей вслед, пожала плечами и стала собирать баллоны с кислородом и метаном. Она обращалась с ними очень осторожно. Метан мог оказаться не менее важным для их спасения, чем кислород...

– Эш, вы здесь? Паркер?

Не дождавшись ответа, Рипли осторожно вошла в отсек главного компьютера. На какое-то время мозг “Ностромо” оказался в ее полном распоряжении.

Устроившись в кресле перед главным пультом управления, Рипли включила его, плотно прижав палец к идентифицирующему устройству. Устройство словно узнало Рипли, и экраны ожили.

Пока что все шло гладко. Теперь Рипли предстояла собственно работа. Она на секунду задумалась, отстучала пятизначный код, который, по ее предположениям, мог бы дать доступ к банку данных. Экраны оставались пустыми, машина ждала другого кода. Рипли испробовала вторую, довольно редкую комбинацию. Опять неудача.

Рипли выругалась про себя. Если перебирать все случайные комбинации, она просидит в отсеке до второго пришествия, которое, если учитывать темпы уничтожения экипажа чужой тварью, наступит довольно скоро.

Рипли наугад выбрала третью комбинацию и была приятно удивлена, увидев, что экран очистился; машина была готова выслушивать вопросы и давать информацию. Впрочем, запроса на ввод она не напечатала. Значит, кодовую комбинацию Рипли угадала лишь наполовину. Что делать дальше?

Она бросила взгляд на вспомогательную клавиатуру, доступную для любого члена экипажа, но не дающую информацию командного или секретного характера. Если ей удастся вспомнить код блокирующего устройства, то через вспомогательную клавиатуру можно будет получать информацию из главного банка данных.

Рипли быстро пересела в другое кресло, ввела, как она надеялась, правильный код блокирующего устройства и набрала первый вопрос. Приняла ли машина ее код, должно было выясниться лишь сейчас. Если приняла, то на экране появится ее вопрос.

Примерно секунду на экране бегали разноцветные полосы, потом они исчезли и появился вопрос:

КТО ВКЛЮЧИЛ АВАРИЙНУЮ СИРЕНУ У ВОЗДУШНОГО ШЛЮЗА НОМЕР 2?

Ниже моментально появился ответ:

ЭШ.

Какое-то время Рипли обдумывала полученный ответ. В сущности, он не был для нее неожиданным, но одно дело предполагать и совсем другое – увидеть напечатанным крупными буквами на экране. Важность открытия потрясла Рипли. Значит, все-таки Эш. Теперь возник еще более важный вопрос: стоял ли он за всеми последними событиями? Рипли ввела такой запрос:

ЭШ ЗАЩИЩАЕТ ЧУЖОЙ ОРГАНИЗМ?

Казалось, сегодня Мамаша предпочитала отделяться короткими ответами:

ДА.

Что ж, Рипли тоже может быть немногословна. Ее пальцы снова забегали по клавишам.

ПОЧЕМУ?

Рипли напряженно подалась вперед. Если компьютер по каким-либо причинам больше не выдает информации, у нее не будет способа заставить его отвечать – ни одного дополнительного кода она не знала. Нельзя было исключать и вероятность того, что компьютер в принципе не мог объяснить странное поведение офицера-исследователя.

Впрочем, компьютер объяснил:

СПЕЦИАЛЬНОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ НОМЕР 937 ДЛЯ НАУЧНОГО ПЕРСОНАЛА. СЕКРЕТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ПРЕДНАЗНАЧЕНА ТОЛЬКО ДЛЯ ВИЗУАЛЬНОГО ОЗНАКОМЛЕНИЯ.

Ладно, кое-что ей все же удалось узнать. С этой секретной информацией еще можно поработать. Рипли набирала очередной вопрос, когда чья-то рука ударила по клавиатуре с такой силой, что ушла в нее по локоть.

Рипли резко обернулась и с замиранием сердца увидела... нет, не чужую тварь, а человека, который стал для нее не менее чужим.

Эш чуть заметно улыбался, но улыбка его не предвещала ничего хорошего.

– Кажется, командование кораблем для вас – непосильная ноша. Впрочем, в некоторых ситуациях правильно руководить всегда непросто. Думаю, вас не в чем винить.

Рипли медленно выбралась из кресла, предусмотрительно оставив его между собой и Эшем. Офицер-исследователь умел убеждать,

умел говорить успокаивающим и даже сочувственным тоном. Но поступки его успокоить не могли.

- Эш, здесь дело не в способностях руководителя. Дело в честности.

Рипли медленно отступила к двери, стараясь не терять Эша из поля зрения. Эш, все еще улыбаясь, повернулся к ней.

- Честность? Не заметил ничего нечестного, - сказал он.

Посмотришь на него - одно очарование, подумала Рипли.

- Мне кажется, - продолжал Эш, - каждый из нас делает все, что в его силах. Ламберт смотрит на наше положение все более пессимистично, но она всегда была слишком эмоциональна, это общеизвестно. Она очень хорошо рассчитывает курс корабля, но не всегда удачно планирует собственный путь.

Рипли по-прежнему старалась бочком ускользнуть от Эша, но заставила себя улыбнуться в ответ:

- Сейчас меня беспокоит не Ламберт. Меня беспокоите вы. - Она стала медленно поворачиваться к двери. Мышцы ее напряглись.

- Опять эта ваша параноидальная подозрительность, - с досадой сказал Эш. - Вам просто необходимо немного отдохнуть. - Он шагнул к Рипли, протянул руку, как бы предлагая на нее опереться.

Рипли едва успела увернуться от ловких рук Эша и бросилась бежать по коридору к капитанскому мостику. Звать на помощь было некогда, да и тратить силы на крики не стоило.

Капитанский мостик был пуст. Чудом ей удалось немного оторваться от Эша. На бегу

она щелкала тумблерами, и закрывая аварийные переборки, но каждый раз мгновением позже, чем нужно, чтобы отсечь от нее офицера-исследователя.

Наконец Эш настиг Рипли в столовой. Паркер с Ламберт примчались несколькими секундами позже. Сигналы закрывающихся переборок встревожили их. Они решили, что возле капитанского мостика что-то неладно, и по пути наткнулись на Рипли и преследовавшего ее Эша.

Хотя Ламберт и Паркер увидели совсем не то, что ожидали, реакция их была мгновенной. Первой в столовую вихрем влетела Ламберт и прыгнула Эшу на спину. Тот, отпустив Рипли, схватил штурмана и бросил ее через весь отсек, а потом снова принялся душить Рипли.

Реакция Паркера оказалась не столь быстрой, зато более продуманной. Эш по достоинству оценил бы ход мыслей инженера. Паркер, подняв один из переносных искателей, зашел Эшу за спину – тот беззастенчиво продолжал душить Рипли – и с размаху стукнул его прибором по голове, вложив в удар всю свою силу.

Послышался глухой звук, и голова Эша отлетела.

Крови не было. Из шеи торчали обрывки разноцветных проводников, осколки интегральных схем и прочей электронной начинки.

Эш отпустил Рипли. Та упала на пол, задыхаясь и хватаясь руками за горло. Руки Эша исполнили зловещую пантомиму, пытаясь найти внезапно пропавшую голову. Потом он, точнее, его туловище пошатнулось, с трудом восстановило равновесие и принялось обшаривать пол в поисках потерянной головы.

13 – Андроид... чертов андроид! – пробормотал пораженный Паркер. Он все еще держал в руках поломанный искатель, на котором не было ни единой капли крови.

Очевидно, аудиосенсоры были вмонтированы не только в голову, но и в корпус Эша, потому что безголовый андроид обернулся на голос и угрожающе двинулся на Паркера. Инженер отбивался все тем же искателем, вновь и вновь нанося удары по плечам и корпусу Эша. На андроида эти удары не производили никакого впечатления. Он заключил Паркера далеко не в дружеские объятия. Его руки сомкнулись на шее инженера и сжались с нечеловеческой силой.

Пришедшая в себя Рипли лихорадочно искала подходящее оружие. Наконец она обнаружила одну из электропогонялок, которыми когда-то собирались загонять тварь в ловушку. Она схватила погонялку и убедилась, что та все еще заряжена.

Ламберт вцепилась в ноги Эша, стараясь опрокинуть взбесившегося андроида. Глаза Паркера закатились, из его горла, стиснутого руками Эша, вырывался лишь слабый хрип.

Рипли, выбрав момент, сунула туда, где раньше крепилась голова Эша, электропогонялку и нажала кнопку. Казалось, хватка на шее Паркера немного ослабла. Рипли наклонила погонялку под другим углом, прикоснулась к другим оголенным контактам и снова включила напряжение. Из шеи вылетел сноп голубых искр. Не выключая электропогонялки, Рипли молча – хотя внутри у нее все кипело – снова переменила ее положение, нащупывая самые уязвимые места. Последовала яркая вспышка, запахло горелой изоляцией.

Андроид упал. Паркер перекатился на бок, два-три раза кашлянул, отхаркнулся. Его грудь высоко поднималась и опускалась в отчаянных попытках восстановить дыхание. Потом он несколько раз мигнул и бросил взгляд на неподвижную грудку пластика и металла, которая еще несколько секунд назад была совершеннейшим андроидом.

– Будь ты проклята, чертова игрушка Компании!

С трудом поднявшись, он пнул ногой анроида. Тот не отозвался.

Ламберт неуверенно перевела непонимающий взгляд с Паркера на Рипли.

– Объясните, пожалуйста, что происходит?

– Это можно узнать только одним способом, – ответила Рипли.

Она осторожно положила электропогонялку в пределах досягаемости – на тот случай, если вдруг снова понадобится срочно успокоить рассвирепевшую машину, – и подошла к андроиду.

– Что это такое? – никак не могла взять в толк Ламберт.

Рипли посмотрела на Паркера. Тот массировал себе шею.

– Подсоедините голову к источнику питания. Систему передвижения я, кажется, сожгла, но память должна еще функционировать, если дать голове питание, – сказала Рипли инженеру и повернулась к Ламберт. – Он с самого начала защищал чужую тварь. Помните, я пыталась объяснить вам. – Она показала на сгоревшего анроида. – Мне не так-то просто было смириться с тем, что товарищ по экипажу – элемент оборудования корабля. Вы не забыли, ведь именно он вопреки всем правилам впустил чу-

жую тварь на борт “Ностромо”. – При воспоминании об этом эпизоде лицо Рипли исказила гримаса. – Он объяснил свой поступок тем, что спасал жизнь Кейна. Но в действительности Кейн его совершенно не интересовал. Он позволил этой твари расти в Кейне, с самого начала зная, что происходит. И он же включил аварийную сирену, чтобы спасти чужую тварь.

– Но почему? – Ламберт безуспешно пыталась собрать воедино разрозненную информацию.

– Сейчас я могу только догадываться, однако истинная причина тайного включения в состав экипажа робота может заключаться лишь в том, что кто-то очень хотел иметь на борту раба-наблюдателя, который доносил бы обо всем происходящем. – Рипли взглянула на Ламберт. – Кто утверждает экипаж корабля, кто в последнюю минуту производит замены в его составе, например, присылает нового офицера-исследователя, и кто может тайком назначить на корабль андроида? Для какой такой цели?

Наконец-то Ламберт начала догадываться.

– Компания, – сказала она.

– Правильно, – хмуро улыбнулась Рипли. – Должно быть, автоматические зонды Компании перехватили сигнал брошенного космического корабля. Случилось так, что “Ностромо” оказался единственным кораблем Компании, который должен был появиться в этом регионе Вселенной. Тогда Компания срочно присылает на наш корабль Эша, чтобы он собирал для них информацию и следил за выполнением того, что Мамаша называет специальным распоряжением номер 937.

Если бы изучение источника сигнала не дало никаких полезных сведений, Эш сообщил бы об

этом Компании, и мы никогда не узнали бы, что летали вместе с андроидом. Если же информация оказалась бы потенциально полезной, то Компания получила бы все необходимые данные, не посылая специальную научную экспедицию, что влетело бы ей в копеечку. Простая арифметика – чем меньше затрат, тем выше прибыль. Прибыль – у Компании, затраты и потери – у нас.

– Потрясающе, – пробормотал Паркер. – И до всего этого вы сами додумались. Теперь объясните, почему мы должны снова собирать этого сукиного сына. – И он плюнул на то, что осталось от Эша.

Рипли уже укрепила голову Эша на столе и в этот момент подсоединяла к ней питание от настенной розетки, располагавшейся рядом с автоповаром.

– Нам необходимо выяснить, не скрывает ли Эш еще что-нибудь. Согласны?

Паркер неохотно кивнул.

– Согласен, – сказал он и подошел к голове анроида. – Разрешите? Это мое дело.

Инженер несколько минут повозился с проводами и контактами, располагавшимися на затылке Эша под искусственными волосами. Когда веки бывшего офицера-исследователя дрогнули, Паркер удовлетворенно кивнул и отошел в сторону.

Рипли наклонилась к голове.

– Эш, вы меня слышите?

Ответа не последовало. Рипли вопросительно взглянула на Паркера.

– Все соединения в порядке, – сказал инженер. – Уровень мощности здесь саморегулируется. Он должен отвечать, если только при ударе

не были нарушены важнейшие схемы. В этих сложных современных моделях блоки памяти, речи и зрения упакованы очень плотно. Мне кажется, он должен говорить.

Рипли предприняла еще одну попытку.

– Эш, вы слышите меня?

В столовой зазвучал знакомый голос, совсем рядом с Рипли:

– Да, я слышу вас.

Конечно, Рипли понимала, что голова Эша – это всего лишь часть машины, только более сложной, чем, например, искатель или электропогонялка. И все же ей было трудно заставить себя обращаться с вопросами к отсеченной от тела голове – ведь с Эшем они прослужили не один час.

– Что... что такое специальное распоряжение номер 937?

– Вопрос противоречит инструкциям и моим внутренним программам. Вы знаете, я не имею права рассказывать об этом.

Рипли выпрямилась.

– Тогда нам говорить не о чем. Паркер, выключайте эту машину.

Инженер потянулся к проводам. Эш среагировал моментально. Значит, его познавательные блоки не были повреждены.

– В сущности, дело обстояло так. Мне были даны указания...

Рука Паркера угрожающе нависла над питающим голову проводом.

– Я должен был изменить маршрут “Ностромо” или убедиться, что экипаж сам изменит его так, что корабль направится к источнику сигнала. Мне нужно было также запрограммировать Мамашу на выведение экипажа из состояния ги-

персона и на его дезинформацию относительно природы сигнала. Специалисты Компании уже знали, что сигнал является предупреждением об опасности, а не просьбой о помощи.

Паркер сжал кулаки.

– В том месте, откуда подается этот сигнал, – продолжал Эш, – мы должны были изучить особую форму жизни. Согласно данным, которые удалось получить экспертам Компании путем тщательного изучения сигнала, эта форма жизни крайне опасна для человека. В нашу задачу входило доставить чужой организм на околоземную орбиту с тем, чтобы Компания могла его детально изучить и оценить возможность коммерческого использования. Разумеется, все это должно было сохраняться в строжайшей тайне.

– Разумеется, – подтвердила Рипли, подражая равнодушному тону машины. – Между прочим, это объясняет, почему выбор пал именно на нас. Ведь отправка специальной научной экспедиции обошлась бы слишком дорого. – Казалось, Рипли была даже довольна, что в словах Эша нашла истинную причину их несчастий. – Доставка опасных форм жизни на любую обитаемую планету, не говоря уже о Земле, строго запрещена. Компания организовала дело так, что внешне все выглядит совершенно невинно: какой-то простой буксир “случайно” натывается на опасную форму жизни и также “случайно” доставляет ее на Землю. Возможно, мы угодим в тюрьму, зато Компания постарается заполучить чужую тварь. Конечно, эксперты Компании “случайно” окажутся рядом и с помощью весомых взяток заберут опасную тварь из рук таможенников.

Если нам повезет и суд убедится, что мы и на самом деле такие дураки, какими кажемся, нас могут даже выпустить под залог. А залог внесет Компания.

- Почему? - не могла взять в толк Ламберт.
- Почему вы не предупредили нас? Почему нельзя было сказать, что нас ждет?

- Потому что вы могли бы и не согласиться, - с убийственной логикой машины объяснил Эш. - Политика Компании предусматривала только ваше неосознанное участие. Рипли совершенно правильно заметила, что ваша неподдельная неосведомленность могла бы обмануть таможенников.

- Чтоб ты сдох вместе со своей чертовой Компанией, - прорычал Паркер. - А как насчет наших жизней, старина?

- Я не старина и вообще не человек, - спокойно поправил инженера Эш. - Что же касается ваших жизней, то, боюсь, Компания не считает их бесценными. Компанию интересовала прежде всего чужая форма жизни. Выражалась надежда, что вы сможете благополучно вернуться и получить все, что вам причитается, но, должен признаться, это не считалось важным фактором. Компанию жизнь всего экипажа не интересует. Это дело случая, везения, если хотите.

- Ободряющее известие, - фыркнула Рипли. Она немного подумала, потом сказала: - Вы уже говорили, что нашей задачей на той планете было изучение особой формы жизни, почти наверняка опасной для человека. И что эксперты Компании знали, что тот сигнал был сигналом предупреждения об опасности, а не бедствия.

- Да, - подтвердил Эш. - Согласно результатам дешифровки сигнала хозяева чужого корабля решили, что отправлять сигнал бедствия в любом случае уже поздно, и поэтому послали сигнал предупреждения об опасности - очень детальный и весьма пугающий.

Очевидно, брошенный корабль, который мы нашли на планете, произвел посадку в ходе обычного исследовательского рейса. Как и Кейн, хозяева корабля нашли одну или несколько спор чужого организма. В сигнале не уточняется, было ли у них время выяснить происхождение спор. Осталось неизвестным, родились ли они на той же планете или же мигрировали откуда-то еще.

Прежде чем вся команда корабля была уничтожена, им удалось установить передатчик, посылающий предупреждение об опасности. Они хотели, чтобы экипажи других кораблей, которые, возможно, решат произвести посадку на планете, не постигла бы та же участь. Кто бы они ни были, в благородстве им не откажешь. Остается надеяться, что человечество когда-нибудь с ними еще встретится - в более благоприятной обстановке.

- Да, они были более благородными, чем некоторые люди, - жестко сказала Рипли. - Как можно уничтожить ту чужую тварь, что оказалась у нас на корабле?

- Существа, прилетевшие на том брошенном корабле, были больше и сильнее человека и, вероятно, достигли более высокой степени развития. Не думаю, что вам по силам справиться с чужим организмом. Это мог бы сделать я. Я построен из небиологических компонентов, поэтому он не видит во мне ни источника пищи,

ни потенциального противника. Я значительно сильнее любого из вас. Я мог бы с ним посо-
стязаться. Однако в настоящее время я не в
лучшей форме. Если бы вы только заменили...

– Великолепно задумано, Эш, – прервала его
Рипли и медленно покачала головой, – но ниче-
го не выйдет.

– Идиоты! Вы даже не представляете, с кем
имеете дело! Чужой организм совершенен, идеа-
лен. Он имеет непревзойденное строение тела,
он ловок, изворотлив и агрессивен по своей
природе. С вашими ограниченными возможностя-
ми в борьбе с ним у вас нет ни малейших
шансов на победу.

– Боже мой! – Ламберт изумленно смотрела на
голову. – Он восторгается этой проклятой
тварью!

– Разве можно не восторгаться идеально про-
стой структурой организма? Это универсальный
паразит, способный питаться любыми живыми
существами, жить в атмосфере любого состава.
Он может находиться в спячке неопределенно
долгое время в самых неблагоприятных услови-
ях. Его единственной целью является воспроиз-
ведение себе подобных, и этой цели он достига-
ет любыми путями. Человечество никогда не
знало живого существа, с которым его можно
было бы сравнить.

Человек привык бороться с такими паразита-
ми, как москиты или крошечные членистоногие
и прочая мелочь. По агрессивности и эффектив-
ности паразитирования этот организм во столько
же раз превосходит москитов, во сколько чело-
век по своему интеллекту превосходит червя.
Вы не можете даже приблизительно представить
себе, как следует бороться с этим организмом.

- Этого бреда я уже наслушался, - сказал Паркер и протянул руку к шнуру.

Рипли, жестом остановив его, снова обратилась к голове:

- Эш, предполагается, что вы являетесь членом экипажа "Ностромо". Вы служите на корабле и в то же время вы - орудие в руках Компании.

- Вы, люди, наделили меня интеллектом. С интеллектом приходит и неизбежность выбора. Я верен одному принципу - поискам истины. Научная истина требует красоты, гармонии, но прежде всего - простоты. Проблема вашей борьбы с чужим организмом может быть разрешена только одним простым и изящным способом. Лишь одна сторона может остаться в живых.

- Надо полагать, что такое решение проблемы поставит человека на место, так? Эш, скажите мне еще кое-что. Компания предполагала, что на околоземную орбиту "Ностромо" прибудет, имея на борту только вас и чужую тварь, не так ли?

- Нет. Выражалась искренняя надежда, что вы останетесь в живых и будете лишь заражены чужим паразитом. Эксперты Компании понятия не имели, насколько опасен и агрессивен чужой организм.

- Как вы думаете, каковы будут последствия, если, предположим, чужая тварь сожрет всех нас, а на Земле ее не удастся удержать и она попросту сбежит с корабля?

- Не могу сказать. Существует определенная вероятность того, что чужой организм успешно заразит всех, кто встретит корабль на орбите, и, возможно, многих других. Не исключе-

но, что лишь после этого люди правильно оценят грозящую им опасность и смогут найти какие-то адекватные ответные меры защиты. Но к тому времени может быть уже слишком поздно.

Человек тысячи лет борется с разными паразитами, а они как жили, так и живут. Но такого умного врага человек еще не знал. Попробуйте представить себе несколько миллиардов mosquitos, действующих разумно и согласованно друг с другом. Был бы у человека хоть бы ничтожный шанс победить их?

Конечно, если в момент прибытия “Ностромо” на околоземную орбиту я буду находиться на борту и смогу исполнять свои обязанности, я сообщу встречающим, что их ждет и как им следует вести себя, чтобы чужой организм не причинил им вреда. Уничтожив меня, вы рискуете наслать на человечество страшную заразу.

В столовой ненадолго воцарилось молчание. Первым заговорил Паркер.

– Если человечество это – Компания, то ему на нас, очевидно, наплевать. С чужой тварью мы разберемся сами. По крайней мере сейчас мы знаем, с чем имеем дело. – Он оглянулся на Рипли. – Мне плевать на любую чуму, если меня к тому времени не будет в живых. Считаю, пора выключать чертову голову.

– Согласна, – сказала Ламберт.

Рипли обогнула стол и взялась за шнур.

– Последнее слово, – заторопился Эш. – Своего рода завещание, если вам так будет угодно.

Рипли заколебалась.

– В чем дело? – спросила она.

– Возможно, чужой организм обладает интеллектом. Возможно, вам следует попытаться установить с ним контакт.

- Вы уже пытались?

- Пусть хотя бы некоторые мои секреты погибнут вместе со мной.

Рипли выдернула вилку из розетки.

- Прощай, Эш.

Она повернулась к товарищам.

- Если дойдет до выбора между паразитами, я предпочту того, который хотя бы не врет. Даже если нам так и не удастся разделаться с чужой тварью, то по крайней мере мы умрем со счастливой улыбкой, потому что будем знать, что она вцепится и в кое-кого из экспертов Компании...

Рипли еще сидела перед пультом главного компьютера, когда в отсек вошли Паркер и Ламберт.

- Он, я имею в виду Эша, был прав по меньшей мере в одном, - подавленно сказала Рипли, - шансов у нас немного. - Она показала на один из приборов, на шкале которого мигали цифры. - Кислорода осталось меньше, чем на двенадцать часов.

- Тогда все кончено, - сказал Паркер и опустил глаза. - Собрать заново Эша - значит, покончить жизнь самоубийством еще быстрее. Уверен, он позаботится о чужой твари, хорошо позаботится. Но нас в живых он не оставит. Наверняка есть такой приказ Компании, только Эш о нем умолчал. Он не может не уничтожить нас потому, что тогда мы расскажем руководству порта о планах Компании. - Он невесело улыбнулся. У Компании был верный пес.

- Не знаю, как вы, а я предпочла бы безболезненную, спокойную смерть, - серьезно сказа-

ла Ламберт и показала небольшую коробку с ампулами.

По красным этикеткам и изображенному на каждой ампуле черепу со скрещенными костями Рипли догадалась, что это средство для самоубийц.

– Убери. О смерти говорить рано, – сказала Рипли и развернула свое кресло. – Еще рано. Вы поверили Эшу, что только он может справиться с чужой тварью. Но сейчас в столовой именно он лежит в разобранном состоянии, а не мы. У нас есть другой выход. Думаю, нам нужно взорвать корабль.

– Другой вариант безболезненной смерти? – уточнила Ламберт тихим голосом. – Если вы не возражаете, я бы предпочла яд.

– Нет, нет. Вы меня не поняли. Ламберт, вспомните, что вы сами предлагали раньше. Мы улетим на спасательном челночном корабле, а потом взорвем “Ностромо”. Оставшийся воздух мы заберем с собой в переносных баллонах. На спасательном корабле есть и свой запас воздуха. У нас появляется хотя бы ничтожная вероятность добраться до более населенных регионов Вселенной, где на нас рано или поздно кто-нибудь наткнется. Конечно, нам может не хватить воздуха, но все же это какой-то шанс. И о чужой твари мы позаботимся.

Все замолчали, обдумывая новый план спасения. Наконец Паркер, взглянув на Рипли, согласно кивнул:

– Это мне нравится больше, чем яд. К тому же мне доставит большое удовольствие своими глазами увидеть, как собственность Компании разлетится ко всем чертям. – Он повернулся и на ходу добавил: – Я пошел перекачивать воздух в баллоны.

Паркер наблюдал, как портативные баллоны заполняются воздухом из главных резервуаров "Ностромо".

- Это все? - спросила Рипли, когда усталый инженер прислонился к закрытому люку.

- Все, что нам удастся взять с собой. - Паркер кивком показал на выстроившиеся в ряд баллоны. - Вам может показаться, что это немного, но я довел давление в баллонах до предела. Будет чем подышать, - улыбнулся он.

- Хорошо. Берем с собой немного искусственной пищи, включаем двигатели и убираемся ко всем чертям, - сказала Рипли и осеклась, будто внезапно вспомнив что-то. - Джонс. Где Джонс?

- Кто знает? - Паркер не скрывал, что его мало интересуют похождения корабельного кота.

- Последний раз я видела его возле столовой, он принюхивался к тому, что осталось от Эша, - сказала Ламберт.

- Найдите кота. Нельзя оставлять животное. Мы не настолько одичали.

Ламберт устало посмотрела на Рипли.

- Ни за что. На этом корабле я никуда не пойду одна.

- Этот проклятый наглый кот мне никогда не нравился, - проворчал Паркер.

- Хорошо, - сказала Рипли. - Пойду я. А вы загружайте баллоны и пищевые запасы.

- Согласна, - ответила Ламберт.

Паркер и Ламберт, взяв несколько баллонов с кислородом, направились к спасательному кораблю. Рипли устало побрела к столовой.

Долго искать кота не пришлось. Рипли осмотрела столовую, стараясь не задеть при этом обезглавленное тело Эша, и направилась на

капитанский мостик. Здесь она сразу увидела Джонса. Он лежал на пульте управления Далласа и со скучающим видом вылизывал себя.

– Джонс, тебе повезло. – Рипли улыбнулась.

Очевидно, кот придерживался иного мнения. Когда Рипли протянула к нему руки, он ловко спрыгнул на пол и отошел, все еще продолжая на ходу вылизывать свою рыжую шерсть. Рипли наклонилась, снова потянулась к коту, стараясь успокоить его голосом и жестами.

– Джонс, перестань. Сейчас не время для игр. Тебя одного ждать не будут.

– Как вы думаете, сколько нам потребуется этого добра? – Поставив очередную коробку, Ламберт выпрямилась, бросила взгляд на Паркера и убрала со лба прядь волос.

– Сколько поместится в этот кораблик. Два рейса нам сделать не удастся.

– Это точно, – согласилась Ламберт и повернулась, чтобы уложить коробки возможно более компактно.

– Джонс, черт бы тебя побрал, иди сюда. Кис-кис... Иди к своей маме, киса, – донеслось из громкоговорителя внутренней связи. Рипли старалась говорить мягко и доверительно, но Ламберт чувствовала, что она может выйти из себя в любой момент.

Паркер показался из продовольственной кладовой, пошатываясь под огромной кипой коробок. Ламберт продолжала их паковать, изредка меняя местами. Мысль о необходимости питаться только сырой, необработанной искусственной пищей по меньшей мере не воодушевляла. На крохотном спасательном кораблике автоповара не было. От такой пищи с голоду не умрешь,

но и только. Ламберт старалась выбирать наименее противные на вкус продукты.

Она не заметила, что на лежавшем неподалеку искателе зажегся красный огонек.

– Попался! – Джонс возмущенно сопротивлялся, но Рипли крепко схватила его за шкуру. Как кот ни упирался, она бесцеремонно затолкала его в герметичный дорожный контейнер и включила механизм очистки воздуха. – Сиди здесь. Дыши чистым воздухом.

Паркер оставил два огнемета у входа в продовольственную кладовую. Он осторожно присел на корточки, чтобы взять оружие, но не удержал высокую стопку коробок, и они рассыпались.

– Черт побери!

Ламберт остановилась, пытаясь заглянуть в дверь кладовой.

– Что случилось?

– Ничего особенного. Хотел унести слишком много за один присест, вот и все. Просто поторопился.

– Сейчас иду. Не унывай.

Красный огонек искателя мгновенно стал ослепительно ярким. Одновременно сработал звуковой сигнал. Паркер, бросив коробки, взглянул на искатель, потянулся к огнемету и крикнул Ламберт:

– Выходите!

Ламберт тоже заметила сигнал.

– Выходите немедленно!

За спиной Ламберт раздался другой звук. Она обернулась и вскрикнула: ее крепко схватила лапа чужой твари, еще не успевшей выползти из воздуховода.

Рипли услышала крик по громкоговорителю внутренней связи. От этого крика кровь стыла в жилах.

Паркер обернулся и увидел чужую тварь, а в ее лапе Ламберт. Он растерялся. Пустить в ход огнемёт нельзя: пламя непременно заденет женщину. Размахивая им как палкой, инженер бросился на тварь:

— Черт бы тебя побрал!

Тварь бросила Ламберт. Та лежала, не подавая признаков жизни, а Паркер с размаху ударил тварь огнемётом. Однако на тварь это не произвело никакого впечатления. С тем же успехом инженер мог бы попытаться проломить стену.

Паркер хотел было увернуться, но чужая тварь одним ударом перебила ему шейные позвонки. Инженер умер мгновенно. Чудовище снова принялось за Ламберт.

Рипли все еще не могла заставить себя сдвинуться с места. Громкоговоритель доносил до нее слабеющие крики. Рипли узнала голос Ламберт. Очень скоро крики прекратились. Все стихло.

Рипли подошла к микрофону:

— Паркер... Ламберт?

Она ждала ответа без всякой надежды. Ее опасения оправдались. Не прошло и минуты, как воцарилась могильная тишина.

Рипли осталась совсем одна. Вероятно, теперь на корабле было только три живых существа: она, Джонс и чужая тварь. Но все же следовало проверить.

Джонса придется оставить здесь, подумала Рипли. Ей не хотелось этого, но кот тоже слы-

шал крики и отчаянно мяукал. От него слишком много шума.

Крепко сжимая обеими руками огнемёт, Рипли беспрепятственно дошла до уровня В. Продовольственная кладовая была рядом. Оставался ничтожнейший шанс, что чужая тварь помиловала хотя бы одного потому, что сразу протаскать два человеческих тела через узкие воздуховоды практически невозможно. Ничтожнейшая вероятность, что кто-то остался в живых.

Сквозь дверной проем Рипли заглянула в кладовую. Одного взгляда на то, что осталось от ее товарищей, было достаточно, чтобы понять как чужая тварь сумела утащить обе жертвы в воздуховод.

Потом Рипли бежала куда-то, долго, слепо, не думая и не заботясь ни о чем, бежала как сумасшедшая. Стены длинных коридоров сужались и расступались. Ничто не могло остановить ее. Она бежала, пока хватило дыхания. Это напомнило ей о Кейне и о твари, зревшей в его груди, рядом с легкими. Мысль о Кейне заставила Рипли вспомнить и о той твари, которая хозяйничала на корабле сейчас.

Понемногу Рипли приходила в себя. Тяжело дыша, она перешла на шаг и огляделась. Оказалось, она пробежала вдоль всего корабля и теперь стояла в центре машинного отделения.

Ей показалось, что она слышит какие-то звуки. Рипли задержала дыхание. Звуки были знакомыми, их мог издавать только человек. Это был стон.

Держа огнемёт наготове, Рипли медленно обошла весь отсек, пока не убедилась, что источник стонов находится прямо под ней. Оглядевшись, Рипли обнаружила, что стоит на пло-

щадке трапа, имевшей вид металлического диска. Не выпуская из виду хорошо освещенный отсек, она опустилась на колени и сдвинула диск в сторону. Вниз, в крошечную темноту, вела лестница.

Рипли ощупью спустилась по лестнице, почувствовав под ногами твердую поверхность, включила фонарь. Это был небольшой служебный отсек. Луч фонаря нащупал пластиковые коробки, редко применявшиеся инструменты и... человеческие кости, на которых еще сохранились куски мяса. У Рипли мороз пробежал по коже, когда она увидела обрывки одежды, запекшуюся кровь, разорванный ботинок. Стены покрывали странные выделения.

В темноте что-то судорожно дернулось. Рипли резко повернулась и подняла огнемёт, одновременно выискивая фонарем движущийся предмет.

Справа от нее с потолка свешивался огромный кокон. Он напоминал герметично закупоренный полупрозрачный гамак, сотканный из блестящего, белого шелковистого материала. Гамак изредка подергивался.

Не спуская пальца с кнопки огнемёта, Рипли подошла ближе.

В свете фонаря через стенки кокона она увидела тело... Далласа.

Неожиданно глаза Далласа открылись, остановившись на Рипли. Его губы разомкнулись, он явно пытался что-то сказать. Охваченная ужасом, Рипли с трудом заставила себя подойти ближе.

— Убейте меня, — разобрала она умоляющий шепот.

— Что... что эта тварь сделала с вами?

Даллас попытался сказать еще что-то, но

Рипли не разобрала ни слова. Тогда он повернул голову чуть вправо. Рипли посветила туда фонарем. Там висел второй кокон, заметно отличавшийся от первого. Этот был меньше и темнее, а шелковистый материал образовал жесткую, блестящую оболочку. Конечно, Рипли не могла этого знать, но второй кокон походил на пустую разбитую вазу на брошенном космическом корабле.

– Это был Брет, – прошептал Даллас.

Рипли опять направила луч света на капитана. Слезы текли по ее лицу.

– Я вынесу вас отсюда... Мы подключим автодоктора, мы...

Рипли осеклась. Она вспомнила рассказанную Эшем историю о взаимосвязях между пауком и осой. Личинка осы растет на парализованном пауке. Паук знает, что происходит, но...

Большим усилием воли ей удалось заставить себя забыть о пауках и осах. Так можно сойти с ума, подумала она.

– Что я могу сделать?

– Убейте меня, – прошептал Даллас.

Рипли пристально смотрела на капитана. Слава Богу, его глаза были закрыты. Но губы Далласа дрожали, казалось, он вот-вот закричит. Этого крика я не выдержу, сказала себе Рипли.

Она подняла сопло огнемёта и судорожно нажала на спусковую кнопку. Пламя охватило кокон и то, что осталось от Далласа. Кокон и Даллас сгорели без звука. Рипли повела стволом огнемёта влево, потом вправо. Все логовище чужой твари охватил огонь. Рипли поднималась по лестнице, подгоняемая нестерпимым жаром.

Осторожно выглянув, она осмотрелась. Машинное отделение было по-прежнему пусто. Из

люка вырывались клубы дыма. Рипли закашлялась. Она выбралась наверх, прикрыла люк крышкой так, чтобы вниз проникало достаточно воздуха, поддерживающего горение, - потом решительно направилась к пульту управления машинным отделением.

Тут терпеливо трудились измерительные приборы и регулирующие устройства. Они ждали очередных приказов хозяев корабля. На одной из панелей все переключатели и регуляторы были красного цвета. Рипли постояла над этой панелью, вспоминая, какой регулятор чему соответствует, потом начала выключать их один за другим.

Один двойной переключатель был защищен специальным кожухом, закрытым на замок. Рипли не больше секунды рассматривала сложное устройство, потом отступила на шаг, разбила кожух прикладом огнемёта и перевела оба переключателя в противоположное положение.

Казалось, ей пришлось ждать целую вечность. Наконец завyli сирены. Включилась система внутренней связи, и Рипли от неожиданности вздрогнула, не сразу сообразив, что это говорит Мамаша:

- Внимание. Внимание. Охлаждающие гипердвигатели устройства не функционируют. Ручное управление не работает. Взрыв гипердвигателей произойдет через четыре минуты пятьдесят секунд, повторяю, через четыре минуты пятьдесят секунд.

Рипли уже пробежала полпути по коридору В и только тут вспомнила о Джонсе.

Возле трапа, соединяющего капитанский мостик с уровнем В, она обнаружила герметичный контейнер с Джонсом. Кот был цел и невредим,

но мяукал не переставая. Потом с контейнером в одной руке и с огнеметом в другой она побежала к спасательному кораблю. Контейнер с Джонсом больно бил по ноге.

Рипли миновала последний поворот перед шлюзом со спасательным кораблем. Вдруг Джонс зашипел и выгнул спину дугой. Рипли остановилась как вкопанная и ошеломленно заглянула в открытый шлюз. Оттуда доносился звук ударов.

В спасательном корабле хозяйничала чужая тварь. Оставив контейнер с отчаянно протестовавшим Джонсом, Рипли бросилась назад в машинное отделение.

На всем пути ее преследовал бесстрастный механический голос:

– Внимание. Взрыв гипердвигателей произойдет через три минуты двадцать секунд.

Рипли вбежала в отсек, где размещался пульт управления гипердвигателями. Ее обожгла волна раскаленного воздуха. Из-за плотного дыма она не сразу разобралась в расположении приборных панелей. Рипли смахнула капли пота с лица, каким-то чудом отыскала в дыму нужные регуляторы, заставила себя сосредоточиться и вспомнить последовательность их включения и вновь перевела в рабочее положение выключенные немногим более минуты назад. Сирена не умолкала.

– Внимание. Взрыв гипердвигателей произойдет через три минуты ровно.

Тяжело дыша, Рипли прислонилась к горячей стене, нажала кнопку и крикнула в микрофон:

– Мамаша, я же снова включила систему охлаждения на полную мощность!

– Аварийное включение системы охлаждения запоздало. Ядро силовой установки начало пла-

виться. В таких условиях реакция становится неуправляемой. Неизбежны имплозия, затем неконтролируемая перегрузка и последующий взрыв. Перегрузка и взрыв произойдут через две минуты пятьдесят пять секунд.

Раньше голос Мамаши действовал на Рипли успокаивающе. Теперь же он казался лишенным всего человеческого, таким же неумолимым, как и отсчитываемое им время.

Задыхаясь от дыма, Рипли выбралась из каморки. Надрывно выла сирена. Через настенный громкоговоритель Мамаша объявила:

– Внимание. Взрыв гипердвигателей произойдет через две минуты ровно.

У трапа Рипли ждал Джонс. Кот успокоился и уже не шипел, а лишь изредка мяукал. Рипли схватила контейнер с Джонсом и потащила к спасательному кораблю, стараясь держать огнемёт наготове. Ей показалось, будто за спиной мелькнула чья-то тень. Рипли резко обернулась, но на этот раз, к счастью, там никого не было.

В коридоре невероятно уставшая Рипли в нерешительности остановилась. Громкоговоритель не дал ей отдохнуть:

– Внимание. Двигатели взорвутся через девять секунд.

Поставив контейнер с Джонсом на пол, Рипли крепко, обеими руками сжала огнемёт и бросилась к шлюзу.

Шлюз был пуст.

Рипли бегом вернулась и схватила контейнер с котом. Чудовище не появлялось.

– Внимание. Двигатели взорвутся через шестьдесят секунд, – бесстрастно сообщила Мамаша.

Рипли сунула контейнер с несчастным Джонсом под приборную панель и упала в кресло

пилота. Времени на такие мелочи, как расчет траектории или начального угла полета, не осталось. Она резко нажала ту единственную кнопку, под которой красными буквами было написано: ЗАПУСК.

Удерживавшие спасательный корабль крепления отлетели почти с игрушечными взрывами. Выстрелили вспомогательные двигатели, и спасательный корабль отошел от "Ностромо".

Не обращая внимания на перегрузку, Рипли застегнула страховочные ремни. Она знала: как только спасательный корабль выйдет из гиперполя "Ностромо" и начнет самостоятельный полет в космосе, перегрузка исчезнет.

Наконец Рипли разобралась со страховочными ремнями, глубоко вдохнула, с удовольствием набрав полные легкие свежего воздуха. Только теперь она обратила внимание на жалобное мяуканье. Ремни мешали, и Рипли с трудом дотянулась до контейнера с Джонсом и крепко прижала его к груди. Ее глаза покраснели от дыма, а по щекам ручьями текли слезы.

Подняв голову, Рипли посмотрела на экран заднего обзора. На глазах небольшая светящаяся точка превратилась в величественный, быстро и бесшумно растущий огненный шар, разбрасывающий во всех направлениях миллионы крохотных кусочков металла и пластика. Вскоре огненный шар поблек, а на его месте возник другой, еще больший: взорвались нефтеперерабатывающая установка и резервуары с нефтью. Два миллиарда тонн газа и испарившегося в мгновение ока металла заполнили космос, заслонили все звезды и туманности. Затем и этот огненный шар стал блекнуть.

Волна быстро расширяющегося перегретого

газа настигла спасательный корабль и тряхнула его. Когда взрывная волна миновала, Рипли сняла страховочные ремни, прошла в кормовую часть крохотного кораблика и выглянула в иллюминатор. Огненный шар исчезал, бросив оранжевый отблеск на лицо женщины. Она отвернулась. И "Ностромо", и ее товарищей больше нет. Они уже не существуют. Свыкнуться с этой мыслью оказалось намного трудней, чем предполагала Рипли. Тяжелее всего было примириться с необратимостью происшедшего; ее товарищи, если и остались частью Вселенной, то разве что в виде разрозненных атомов. Стали ничем.

Задумавшись, Рипли не заметила, как из темного уголка спасательного корабля к ней потянулась мощная лапа. Лапу заметил истощно завопивший Джонс.

Рипли резко обернулась и оказалась лицом к лицу с чужой тварью. Тварь все это время пряталась на корабле.

Прежде всего Рипли вспомнила об огнемете. Оружие лежало на полу у лап чужой твари. Рипли отчаянно завертела головой в поисках любого укрытия. Рядом оказался крохотный отсек, дверь в который распахнуло взрывной волной. Рипли стала бочком продвигаться к этой двери.

При первом движении женщины чужая тварь начала подниматься. Рипли прыжком преодолела расстояние до двери, бросилась в отсек, успев на ходу ухватиться за дверную ручку и захлопнуть за собой дверь.

Отсек был настолько неглубок, что Рипли почти уперлась лицом в иллюминатор, располагавшийся в верхней части двери. С другой сто-

роны в иллюминатор заглядывала чужая тварь, заглядывала почти с любопытством, будто Рипли была невиданным зверем в клетке. Рипли хотела закричать и не могла выдавить из себя ни звука. Она лишь широко раскрытыми глазами глядела на тварь.

Крохотный отсек оказался не вполне герметичным. До Рипли донеслось отчетливое мяуканье. Чужая тварь тоже обратила внимание на незнакомые звуки и отправилась обследовать их источник. Она наклонилась, подняла контейнер с Джонсом. Кот громко зашипел.

В надежде отвлечь чужую тварь от беспомощного животного Рипли постучала по стеклу. На время уловка помогла. Через секунду тварь снова оказалась у иллюминатора, но Рипли замерла, и тварь не торопясь отправилась продолжать знакомство с контейнером и Джонсом.

Рипли в отчаянии осмотрела место своего заточения. Здесь кроме одного скафандра ничего не было. У Рипли дрожали руки, и все же она стала быстро надевать скафандр.

Тем временем чужая тварь, экспериментируя, встряхнула контейнер с Джонсом. Кот дико завыл. Рипли уже почти надела скафандр, когда тварь бросила контейнер на пол. Контейнер отскочил, но не разбился. Тварь снова схватила его и принялась колотить им о стену. Джонс выл не переставая. Наконец тварь сунула контейнер между двумя выступавшими трубопроводами и попыталась разбить его лапой. Джонс отчаянно шипел, стараясь выбраться на свободу.

Рипли надела и закрепила шлем. На спасательном корабле некому было проверять герметичность соединений. Если со скафандром что-то

не так, то в этом она убедится очень скоро в любом случае. Рипли нажала кнопку, и в скафандр стал поступать воздух из баллона.

Она в последний раз осмотрела крохотный отсек. Ничего похожего на лазерное оружие здесь не оказалось. Впрочем, им она все равно не смогла бы воспользоваться. Ей удалось найти лишь длинный металлический стержень с резиновым наконечником. Рипли стянула наконечник – стержень оказался заостренным. Конечно, острый прут – не оружие против чужой твари, но с ним Рипли чувствовала себя уверенней, что было немаловажно.

Рипли глубоко вздохнула, осторожно открыла замок и рывком распахнула дверь.

Чужая тварь моментально повернулась к двери и успела перехватить металлический стержень посередине, однако Рипли вложила в удар всю силу, навалившись на стержень всей массой, так что оружие глубоко вошло в тело твари. Тварь схватилась обеими лапами за стержень, а из раны потекла желтая жидкость. Попадая на металл, жидкость тут же энергично вспенивалась.

Рипли отскочила назад, одной рукой она крепко ухватила за металлическую стойку, а другой нащупала и сразу нажала кнопку аварийного открытия люка. Кормовой люк рывком отошел в сторону, и в ту же секунду вырвавшийся в открытый космос воздух выдул из корабля все, что не было надежно закреплено. Мимо Рипли стрелой пролетела чужая тварь. С нечеловеческой быстротой тварь успела протянуть лапу... и вцепиться в ногу Рипли, чуть выше лодыжки.

Рипли безуспешно старалась второй ногой

сбить лапу твари. Рядом с кнопкой аварийного открытия люка находился рычаг. Рипли нажала его, и люк захлопнулся, оставив чужую тварь в космосе, а ее - в спасательном корабле.

Из отрубленной люком конечности твари, мгновение назад крепко державшей Рипли, засохла желтая жидкость, которая тут же стала растворять обшивку люка. Рипли пошатнулась, с трудом добралась до кресла пилота, отыскала пульт управления двигателями и нажала несколько кнопок.

Из сопла спасательного корабля вырвалась струя раскаленных газов. Опаленная чужая тварь отцепилась от корабля, и в тот же момент из обрубка ее конечности перестала сочиться едкая жидкость.

Рипли с беспокойством наблюдала, как пузырится металл. К счастью, процесс скоро прекратился. Рипли села за пульт небольшого бортового компьютера, ввела запрос и застыла в ожидании ответа.

НАСКОЛЬКО ПОВРЕЖДЕН КОРМОВОЙ ЛЮК?

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ: НАБЛЮДАЕТСЯ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЕ УМЕНЬШЕНИЕ ТОЛЩИНЫ КОРПУСА. ЦЕЛОСТНОСТЬ КОРАБЛЯ НЕ НАРУШЕНА. ГЕРМЕТИЧНОСТЬ КОРАБЛЯ НЕ ПОСТРАДАЛА. СИСТЕМА АВТОМАТИЧЕСКОГО УСТРАНЕНИЯ ПОВРЕЖДЕНИЙ СПРАВИТСЯ С РЕМОНТОМ.

ВЫВОДЫ: ПО ДОСТИЖЕНИИ ПУНКТА НАЗНАЧЕНИЯ ЗАМЕНИТЬ ПОВРЕЖДЕННЫЕ ЧАСТИ. ИНСПЕКЦИЯ НЕ ДОПУСТИТ КОРАБЛЬ К ПОЛЕТАМ В ЕГО НАСТОЯЩЕМ СОСТОЯНИИ.

Рипли издала победный клич, потом снова

подошла к кормовому иллюминатору. Бесформенная, дымящаяся, корчащаяся масса медленно отставала от корабля. От нее отваливались кусочки сторевшей плоти. Потом невероятно выносливый и сильный организм сдался: под действием разности наружного и внутреннего давления он раздулся и лопнул, разорвавшись на тысячи мельчайших частиц. Теперь уже безвредные, эти дымящиеся частицы разлетались во все стороны и скоро скрылись из виду.

Нельзя сказать, что Рипли испытывала большую радость. Жесткие складки на лице скорее свидетельствовали об обратном, а память о недавних кошмарах все еще мучила ее. И все-таки она успокоилась, удобно устроилась в кресле пилота и впервые за много дней позволила себе расслабиться.

Она нажала несколько кнопок. Кабина корабля снова наполнилась воздухом. Потом она открыла контейнер. Как и все коты на свете, Джонс быстро забывал неприятности. Он свернулся калачиком на коленях хозяйки, замурлыкав от удовольствия. Рипли гладила кота и диктовала бортовому компьютеру:

- Я должна достичь границ обитаемой Вселенной примерно через четыре месяца. Если мне повезет, мой сигнал бедствия перехватит система маяков и передаст его дальше. У меня будет подготовлено сообщение для средств массовой информации. Дубликат этого сообщения, а также сведения о некоторых сторонах деятельности Компании, представляющих несомненный интерес для правительства, будут храниться в бортовом вахтенном журнале.

Это сообщение передала Рипли, идентификационный номер W5645022460 Н, уорент-офицер,

единственный оставшийся в живых член экипажа коммерческого космического корабля "Ностромо".

Рипли выключила компьютер. В кабине корабля было тихо и спокойно - впервые за много дней. Рипли не верилось, что ей удастся по-настоящему отдохнуть. Оставалось только надеяться, что в гиперсне ее не будут мучить кошмары.

Рипли гладила рыжего кота и улыбалась:

- Пойдем, Джонс... Пойдем спать...

Литературно-художественное издание

Алан Д. Фостер

ЧУЖОЙ

Заведующий редакцией А.А. Кирюшкин.

Ведущий редактор А.Г. Белевцева.

Редактор М.А. Харузина. Художник К.А. Сошинская.

Художественный редактор Н.М. Иванов.

Технический редактор М.В. Глебова.

Корректор Т.М. Подгорная.

ИБ № 8485

Л.Р. № 010174 от 22.01.92 г.

Сдано в набор 20.09.93. Подписано к печати 27.10.93.
Формат 70 x 100¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура таймс. Объем 5,0 бум. л. Усл. печ. л. 13,00.
Усл. кр.-отт. 13,41. Уч. изд. л. 13,28. Изд. № 9/9346.
Тираж 40 000 экз. Зак. 900 . С 111.

Фотоофсет.

Издательство "Мир" Министерства печати и информации
Российской Федерации.
129820, ГСП, Москва, И-110, 1-й Рижский пер., 2.

Можайский полиграфкомбинат Министерства печати
и информации Российской Федерации.
г. Можайск, ул. Мира, 93.

Зарубежная

фантастика

Алан Д. Фостер
Чужой

Издательство «Мир»

